

Череповецкий государственный университет

Гуманитарный институт

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

*Материалы VI Всероссийской
(с международным участием)
научно-практической конференции*

г. Череповец, 24–26 марта 2016 г.

Череповец
2016

УДК 316
ББК 60.5
П 78

Печатается по решению кафедры истории Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, протокол № 1 от 28.08.2015.

Одобрено на заседании НТС ФГБОУ ВПО ЧГУ, протокол № 3 от 12.11.2015.

П 78 Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24–26 марта 2016 г.) / Под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. – Череповец: ЧГУ, 2016. – 181 с.
ISBN 978–5–85341–699–4

В данный сборник вошли доклады, представленные в ходе работы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы социальной справедливости и современный мир», проходившей в марте 2016 г. на базе ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет». В работе конференции отмечается тенденция роста интереса молодежи к данной проблеме. Работы представляют ценность для широкого круга читателей: студентов, научных работников, преподавателей, управленцев. Материалы представленных в сборнике работ могут быть использованы в курсах учебных дисциплин, в политике по корректировке социально-экономических программ государства и в решении вопроса о распределении такого дохода граждан, как заработная плата.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978–5–85341–699–4

© Авторы, 2016
© ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2016

Доклады, представленные на пленарном заседании

<i>Егоров А.Н.</i> Либеральные публицисты начала XX века о социальных ценностях кадетской партии	6
<i>Марков Е.А.</i> Проблема преемственности власти в государствах постсоветского пространства	12
<i>Новиков А.Е.</i> Справедливость как фантом в современных политических играх	16
<i>Князева С.Е.</i> Социально ориентированное государство: Европейский Союз и Россия	19
<i>Седов А.В.</i> Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л.Н. Толстого	24
<i>Хайлова Н.Б.</i> Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века	30
<i>Козлова О.В.</i> Причины социально-экономического неравенства в РФ	35
<i>Лойко А.И.</i> Концепт справедливости в структуре социальной этики: институциональный подход	40
<i>Мехова А.А.</i> Социальный капитал в контексте проблем социальной справедливости	44
<i>Лаврова С.Ю.</i> Литературная репутация и социальная справедливость: к вопросу о творчестве беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова	49

Социальная справедливость и социальное государство в реалиях современного мирового политического и экономического кризиса

<i>Ковалева Г.А.</i> Доступность медицинских услуг как критерий справедливости	56
<i>Балюшина Ю.Л.</i> Вопросы справедливости глазами студенческой молодежи	60
<i>Тумаков Д.В.</i> «Социальная справедливость» эпохи позднего сталинизма: трагический случай в Ярославской области	63
<i>Андрощук В.А.</i> Социальная справедливость как эталон нравственности	68
<i>Алексеева Н.В.</i> Социальная справедливость с точки зрения традиции крестьянской благотворительности (Европейский Север в XIX веке)	72

Теоретические аспекты исследования проблемы социальной справедливости

<i>Дик П.Ф.</i> Осмысление справедливости в христианском богословии	76
---	----

<i>Лойко Л.Е.</i> Философия социальной справедливости в современном марксизме	82
<i>Исаков А.А.</i> Два образа справедливости в русской публицистике XV–XVI веков	86
<i>Бушуева Н.А., Смирнов В.В.</i> Право как выражение социальной справедливости в философии В.С. Соловьева	92
<i>Козлов М.И.</i> Идеал социально справедливого общества в творчестве М.А. Бакунина и современность	95
<i>Смирнова О.В.</i> Свобода личности и социальная справедливость	100
<i>Куницин А.Г.</i> Социальная справедливость и истина	104
<i>Воробьева О.С.</i> Социальная справедливость как общенациональная идея и основа патриотизма	108

Проблемы практической реализации принципов социальной справедливости

<i>Прохоров Д.А.</i> К истории развития социальной работы в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Гендерные аспекты общественной и частной благотворительности в караимских общинах	113
<i>Тотьмянин Н.Д.</i> Справедливый рейтинг президентов США	118
<i>Антонова З.В.</i> К проблеме оценивания результатов труда студентов с ограниченными возможностями здоровья с точки зрения справедливости	121
<i>Глотова С.Н.</i> Социальная справедливость в системе образования	123
<i>Воробьева И.Н.</i> Социальная справедливость в системе ценностей работников промышленного предприятия	127
<i>Пахолкова Т.В.</i> Жены репрессированных в поисках справедливости	132
<i>Квашнин В.А., Сухондяева Т.Ю.</i> Шестнадцатая республика	136

Реализация социальной справедливости в виртуальном пространстве

<i>Лукина Д.С., Некрасова Т.В., Шубина Т.Ф.</i> Социальное неравенство в сети Интернет по отношению к людям с ограниченными возможностями	145
---	-----

Размышления о справедливости как социальном феномене

<i>Муллабаева Р.Р.</i> Попытки реализации принципов социальной справедливости на начальном этапе интеграции Таврической области в 1783–1796 гг.	151
--	-----

<i>Одноочко М.И.</i> Проблема свободы и справедливости в художественном творчестве	155
<i>Пудова О.С.</i> Социальная несправедливость в отражении романов «Джунгли» и «Столица» Эптона Синклера	157
<i>Поматилов Д.М.</i> Феномен справедливости в виртуальной среде	160
<i>Табунов П.А.</i> Интернет-пространство как сфера проявления социальной несправедливости	163
<i>Грушина Е.А., Петровская А.В.</i> Проблема справедливости статуса женщин в инженерной специальности	166
<i>Нечаева С.А.</i> Социальная справедливость в представлениях религиозного человека	169
<i>Баятина Е.Р.</i> Престижное потребление как способ компенсации социальной несправедливости	172
<i>Соловьева Е.А.</i> Социальное неравенство в условиях современной России .	173
<i>Попов В.И.</i> Учение масонов как ступенька к социальной справедливости .	176
Сведения об авторах	179



Доклады, представленные на пленарном заседании

А.Н. Егоров
г. Череповец

Либеральные публицисты начала XX века о социальных ценностях кадетской партии

Аннотация. В статье анализируются работы либеральных публицистов, посвященные идейным основам конституционно-демократической партии: идеалам демократии, конституционализма, социальной справедливости. Показано, в чем кадетские публицисты видели сходство и различие либеральных и социалистических идей.

Ключевые слова: либерализм, конституционализм, социализм, кадетская партия, социальная справедливость, публицистика.

Первая российская революция 1905–1907 гг. привела к появлению целого ряда политических партий, многие из которых в своих программах предлагали различные варианты социальных преобразований, рассчитанных на широкие народные массы. Кадетская партия не могла остаться в стороне от решения социальных проблем. Либеральные публицисты, рассматривая свою идеологию и программатику, исходили из целого ряда взаимосвязанных положений: надклассовый (внеклассовый) характер партии, демократизм, реалистичность и социальная направленность предлагаемых реформ, ставка на эволюционный путь развития России. В 1906 г. П.Б. Струве так охарактеризовал идейные основы кадетской партии: «Наша партия *либеральная* (здесь и далее курсив авто-

ра. – А. Е.): она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для *всякой* личности и поэтому она *демократична*. И в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а, наоборот, утверждает в своей программе действительную, практическую идею *социализма*. В то же время она есть партия не классовая, а *национальная*. Она стремится объединить все живые прогрессивные силы нации и этим объединением поставить их все на службу идее целостного национального возрождения. Она эволюционна, а не революционна. Это значит: как бы ни смотрели отдельные лица, как бы ни увлекались они теми или другими условиями момента, в основе политического мировоззрения нашей партии может лежать только идея политики как воспитания, а не как принуждения общественного человека» (цит. по: [5, с. 40]).

Данные положения обстоятельно разбирались в либеральной публицистике, за тем исключением, что кадеты не считали себя либералами в марксистском понимании этого слова (либерализм = буржуазная идеология) и за отдельными исключениями не идентифицировали свою партию как либеральную. Если же некоторые кадеты признавали себя либералами, то неизменно добавляли, что их либерализм носит демократический и социальный характер [10, с. 298]. Поэтому вслед за социалистами кадеты видели своих предшественников в Н.И. Новикове, А.Н. Радищеве, декабристах и А.И. Герцене [5, с. 38]. Это положение заставило усомниться некоторых публицистов и историков в либерализме кадетов, что неудивительно, учитывая огромное влияние советской историографии, немало потрудившейся над канонизацией данных образов, занявших прочное место в рядах революционных борцов. Однако еще досоветские историки обратили внимание на либеральную составляющую в их наследии. Так, в 1904 г. А.А. Кизеветтер назвал А.Н. Радищева «типичным представителем молодого поколения русских либералов Екатерининской эпохи», который придавал большое значение политической реформе, установлению правового строя, при котором «все свободные граждане были бы гарантированы от правительственного произвола» [7, с. 83–84]. Либерализм Радищева признается и современными учеными [11, с. 126]. Наличие либеральных идей в программах декабристов не нуждается в специальном обосновании. В наследии А.И. Герцена не составит большого труда найти идеи, вполне созвучные либеральной доктрине. Так, известный исследователь И. Берлин, сопоставив взгляды Герцена и одного из основоположников классического либерализма – Джона Стюарта Милля, обратил внимание на то, что оба этих мыслителя поставили свободу личности в центре своего «социального или политического учения, для них это святая святых, без нее лишается смысла вся остальная деятельность» [1, с. 111].

Данное положение отмечается и современной отечественной историографией, показывающей, что Герцен придавал большое значение свободе личности, понимаемой как ненасильственное самовыражение культурного человека [13, с. 216].

В современной российской историографии есть работы, посвященные влиянию А.И. Герцена на мировоззрение кадетов. В них показано, что, объявляя себя преемниками герценовской традиции и наследниками его духа, идеологи нового либерализма «ни в коей мере не грешили против истины», поскольку в их взглядах действительно нашли преломление некоторые аспекты учения Герцена, но в новой исторической ситуации [4, с. 101]. Об этом в начале XX в. говорил еще П.Б. Струве: продолжать дело Герцена означает «распространять тот широкий, не скованный никакими доктринами и в то же время твердый дух борьбы за всестороннюю свободу личности и общества» (цит. по: [4, с. 101]).

Продолжая эту линию, А.А. Корнилов усматривал в кадетской программе выражение основных идей и принципов «русско-интеллигентной демократии»: «Эти идейные основы, которые для нас являются незыблемыми... могут быть выражены старой демократической формулой: «свобода, равенство и братство», осуществление которой должно быть достигнуто при помощи свободной от всяких стеснений народной воли. Это и есть основной принцип демократии – демократии не якобинской, а признающей свободу народной воли, – принцип, который был положен в основу партии народной свободы» [9, с. 4].

Говоря о неизменности идейных основ своей партии, кадеты вполне допускали изменения в программе, вызванные сменой обстоятельств общественного развития. Поэтому они спокойно отнеслись к изменению после Февральской революции раздела о форме государственного устройства (демократическая парламентская республика вместо конституционной и парламентской монархии). А.А. Корнилов объяснял это тем, что в основе кадетской партии лежат принципы демократии, которые допускают возможность той и другой формы правления, лишь бы только «свободный демократический строй, свободное проявление народной воли были бы вполне этой формой правления обеспечены» [9, с. 5].

Кадеты категорически отрицали важнейший тезис социалистов о том, что их программа направлена на обслуживание интересов буржуазии. А.А. Кизеветтер писал, что Партия народной свободы является внеклассовой партией, поскольку рассматривает и разрешает «вопросы государственной и народной жизни с точки зрения общегосударственного и общенародного блага» [8, с. 10]. В этом он видел основное отличие кадетов от буржуазных и социалистических партий, которые, по его мнению, являлись классовыми по своей природе.

Правая публицистика постоянно подчеркивала оторванность либеральной идеологии от повседневных народных нужд. Кадеты доказывали прямо противоположный тезис о принципиальной реализуемости их программных положений в самом ближайшем будущем. Партия народной свободы, как писал А.А. Кизеветтер, является партией реальной политики в том смысле, что «пути к осуществлению этих идеалов намечаются партией на основании строгого учета реальных жизненных условий. Идеалы партии народной свободы широки и вечны. Эти идеалы – свобода и социальная справедливость» [8, с. 4]. В то же время кадеты не стремились достичь поставленных целей любым путем, полагая, что способы и приемы политической борьбы за правовое государство не только не могут противоречить идеалам свободы и справедливости, но и сами по себе должны воспитывать граждан в духе этих начал. Отсюда важнейший тезис кадетов – нельзя насаждать свободу посредством произвола. Из этого положения вытекало отрицательное отношение Партии народной свободы к насильственным «якобинским» приемам, которые широко использовали крайние фланги политического спектра. По словам Кизеветтера, из этого положения вытекала вся политическая программа кадетов, сводящаяся к установлению таких политических учреждений, которые обеспечивали бы осуществление «правомерного народовластия» [8, с. 21].

Отрицание насильственных методов политической борьбы превращало кадетов в сторонников эволюционного пути общественного развития. П.И. Новгородцев писал, что идея эволюционного развития общества является важнейшим идеалом ПНС: «Мы исходим из убеждения, что самое главное в общественном прогрессе – обозначение условий беспрепятственного и бесконечного развития... Мы считаем идеалом общественного устройства такую форму политического бытия, когда осуществляется принцип свободного выражения отдельных волей, которые беспрепятственно заявляют свои верования, свои мысли, свои требования, когда из свободного выражения и сочетания отдельных волей рождается прогресс общественной мысли и общественной жизни» [10, с. 289].

Довольно обстоятельно кадетские публицисты рассмотрели проблему соотношения своей идеологии с социалистической. Они признавали огромное влияние марксизма на многие программные положения кадетской партии. А.С. Изгоев писал: «Русский марксизм был, несомненно, отцом русского демократического конституционализма. Внешним образом это выразилось в том, что значительная часть марксистов отдала свои силы теоретической и практической пропаганде конституционных идей в России. Внутренне это сказалось тем, что только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для России конституци-

онного строя» [6, с. 5]. Он считал, что кадетская партия не отрицала социализма как идеала, к которому идет и придет человечество, но она не признавала революционного, насильственного пути построения социализма. Человечество должно прийти к нему, повинувшись «свободному голосу своей совести и разума. Нельзя человечество, как барана, притянуть на веревке силой к социализму» [5, с. 40].

Сходство многих положений кадетской программы с программой-минимумом социалистических партий позволяет утверждать, что именно демократические ценности сближали либералов с социалистами. П.И. Новгородцев утверждал, что программа-минимум РСДРП «не есть программа социалистическая, это программа демократическая, программа демократического либерализма» [10, с. 293]. Либеральный философ, проследив влияние социалистических идей на европейскую политику, пришел к выводу, что кадетская партия, «как и вообще современный демократический либерализм», сходится с социализмом. В чем же выражалось это сходство? Новгородцев в качестве примера привел высказывания английского либерала Г. Самюэля, который считал, что в современном государстве границы либерализма и социализма стираются: «Либерал разделяет с социалистом чувство глубокого негодования против зол существующего экономического строя. Он охотно соглашается с ним в том, что государство должно принять энергичные меры для уврачевания этих зол. Он согласен, что государственное хозяйство часто является могущественным средством для этого, но он с недоверием относится к национализации всей промышленности» [10, с. 298].

С другой стороны, П.И. Новгородцев отмечал и различия между либералами и социалистами. Первые отличались своим эмпирическим, осторожным методом умозаключения: «В то время как социалисты считают возможным сразу осуществить самые сложные реформы, либералы идут путем научного изучения фактов, путем научного исследования того, что может быть осуществлено». Кроме того, социалисты недооценивали значение воспитания общества в процессе социального преобразования. «Все наши реформы, – писал Новгородцев, – были бы недолговечны, если бы нам не удалось усовершенствовать, улучшить человека, внедрить в него демократические чувства» [10, с. 299]. Практически все кадетские публицисты, признавая взаимосвязь либеральных и социалистических идей, акцентировали внимание и на различиях между Партией народной свободы и левыми партиями. Эти различия они видели как в разных методах достижения поставленных целей, так и в программных положениях. По мнению А.А. Кизеветтера, идеи диктатуры пролетариата и классовой борьбы проводят основную грань между социалистическими партиями и кадетами [8, с. 27]. Для Н.Н. Розенталя основной пункт расхождения между ПНС и левыми партиями заключался во

взгляде на частную собственность и на возможность «социалистического переворота» [12, с. 31]. По А.А. Корнилову, резкое отличие ПНС от РСДРП в том, что кадеты, занимая внеклассовую позицию, выступали против обострения «классовых антагонизмов», на что была направлена социальная политика социалистов [9, с. 8].

Отмечали кадеты и свои расхождения с социалистами в аграрном вопросе. Н.Ф. Езерский писал, что кадетам ошибочно приписывали предложение принять в качестве директивы принудительное отчуждение всех частновладельческих земель. Такая социалистическая постановка не соответствовала убеждениям членов партии [3, с. 105]. Кадеты выступали за признание принципа принудительного отчуждения, а не за радикальный социальный переворот. А.С. Изгоев указывал, что аграрная программа ПНС ставила своей целью передать землю непосредственно в руки трудящихся, а не «безличному государству, как в той или иной форме требуют социалисты всяких толков» [5, с. 40]. А.А. Корнилов резко выступал против конфискации помещичьих земель, считая ее «совершенно недопустимой, крайне несправедливой», поскольку затем может последовать и логическое продолжение – конфискация предприятий, домов и прочего имущества [9, с. 27]. Тем самым либералы убедительно доказали несостоятельность утверждений правой публицистики о «революционности» кадетской партии, об отсутствии принципиальных различий между ПНС и социалистами. Современные историографические дискуссии по этому вопросу рассмотрены А.Н. Егоровым [2, с. 124–136].

Главные выводы, к которым пришли кадетские авторы, проанализировав программные установки своей партии, отражают слова А.С. Изгоева: «Уважение к свободе, отвращение к насилию и ко всякой диктатуре, трезвость политической мысли, учитывающей все действующие силы, чтобы создавать реальные реформы, а не бряцать словесными лозунгами, – таковы основные черты политической физиономии партии народной свободы» [5, с. 43].

Литература

1. Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001.
2. Егоров А.Н. Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2.
3. Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907.
4. Завольская Г.Н. Герцен – это свобода! (По страницам политических еженедельников партии народной свободы) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XI. М., 1993.
5. Изгоев А.С. Наши политические партии. Пг., 1917.

6. Изгоев А.С. Русское общество и революция. М., 1910.
7. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 2006.
8. Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917.
9. Корнилов А.А. Партия Народной Свободы (Исторический очерк). Одесса, 1917.
10. Новгородцев П.И. Идеалы Партии Народной Свободы и социализм // Опыт русского либерализма. Антология / Отв. ред. М.А. Абрамов. М., 1997.
11. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
12. Розенталь Н.Н. Исторический очерк Партии народной свободы. Пг., 1917.
13. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.

Е.А. Марков
г. Череповец

Проблема преемственности власти в государствах постсоветского пространства

Аннотация. Проблема преемственности власти была и остается важной и острой в значительной части всех новообразованных государств, расположенных на территории бывшего Советского Союза. Можно сказать, что она законсервирована и до поры до времени не заявляет о себе. Но в будущем она может обернуться новыми потрясениями.

Ключевые слова: преемственность власти, выборы, президент, электорат.

Проблема преемственности досталась постсоветским государствам в качестве рудимента от политического режима, существовавшего в СССР, когда страной правили главный вождь и более мелкие вожди. Этот институт носил название Политбюро ЦК КПСС. Вхождение в состав Политбюро означало долговременное в нем пребывание, прервать которое мог только особый случай: избавление рядов партии от «врагов народа», болезнь со смертельным исходом (И.В. Сталин) или потеря должности в результате заговора соратников (Н.С. Хрущев). Надо заметить, что Политбюро формировалось в качестве высшего звена элиты партийного руководства из коммунистов, имевших достаточно большие заслуги перед партией и страной. В этот орган невозможно было попасть по принципу родства. Ни один из вождей даже и не пытался ввести в состав Политбюро своих родственников. Попадание туда означало прохождение долгого пути по карьерной лестнице, на что требовались десятки лет.

После распада Советского Союза и появления на постсоветском пространстве новых государств эта традиция была отчасти сломана. В новых государствах органы власти стали формироваться на основе реализации принципа выборности. В каких-то постсоветских государствах этот принцип прижился достаточно легко и стал осуществляться в полной мере (прибалтийские республики), на основе подлинной конкуренции между представителями различных политических сил. Прошла через такой «романтический период» и Россия, если вспомнить выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и выборы народных депутатов РСФСР в 1990 г. На первом съезде народных депутатов СССР сформировалась тогда так называемая межрегиональная группа (МДГ), которая и составила ядро оппозиционных сил в стране и стала зачинщиком будущих политических и экономических преобразований, а избранные населением народные депутаты РСФСР избрали на съезде Председателем ВС республики опального на тот момент Бориса Ельцина, уже через год избравшегося на должность Президента РФ.

Но «романтический период», когда в России конкурировали разные политические силы в виде партий и движений, прошел. И в стране, правда, не без проблем, вновь установился привычный порядок, когда на политическом поле доминирует одна партия. Сегодня – это «Единая Россия», созданная по инициативе «сверху», которая, начиная с 2003 г., имеет большинство голосов в Государственной Думе, что позволяет депутатам-единороссам принимать любые законы, подготовленные Администрацией Президента и Правительством. К тому же лидером данной партии поочередно являются первые лица государства – Владимир Путин и Дмитрий Медведев.

Принцип выборности реализуется в бывших постсоветских республиках по-разному. В тех новообразованных странах (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Белоруссия), в которых руководители давно уже заручились согласием народа на бессменную деятельность в качестве президента, он используется в качестве лишь некоего «фигурного листка», маскирующего отсутствие политической конкуренции. Наиболее легко принцип выборности прижился в прибалтийских странах, которые вышли из зоны российского влияния и стали маневрировать в сторону Европы, попав также и под влияние США.

В современной России выборы проходят в соответствии с законодательством регулярно и в установленные сроки. Причем выборное законодательство как будто меняется в сторону большей демократичности. К примеру, еще несколько лет назад кандидатуры глав регионов предлагал президент, а затем уже кандидаты утверждались на должность местными представительными органами власти. Сегодня большинство руководителей регионов выбираются населением. Меняется и порядок фор-

мирования состава Государственной Думы. В сентябре 2016 г. Дума будет формироваться по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе, в результате половина депутатов будут избираться от одномандатных округов, а вторая половина – по партийным спискам.

Президент страны избирается путем прямого всеобщего голосования, на альтернативной основе. Правда, в результате конституционной поправки срок деятельности президента увеличен с 4 до 6 лет. Но проблема преемственности власти не стала менее острой, поскольку результаты выборов президента являются вполне предсказуемыми. В течение двух сроков подряд (2000 – 2008 гг.) эту должность занимал Владимир Путин, которого на этом посту сменил соратник Путина – Дмитрий Медведев. Народ образно назвал смену лидеров «рокировкой», потому что Владимир Путин стал премьер-министром. В 2012 г. он вновь занял кресло президента, а премьерское кресло ожидаемо досталось Дмитрию Медведеву. Ближится 2018 г. – год очередных выборов Президента России. Если Владимир Путин вновь примет участие в выборах, то подобный способ передачи власти уже известным лицам станет традицией.

Положительный момент такой перестановки – сохранение стабильной политической ситуации в стране, в результате которой обеспечивается сохранение баланса политических сил.

Однако отрицательных моментов при таком способе передачи власти все же больше.

1. Такая стабильность уже чем-то напоминает эпоху Л.И. Брежнева, то есть стабильность, которая привела страну к застою. На самом деле застой порождается отсутствием конкуренции между политическими силами. В результате на политической арене не появляются новые яркие политические лидеры, а установившийся баланс между официально признанными политическими силами консервируется. В нашей стране существует два вида оппозиции. Одна – встроенная в существующую систему и представленная фракциями в Государственной Думе (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР). Среди этих партий наибольшей оппозиционностью обладает КПРФ, которая на всех выборах предлагает четкую программу действий. Но поскольку у этих фракций нет в совокупности необходимого количества голосов, с помощью которых могли бы быть заблокированы инициативы действующей власти, то роль официальной оппозиции весьма условна. В этом случае официально признанные оппозиционные силы играют роль актеров политической деятельности, не выходя за рамки согласованных с действующей властью условий.

2. В условиях отсутствия реальной политической конкуренции крайне медленно развиваются институты гражданского общества. Это под-

тверждают и результаты проходящих в стране выборов. Участие граждан в выборах (явка) является показателем уровня гражданской активности и индикатором уровня политической культуры. Результаты голосования показывают, что на выборах федерального значения (формирование Государственной Думы, выборы Президента РФ) граждане принимают достаточно активное участие. К примеру, на выборах в Государственную Думу 04.12.11 г. явка избирателей составила 60,2 %. В голосовании на выборах Президента РФ 04.03.12 г. приняло участие 65,3 % избирателей, что говорит о высокой активности граждан [2]. Но чем ниже уровень выборов, тем ниже уровень активности избирателей. К примеру, на выборах губернатора Вологодской области в сентябре 2014 г. явка избирателей составила 29,7 % от общего числа избирателей [1]. Такой результат стал самым низким в России. Этот показатель говорит о том, что избиратели не оказывают поддержки кандидатам, поскольку сомневаются в том, что те будут защищать интересы широких слоев населения.

3. Более всего от отсутствия конкуренции страдает экономическая сфера, поскольку в современных условиях экономического нажима на Россию со стороны США и европейских стран экономика должна стать тем паровозом, который сможет придать развитию страны новую энергию движения. К сожалению, в настоящее время Россия демонстрирует успехи во внешней политике, а вот во внутренней – топчется на месте. Причина тому – отсутствие волевых и профессиональных управленцев-экономистов в правительстве. Но ведь давно уже известно, что внешняя политика есть продолжение внутренней. От экономической мощи страны зависит вес и влияние ее в международном сообществе, что позволяет отстаивать национальные интересы с большей эффективностью.

Проблема формирования демократических условий в процессе передачи власти будет становиться все более и более заметной и важной. В тех странах, где лидеры достаточно молоды, полны сил и энергии, проблема преемственности не встает пока во весь рост. Но так будет продолжаться не всегда, а потому задуматься о формировании условий для передачи власти демократическим путем надо уже сегодня. Потому что отсутствие положительных сдвигов в этом процессе может обернуться новыми потрясениями.

Литература

1. Выборы губернатора Вологодской области – 2014. URL: <http://www.severinform.ru/?page=topic&topicid=327>
2. Любарев А.Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации. URL: http://enotabene.ru/pr/article_8778.html

3. Соломон Г.А. Среди красных вождей (1898–1923). М., 2007.

А.Е. Новиков
г. Череповец

Справедливость как фантом в современных политических играх

Аннотация. В статье рассматривается использование принципа справедливости в современной геополитике. При этом указывается на субъективность его трактовки участниками международных отношений, стремящимися любыми способами добиться выгоды для себя, в том числе за счет использования концепта справедливости в качестве инструмента для достижения своей цели.

Ключевые слова: справедливость, геополитика, инструмент для дискредитации, США, гегемон мировой политики, права человека, политическая конъюнктура, избирательный гуманизм.

Справедливость является, безусловно, одной из фундаментальных этических категорий человеческого бытия, которая играет важную роль в общественных отношениях, в сфере правосудия, в политике, в личных взаимоотношениях между людьми. Она представляет собой понятие о должном, понятие, «содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния (прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоев, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения)» [5] и т.д.

Собственно весь путь развития мировой цивилизации можно представить как многовековое устремление к достижению справедливости, результаты которого представляются сегодня крайне неоднозначными. Одним из итогов всего этого можно, пожалуй, считать то, что желание справедливости, призывы к ней превратились в некий расхожий лозунг, используемый в играх на мировой «шахматной доске» (термин Зб. Бжезинского [1]) для достижения самых разных целей, в том числе и прямо противоположных значению самого термина.

Главным игроком на мировой «шахматной доске» или «гегемоном мировой политики» [1] в конце XX – начале XXI столетия стали США, которые фактически и определяют справедливость того или иного события, явления в мировой геополитике. Значительная часть менее крупных «игроков» в этом смысле действует с оглядкой на Вашингтон. По-

нятие справедливости при этом превращается, по существу, в некий фантом и используется для достижения различных целей, но прежде всего для дискредитации своих политических противников, в первую очередь – России...

В этом контексте становится более понятным, почему провозгласившая себя независимой в одностороннем порядке Республика Косово (17 февраля 2008 г. Парламент Косова объявил о независимости в одностороннем порядке, без проведения какого-либо референдума [11]) довольно быстро получила признание: ведь уже на следующий день, 18 февраля, администрация США признала Косово «как суверенное и независимое государство» [12], а затем, получив таким образом необходимый «сигнал» от гегемона мировой геополитики, это же сделали и многие другие государства, следующие в фарватере американской политики (всего на настоящий момент Косово признали 108 стран из 193 членов ООН [8]). Россия в числе немногих стран заявила в связи с этим о полном попрании принципа справедливости в международных отношениях и норм международного права [3]. В то же время прямо противоположной выглядит ситуация с принятием Крыма в состав России, произошедшим в результате референдума, который состоялся в республике 16 марта 2014 г., в ходе которого, как известно, 96,6 % жителей полуострова проголосовали за воссоединение с Россией [7]. США и ведущие страны Запада не признают его итогов [10], и, как следствие, лишь несколько государств «осмелились» признать факт вхождения Крыма в состав России (это Никарагуа, Боливия, Зимбабве, Судан, Сирия, КНДР, Куба, Венесуэла и некоторые другие [6]).

«Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества» [1], – пишет небезызвестный Зб. Бжезинский в одной из своих последних книг. Однако прежде всего этот политолог говорит о достижении США «мирового господства» и о возможности удержания ими гегемонии в современной геополитической ситуации. При этом, естественно, справедливым является то, что выгодно для США в связи с необходимостью реализации указанного плана. Забота о справедливости, о правах человека служит, как правило, лишь прикрытием для проведения США агрессивной-высокомерной политики по отношению к другим странам и народам.

Показательна в этом смысле и вызвавшая шумный резонанс в мировых СМИ история с летчицей и бойцом батальона «Айдар» Надеждой Савченко, представшей недавно перед российским судом и осужденной на длительный срок за участие в убийстве журналистов ВГТРК Игоря Корнелюка и Антона Волошина. Добиваясь справедливости (как они

полагают), в ее защиту выступили и чиновники США и других стран Запада, и украинские националисты, и российские либеральные правозащитники. Однако почти не слышно голосов, раздающихся в защиту находящейся уже несколько месяцев под стражей в Одесском СИЗО беременной журналистки Елены Глищинской-Романовой [4], сотен политзаключенных, томящихся в тюрьмах Харькова, Одессы... Никто не вспоминает погибших детей Донецка (а их уже более 60 – в возрасте от 6 месяцев до 18 лет [3]). Все это, по мнению известного российского правозащитника и политического деятеля, одного из основателей общества «Мемориал» Вячеслава Игумнова, связано с «политической ангажированностью» [9] тех, кто борется за справедливость, с их стремлением следовать политической конъюнктуре момента, которая в значительной степени определяется ориентацией на «друзей» из США...

Таким образом, достижение подлинной справедливости в современном политическом мире, в международных отношениях в настоящее время представляется задачей трудноразрешимой.

Литература

1. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О.Ю. Уральской. М., 1998. URL: [3http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt](http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt) (дата обращения: 15.04.2016).
2. Госдума и Совет Федерации приняли постановление по Косово. URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/18/statement/> (дата обращения: 16.04.2016).
3. В Донецке установлен памятник погибшим детям... URL: <http://zagopod.com/blog/43402629727/Памятник-pogibshim-detyam-v-Donetske> (дата обращения: 17.04.2016).
4. Исполком Русского ПЕН-центра. В Одессе по политическим мотивам арестована беременная журналистка. URL: <http://www.penrussia.org/new/2016/6740#.VwO3dviRwfM.facebook> (дата обращения: 17.04.2016).
5. Краткий курс лекций по дисциплине «Этика государственной и муниципальной службы». URL: http://studme.org/1246122027349/etika_i_estetika/spravedlivost_kak_sotsialnaya_politicheskaya_dobrodetel (дата обращения: 14.04.2016).
6. Крым в составе России признали 11 стран ООН. URL: <http://politichanka.livejournal.com/84858.html> (дата обращения: 15.04.2016).
7. Крым выбрал Россию. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/03/15_a_5951217.shtml (дата обращения: 10.04.2016).
8. Международно-правовой статус Косова. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.04.2016).
9. Перевозкина Марина. Основатель «Мемориала» рассказал о сотнях политзаключенных на Украине. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/02/04/>

osnovatel-memoriala-rasskazal-o-sotnyakh-politzaklyuchennykh-na-ukraine.htm (дата обращения: 15.04.2016).

10. Присоединение Крыма к Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.04.2016).

11. Республика Косово. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.04.2016).

12. США признали независимость Косова. URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/18/us/> (дата обращения: 17.04.2016).

С.Е. Князева
г. Москва

Социально ориентированное государство: Европейский Союз и Россия

Аннотация. Статья посвящена социально ориентированному государству – *Welfare State* – в европейском пространстве и перспективам его создания в России. Даже развитые либеральные демократии далеки от идеальной конструкции социального государства. Но современное общество, называющее себя свободным, не терпит нарушения базовых прав человека, а власть обязана соблюдать их. Формула «правительство из народа, народное, для народа» – вектор социальной справедливости в современной представительной демократии, а европейские ценности – *предохранительный клапан*, препятствующий ущемлению прав человека и общества.

Ключевые слова: Welfare State, социальное государство, гражданская инициатива, социально-экономические реформы, права человека, социальная справедливость, консенсус, либеральные демократии, ЕС, Россия.

В начале XXI столетия «планка» *Welfare State* измеряется стремлением общества поддержать власть, которая обеспечивает социально-экономическую и правовую защиту граждан и сводит к минимуму коррупционный показатель. В Британской энциклопедии представительная демократия трактуется как «форма правления, где свобода слова, выступлений или совести осуществляется в рамках конституции через парламент и иные избираемые учреждения» [19].

Никто не может опровергнуть такую вечную ценность, как право человека на жизнь. А в XXI столетии в центре внимания европейского общества оказались достоинство человека, право на достойную жизнь и свободу. Обязательным условием осуществления права на свободу являются выбор и ответственность за результаты выбора. Таково либеральное прочтение свободы у *отцов-основателей* либерализма [6, с. 181–184], [7, 135–136].

В Атлантической хартии 14 августа 1941 г. заложены принципы безопасности в послевоенном мире и стремление к «установлению мира, который даст возможность людям во всех странах прожить жизнь, не зная ни *страха*, ни *нужды*» (курсив наш. – С. К.) [16]. 24 сентября 1941 г. к Атлантической хартии присоединился СССР.

Базовым источником современной либеральной демократии стала теория естественного права – идеи Джона Локка о стабильном обществе в естественном правовом пространстве. Ядро либерализма образуют положения об *изначально* присущей человеку свободе и ответственности за нее, о внутреннем личном пространстве, возможности самореализации, обеспечиваемой собственностью и политико-правовыми институтами, а также о приоритете частной пользы – человек лучше знает, что для него лучше, и несет за это ответственность, но имеет право на свободный обмен идеями, интеллектуальными и иными ценностями. Либеральное кредо обеспечивает раскрытие творческого потенциала и личное благополучие человека и общества. Отсюда право человека и общества стремиться к счастью и благосостоянию, рациональное устройство и баланс частной и общей пользы (блага). Составляющей идеологии либерального кредо стали теория народного суверенитета и *juste milieu* – компромисс власти и общества [6, с. 183], [7, с. 136], [11].

По мере проведения реформ в западноевропейском пространстве укоренились ростки либеральной демократии. Приведем мысль историка-либерала Алексиса де Токвиля о составляющих демократии. Во-первых, осознанное стремление значительной части общества к реформам и воздействие на власть через осуществление гражданской инициативы (массовая оппозиция, профсоюзное и иные движения). А во-вторых, осознанное стремление власти осуществить неотложные реформы: иначе неизбежны рост социальной напряженности, популярность радикальных идей в менее толерантных слоях населения и революционные катаклизмы [13, с. 37].

Европейский либеральный опыт способствовал утверждению *Welfare State*, где свобода квалифицируется как ответственность. Итальянский философ Норберто Боббио определил современную демократию как «правление законов», «политическую систему, где амбиции власти максимально увязаны с моральными критериями» [18, с. 170–171], [7, с. 136]. Критерий ответственности исполнительной власти перед избирателями – её прозрачность, баланс вертикали и горизонтали власти, контроль за уровнем коррупции, верховенство закона. А ответственность общества выражается в исполнении гражданской инициативы, осуществляемой в рамках закона.

Европейские ценности, основанные на либеральной и христианской традициях Европы, четко изложены в Копенгагенских критериях (июнь

1993 г.) и в Хартии Европейского Союза об основных правах (7 декабря 2000 г.). Это уважение к жизни, свободе, достоинству человека, толерантность общества и власти, маятник власти, баланс горизонтали и вертикали власти, правовое государство [9], [14], [20, с. 3], [7, с. 136]. Безусловно, европейские эксперты отмечают неповоротливость законодательной власти, жесткие конфликты интересов элит, растущее число популистов, играющих на нетолерантных взглядах населения, непрозрачность финансирования избирательных кампаний и пр. Но европейские традиции, историческая и религиозная память работают в качестве вектора, и мейнстримом становится евроатлантическая модель, основанная на комплексе либеральных ценностей. Этому способствует институциональная стабильность – институты, гарантирующие права человека, верховенство закона, маятник власти на основе неформальных выборов, низкий коррупционный показатель, ассистенциальное государство, рыночная экономика.

В феврале 2016 г. премьер-министр Италии М. Ренци предложил руководству Евросоюза пакет неотложных реформ: борьба с уклонением от уплаты налогов, с безработицей через создание новых рабочих мест и включение механизмов рациональной инвестиционной политики, повышение минимальных пенсий, гибкая форма выхода на пенсию, ужесточение законов о борьбе с коррупцией, упразднение пожизненных рент политиков, создание благоприятного инвестиционного климата, реформирование миграционной политики ЕС. Эти меры предусматриваются для преодоления гуманитарного и институционального кризиса в Европейском Союзе [17, с. 3].

В странах, в чьем культурном ядре отсутствует уважение к жизни и достоинству человека, население не может иметь представлений о правах человека и опыта гражданской инициативы. Отсутствуют контроль над вертикалью власти, опыт парламентаризма, борьбы за права человека, уважение к закону. Поэтому большинство населения России относится к праву человека на свободу неоднозначно или даже отрицательно, а либеральные демократии всё чаще оцениваются в негативных терминах [7, с. 140].

Кому выгодно исказить смысл этих понятий? Почему европейские либералы стали чуть ли не главными врагами россиян? Дело в том, что знаки, образы, репрезентации, запечатленные в генетической памяти народа, постепенно стигматизируются – в матрице программы идентичности архетипы сознания формируются как устойчивые представления, ценности. Но в основу этих представлений часто заложена не объективная картина мира, а сложившееся восприятие ее большинством населения. Так создаются социальные и иные поведенческие стереотипы, визуальная (аудиальная, кинестетическая, чувственная) иллюзия, форми-

рующая опыт и, как следствие, гештальты – знаки, образы, репрезентации, зацементированные в коллективной памяти народа в результате исторического опыта. Притом гештальты чаще формируются под влиянием эмоций и не всегда адекватно конкретной ситуации. В той или иной степени реализованные (завершенные и незавершенные гештальты), они повторяются в практическом действии (стремление к революции, бунту как преобладающему пути разрешения возникающих конфликтов интересов, отсутствие уважения к жизни, свободе, достоинству человека, представления о доминантной роли коллектива в отношении индивидуума и пр.). Эти гештальты оказывают решающее влияние на социальную активность и стереотипы политической борьбы. Но не меньше воздействуют на социально-политические процессы незавершенные гештальты: невыполненные цели создают сильное напряжение в коллективной памяти и навязчивое желание «переиграть» (или «доиграть») историческую «партию» («эффект Зейгарник») [3].

Профессор Сорбонны Бруно Гроппо указывает на «травматический опыт» стран, переживших бунты, завоевания, диктатуры, который приводит к появлению в социальном теле страны шрамов [5], [7, с. 194]. Итогом становится ресентимент – раздражение людей, отчего они живут хуже, чем другие, выраженная социальная зависть, недоверие к этим «другим», «не таким, как мы», «чужим», озлобление, болезненное стремление доказать свою «особость», даже исключительность, особый вид социокультурной саморепрезентации (миф об исключительности), накопление критической массы ненависти [1, с. 392–394], [2], а также когнитивный диссонанс – стремление народа к внутреннему комфорту через создание удобной картины мира, а не через реальные представления о создавшейся ситуации [15]. Власть же, манипулируя общественным сознанием, использует гештальты для реализации собственных целей.

Логичен вопрос: в чем причина популярности традиционалистских – палеоконсервативных ценностей у россиян при отсутствии системы социальной защищенности? В начале 2016 г. население РФ не испытывало уверенности в том, что страна «движется в правильном направлении» (45 %), но одобрение президента опустилось незначительно: с 88 % (октябрь 2014 г.) до 82 % (январь 2016 г.), хотя в провинции, в «моногородах» (Иваново, Саратов) половина населения живет ниже черты бедности, а число бедных семей выросло вдвое за 2015 г. [4], [12]. Быть может, надо отвлечь людей от социально-экономических проблем рассуждениями о суверенитете и о том, что избирательная система, рыночная экономика, свобода, ценности либерализма «чужды российской духовности», а борьба за достойную жизнь есть не что иное, как *человекоклонничество*, *новое идолопоклонство*, чуждое православным людям

[8]? Нетрудно понять, кому выгодны подобные изречения, равно как и наступление на свободные СМИ (закон 2016 г. «о праве на забвение», идея *уточненного* суверенитета страны). Но – хотят ли сами россияне оставаться в виртуальном Зазеркалье TV, вкушая мифы о социальной справедливости в России и растущем благосостоянии?

Литература

1. *Аллина Л.* Вихреворот сновидений. Karlovy Vary. Skleněný můstek. 2016.
2. *Афанасьев Ю.Н.* Послушное большинство как основа путинской России. URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1514266-echo/> (дата обращения: 15.09.2015).
3. *Варламова Д.* Что такое гештальт. URL: theoryandpractice.ru/posts/7202-cto-takoe-geshtalt-ili-pochemu-ofitsiant-srazu-zabyvaet-vypolnennyy-zakaz (дата обращения: 30.03.2016).
4. *Волков Д.* Экономический кризис: как его воспринимает население. URL: http://carnegie.ru/commentary/?fa=62864&mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRovvq%2FNZKXonjHpfSx66eouWaW%2FIMI%2F0ER3fOvrPUfGjI4IT8FjI%2BSLDwEYGLv6SgFSrnAMbBwzLgFWhI%3D (дата обращения: 25.02.2016).
5. *Гроппо Б.* Как быть с «темным» историческим прошлым. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo/> (дата обращения: 25.02.2016).
6. *Князева С.Е.* Идея свободы и инструмент «золотой середины» в теории и практике европейских либералов XIX столетия // Вестник РГТУ. М., 2013. № 13.
7. *Князева С.Е.* Ценности и интересы в итальянско-российских отношениях в начале XXI в. // Италия в начале XXI в.: Сб. ИМЭМО РАН / Отв. ред. А.В. Авилова. М., 2015.
8. «Лоскутный» мир отца Всеволода Чаплина. URL: <https://www.portalcredo.ru/site/?act=comment&id=1010> (дата обращения: 09.03.2016). См. также: Новая газета. 2016. 20 марта.
9. Копенгагенские (Мадридские) критерии (июнь 1993 г.) – Accession criteria (Copenhagen criteria). URL: <http://n-europe.eu/glossary/term/> (дата обращения: 16.01.2015; URL: <http://www.linguee.ru/английский-русский/перевод/copenhagen+criteria.html> (дата обращения: 08.03.2015).
10. Маастрихтский договор. Раздел I. Ст. 6. URL: http://base.garant.ru/2566557/1/#block_1000 (дата обращения: 16.01.2015).
11. *Палмер Т.* Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer> (дата обращения: 25.01.2015).
12. Россия за чертой бедности. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/27085040.html> (дата обращения: 11.03.2016).
13. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1994.

14. Хартия Европейского Союза об основных правах (7 декабря 2000 г.) URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 02.02.2016).

15. *Цинко А.* В нынешней России иррациональное полностью вытесняет собою рациональное. URL: http://www.ng.ru/ideas/2016-02-05/5_5column.html].

16. Atlantic Charter. August. URL: <http://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp> (дата обращения: 15.03.2016).

17. *Barbera A.* Unione bancaria e bond europei: le proposte di Renzi per l'Ue. – La Stampa. 2016. 22 febr.

18. *Bobbio N.* Il futuro della democrazia: una difesa delle regole del gioco. Torino, 1985.

19. Parliamentary democracy. URL: Enciclopedia Britannica: <http://global.britannica.com/topic/parliamentary-democracy> (дата обращения: 12.03.2016).

20. *Zatterin M.* Mogherini: “Non cediamo. La Ue difenda i valori della convivenza”. La Stampa, 2015.

А.В. Седов
г. Череповец

Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л.Н. Толстого

Аннотация. В представленных материалах рассматривается специфика понимания категории социальной справедливости в «Круге чтения», влияние понимания указанной категории на социально-критическое начало в воззрениях Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: справедливость, ложная справедливость, толстовство, любовь, непротивление, христианский социализм.

Указанное в заглавии произведение представляет собой собрание афоризмов, выдержек из философских трудов и художественных произведений писателей и мыслителей различных эпох. Не ограничиваясь ролью составителя, Л.Н. Толстой включил в сборник собственные мысли, комментарии, художественные произведения и фрагменты. Их функция заключается в акцентировании читательского внимания на ключевых моментах идейной структуры сборника.

Рассматриваемое произведение является одним из самых ярких итогов поздних творческих исканий Л.Н. Толстого. Появление «Круга чтения» было переопределено мировоззренческим переломом рубежа

1870–1880-х гг., когда на волне усиливающегося социального критицизма писатель активизировал свои духовные поиски. В результате Л.Н. Толстой признал недостаточным и даже неверным свое прежнее творчество. Художественному новаторству, рассчитанному по преимуществу на элитарную аудиторию, он предпочел поиск четких нравственных ориентиров и их популяризацию в целях народного просвещения, активное самосовершенствование в соответствии с найденными ориентирами. Художественное начало в его творчестве все больше уступало место публицистике либо использовалось для выполнения сугубо дидактических задач. Однако указанные начала были не только средством обличения, но и донесения до широких масс накопленного веками позитивного нравственно-философского опыта. Так формировалось учение, вошедшее в историю культуры под названием «толстовство». В нем особое внимание уделялось социальной несправедливости, проявляющейся в деятельности государства и религиозных институтов, в правовой практике и стереотипах обыденно-практического опыта.

Социально-философские взгляды Л.Н. Толстого многократно становились предметом научных изысканий, в том числе и тематически близких нашему исследованию [1], [2], [3]. В то же время в них не делался акцент на осмысление категории социальной справедливости в контексте учения мыслителя. Кроме того, рассматриваемое произведение по праву считается манифестом толстовства. Таким образом, можно ожидать, что в нем авторское понимание социальной справедливости представлено в наиболее завершенном виде. Наконец, указанная выше содержательно-структурная особенность «Круга чтения» позволяет не только уяснить позиции самого Л.Н. Толстого, но и осмыслить их в широком социально-философском контексте. Указанными факторами обусловлена целесообразность предпринятого исследования, в то же время ограниченный объем дает возможность лишь наметить основные моменты толстовского осмысления проблем социальной справедливости.

Композиционной основой рассматриваемого произведения являются 2 базовых элемента. К первому относятся материалы для ежедневного чтения. Каждый календарный день маркирован рубрикой в виде ценностного ориентира или антиценности. Они могут неоднократно повторяться, задавая ключевые содержательные моменты сборника. Ежедневные афоризмы в рамках рубрики (от 3 до 10 на каждый день) направляют читательское осмысление ценностных ориентиров. Ко второму элементу относятся недельные чтения, включающие адаптированные составителем отрывки из философских сочинений, публицистические, научно-популярные и литературно-художественные материалы.

Едва ли можно к настоящему моменту констатировать четкую композиционно-логическую структуру «Круга чтения». Нами не найдены

работы, в которых бы указывалось на поступательное или концентрическое развитие мысли. Далеко не всегда четко прослеживается связь конкретного недельного чтения с ежедневными материалами. В то же время характер повторяемости ценностных ориентиров и связанных с ними идей дает возможность выявить доминанты миропонимания и мироотношения Л.Н. Толстого.

В указанные закономерности вполне укладывается и осмысление проблем социальной справедливости, которое актуализируется в самых разных частях и контекстах «Круга чтения». Здесь можно отметить и разбросанные по всему сборнику афоризмы для ежедневного чтения, привязанные ко многим ценностным ориентирам (воспитание, мудрость, зло, самосовершенствование, война, богатство и др.), и различные по авторскому составу и жанрам материалы недельных чтений. В то же время общий содержательный анализ дает возможность наметить главные в рассматриваемом проблемном контексте компоненты. Это материалы ежедневных чтений, маркированные ценностью справедливости (22 марта, 26 августа), и в еще большей степени – ценностью, ориентирующей на гармоничное социально-нравственный идеал (Устройство жизни). Наличие этого ориентира в концепции Л.Н. Толстого вполне соответствует современному пониманию социальной справедливости как «ключевых этических ценностей <...>, спроецированных на характер межчеловеческих отношений и социальных институтов» [2]. Тематическая рубрика «Устройство жизни» охватывает 17 ежедневных чтений, распределенных по всему годовому циклу (с 3 января по 22 декабря). Указанная рубрика является самой развернутой в «Круге чтения», что свидетельствует о сквозном и приоритетном характере проблем социальной справедливости в сборнике.

Материалы для иллюстрации идей Л.Н. Толстого мы будем привлекать в соответствии с указанными содержательными закономерностями. При этом нам представляется целесообразным начать с принципиального момента теоретического осмысления категории справедливости в «Круге чтения». Он представлен в афоризме, открывающем ежедневные чтения от 26 августа (Справедливость): «Справедливость осуществляется не стремлением к справедливости, а любовью» [3, с. 596]. Здесь мы видим коренное отличие от устоявшихся рационалистических трактовок, отделяющих справедливость от милосердия, рассматривающих указанную категорию прежде всего как «основания для претензий к другим людям» [2]. Находясь в середине годового цикла чтения, указанный афоризм претендует на роль средоточия авторского понимания категории справедливости и идейного содержания «Круга чтения» в целом.

Подчеркивая важность высказанной идеи, Л.Н. Толстой обрамляет ее сходными по содержанию идеями других мыслителей, в том числе наиболее ярких и выдающихся. Так, в материалах от 7 января (Доброта) с отсылкой к А. Шопенгауэру указывается на необходимость уважения даже к жалким и смешным людям: «Надо помнить, что во всяком человеке живет тот же дух, какой и в нас <...> Если же мы показываем таким людям наше отвращение, то, во-первых, мы несправедливы, а во-вторых, вызываем таких людей на войну не на живот, а на смерть» [3, с. 21]. Подобная идея представлена в материалах от 21 сентября (Сила мысли) с отсылкой к «Дхаммападе» (канонической книге буддизма): «...не ненавистью побеждается исходящее из ненависти: оно угашается любовью – таков вечный закон» [4, с. 61]. Таким образом, путь к справедливости через любовь рассматривается как устранение претензий к другим. Продуктивность такого пути проиллюстрирована во фрагменте «Епископ Мириель» (4-е ноябрьское недельное чтение). Это отрывок из «Отверженных» В. Гюго, в котором герой прощает и защищает от полиции вора Жана Вальжана, давая ему первый импульс для духовно-нравственного преображения и следования пути праведности. В то же время стремление к справедливости без любви рассматривается автором «Круга чтения» ёкак постоянное взаимное порождение претензий, при котором проблема справедливости оказывается неразрешимой. Иллюстрацией здесь служит рассказ А. Франса «Уличный торговец» (2-е апрельское недельное чтение). В указанном произведении торговец овощами из-за претензий клиентки нарушает правило дорожного движения, на вполне законных основаниях задерживается полицией и терпит унижения тюремной жизни. В итоге добрый и простодушный Кренкебиль превращается в человеконенавистника, жестко реагирующего на малейшее ущемление собственного самолюбия. В контексте рассматриваемой проблемы ответственность за несправедливость лежит не только на обществе, но и на отдельных людях, не проявляющих должной духовной зрелости.

Следующим ключевым моментом осмысления затронутой проблемы в «Круге чтения» является рассмотрение системных проявлений социальной несправедливости, вызванных эгоистическим самообособлением и недостатком любви. Отправной точкой здесь становится осознание факта извращения представлений о справедливости. Наиболее ярко в указанном проблемном контексте оно задается отсылкой к А. Шопенгауэру в материалах от 16 июня (Устройство жизни). В них полная справедливость как нежелание творить несправедливость противопоставляется подобию справедливости как нежеланию терпеть несправедливость. Именно последнее и реализуется в рамках государства, когда «хищный зверь в наморднике столь же безвреден, как и травоядное» [3,

с. 401], а жесткое силовое противодействие произволу и недовольству порождает все ту же несправедливость. Ту же идею Л.Н. Толстой высказывает от собственного лица: «Улучшить устройство общественной жизни может только нравственное совершенствование людей» [3, с. 401].

Именно в этом контексте оправдано включение в «Круг чтения» многочисленных материалов, утверждающих принцип непротivления злу насилием. Центральное место здесь занимает 3-е мартовское недельное чтение (Непротivление злу насилием) [3, с. 174–175]. Ему непосредственно предшествует привязанная к 17 марта ежедневная рубрика «Устройство жизни», в которой утверждаются неискаженные нравственные идеалы христианства [3, с. 171–174].

В контексте учения о непротivлении Л.Н. Толстой в качестве проявления ложной справедливости рассматривает стремление к насильственному революционному обновлению. Яркий пример – привязанная к 7 февраля (Самосовершенствование) цитата из публицистики Л. Мэлори: «Если бы то время и те силы, которые расходуются теперь на нападки на богатых <...> расходовались бы на дело самоусовершенствования, то быстро наступила бы та перемена к лучшему в нашей государственной, общественной и нравственной жизни» [3, с. 90]. Развивая эту идею, Л.Н. Толстой в 1-м ноябрьском недельном чтении (рассказ «Божеское и человеческое») показывает эгоистическую ущербность революционер-народника Меженецкого. Его духовный крах и самоубийство в финале можно истолковать как символ бесперспективности революционного насилия.

Наконец, в контексте ложной справедливости на страницах «Круга чтения» осмысляются и духовные основы современного общества. Об этом автор предельно четко заявляет в рубрике «Мудрость», привязанной к 23 декабря: «Люди убивают друг друга, отнимают для малого числа землю или орудия труда у всех, и науки – юриспруденция и экономическая – оправдывают это. Люди верят в нелепицы, и теологическая наука оправдывает это» [4, с. 376]. В связи с этим вполне закономерна жесткая и бескомпромиссная толстовская критика официальной религии и церковного христианства: их истинное предназначение – создание и поддержание духовной основы социальной гармонии, их реальная практика – лицемерное оправдание несправедливости.

Позитивные меры по установлению подлинной справедливости в «Круге чтения» почти не связаны с преобразованиями внешнего характера, на что неоднократно указывает Л.Н. Толстой. Яркий пример – материалы под рубрикой «Устройство жизни», привязанные к 22 декабря: «Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто

изменением внешних форм. Ложное предположение это направляет деятельность людей на то, что не может содействовать и отвлекает от того, что может содействовать улучшению жизни людей» [4, с. 363]. В то же время на страницах сборника присутствуют намеки на наиболее желательный социальный порядок. В материалах, посвященных проблеме справедливости, чаще всего встречаются выдержки из трудов Ф.Р. Ламенне. Он известен как один из основателей христианского социализма, в котором социалистическая модель соединяется с традиционной христианской этикой.

Наконец, важно отметить, что приоритет духовного совершенствования над внешними преобразованиями в «Круге чтения» не подразумевает пассивного смирения перед социальной несправедливостью. Активность жизненной позиции нравственно совершенствующегося человека представлена целым рядом цитат. Наиболее яркий пример – привязанная к 15 апреля (Возмездие) цитата из Ф.А. Стрехова: «Воздерживаться от совершения добра людям и продолжать участвовать в поддержании царящей неправды только во избежание взрыва пороха в mine – значит не понимать значения взрыва пороха, который лишь разряжает накопившееся зло и тем не увеличивает, а уменьшает его количество» [3, с. 260–261].

Подводя общие итоги, отметим, что понимание социальной справедливости в «Круге чтения» подразумевает приоритет духовно-нравственного развития человечества. Осмысление социальной справедливости в рассмотренном произведении раскрывает мотивы бескомпромиссной критики современной цивилизации, предпринятой русским мыслителем и писателем в поздний период творчества.

Литература

1. *Кучина Л.И.* Социальная философия Л.Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1970.
2. *Прокофьев А.В.* Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия. URL: <http://iph.ras.ru/page30194324.htm>
3. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 41. М., 1957.
4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 42. М., 1957.
5. *Щетинина Г.И.* Л.Н. Толстой как социальный реформатор: Основные идеи и последователи конца XIX – начала XX в. М., 1995.
6. *Юльметова С.Ф.* К вопросу о социально-философских взглядах позднего Л.Н. Толстого. Уфа, 1984.

Н.Б. Хайлова

г. Москва

Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века

Аннотация. В статье рассматривается вклад русских либералов-центристов начала XX в., основателей и членов Партии демократических реформ в разработку проблем социальной и экономической справедливости, становления социального государства.

Ключевые слова: русские либералы-центристы начала XX в., проблемы социальной и экономической справедливости, становления социального государства.

Общепризнанным является вклад в разработку проблем социальной справедливости и социального государства когорты русских правоведов, большинство из которых в начале XX в. были к тому же известными деятелями Конституционно-демократической партии. Это Н.И. Кареев, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский и др., с чьими именами обычно связывают возникновение в России на рубеже XIX–XX вв. так называемого нового (социального) либерализма. Характерными чертами данного течения в общественной мысли стало исключительное внимание к проблемам обеспечения социальной справедливости, признание особой миссии государства в этом деле. Однако до сих пор характеристика идейных истоков отечественного варианта «нового либерализма» носит фрагментарный характер, а имена ряда крупных ученых, публицистов, общественных деятелей, подготовивших его выход на историческую сцену, остаются в тени. Это относится прежде всего к «патриархам» российского либерализма из числа деятелей круга журнала «Вестник Европы» и газеты «Русские ведомости», основавшим в январе 1906 г. Партию демократических реформ (ПДР), которая, в свою очередь, положила начало формированию центристского (условно – между кадетами и октябристами) течения в русской партийно-либеральной среде. Впоследствии наиболее известными «вехами» эволюции этого направления отечественной общественной мысли и практики стали Партия мирного обновления (1906) и прогрессистов (1912).

Знаковой фигурой в истории русского либерального центризма является К.К. Арсеньев (1837–1919), один из основателей (вместе с М.М. Стасюлевичем) «Вестника Европы» (1866–1918), определявший его идейную «линию» фактически вплоть до закрытия издания больше-

виками, а в 1906 г. возглавивший ПДР. С одной стороны, Арсеньев и его сподвижники наследовали традиции западной либеральной мысли и в этом смысле были «западниками». Современники отмечали особые заслуги идеологов либерального центризма в отстаивании гражданских прав и свобод. Насколько возможно было в условиях цензурного режима, они выступали убежденными сторонниками правового порядка – независимости суда, конституционных форм государственного устройства. Вместе с тем при разработке собственной либеральной программы они стремились «отталкиваться» от российской «почвы», осознавая органическую несовместимость с ней концепции классического («буржуазного») либерализма. «Либеральной партии в тесном смысле слова у нас нет, может быть, потому, что нет и ничего похожего на тот общественный класс, из которого она исходила и видам которого служила на западе Европы. С искреннею преданностью конституционным началам у нас неразрывно связано стремление к коренным реформам в главных сферах народного труда – рабочей и аграрной... Государственному вмешательству в экономические отношения отводится такая роль, с которой решительно несовместима охрана узких классовых интересов», – разъяснял Арсеньев [1]. Даже слово «либерал» идеологи либерального центризма нередко «закавычивали» в своих текстах, подчеркивая условность этого термина применительно к России. В этой связи показательна полемика, происходившая в 1884 г. между «Вестником Европы» и аксаковской «Русью». Газета, известная своей славянофильской «тенденцией», назвала сотрудников журнала Стасюлевича «легитимистами буржуазного общеевропейского либерализма». «Пусть нам укажут, – возражал К.К. Арсеньев, – в нашем журнале, в тех ли сферах, которые признаются к нему близкими, признаки тех тенденций, которыми характеризуется общеевропейский буржуазный либерализм. Пусть нам укажут статьи или речи, направленные в защиту имущественного ценза, неограниченных прав капитала или поземельной собственности, безусловного невмешательства власти в экономические вопросы, покровительства меньшинству в сфере земледелия или фабричного производства, в сфере финансовой, в сфере местного самоуправления. Стоять за Крестьянский поземельный банк, за налог на наследства, за дополнительное обложение крупной промышленности и торговли, за скорейшее введение прогрессивного подоходного налога, за радикальную реформу фабричного законодательства в смысле возможно большей охраны рабочих, за такое устройство местного самоуправления, которое не делало бы его монополией одного класса и не отдавало бы его в распоряжение «властной» помещичьей руки, за право законодательной власти устанавливать, в видах общественной пользы, ограничения частной собственности, – значит ли это быть „легитимистом буржуазного либерализма“?» [1].

Сочетание усиленного стремления к политической свободе с не менее глубокой и настойчивой проповедью социальных реформ отличало взгляды основателей ПДР еще в первые пореформенные десятилетия. «И чем ближе к современной эпохе, тем ярче и многочисленней социальные нити, вплетенные в либеральную ткань его творчества, – отмечалось в журнале «Русская мысль» в связи с 80-летием Арсеньева [2, с. 15]. Подобный настрой деятелей круга «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» явился своего рода синтезом, с одной стороны, идей передовой научной мысли Западной Европы, а с другой – их собственных размышлений о путях прогресса на очередном переломе в судьбе России и мира, обусловленном остротой и сложностью проблем капиталистического развития. Прежде всего, ведущие публицисты журнала разделяли мнение о несостоятельности господствовавших в экономической теории направлений – как классической («буржуазной») политической экономии, основанной на идее полной личной свободы, так и социалистического («коммунистического») учения, занимавшего противоположную позицию. В то же время как «наиболее проникательные и сведущие исследователи в области экономических фактов» характеризовались Д.С. Милль (1806–1873) и П.-Ж. Прудон (1809–1865). В частности, заслугу Милля деятели круга «Вестника Европы» видели в обосновании такой отличительной черты цивилизации, как «расширение общественной деятельности лица и увеличение его общественных связей», в результате чего «общественный интерес становится для каждого человека весьма важным не только для общественных целей, но и для личных». Солидаризируясь со взглядами Милля, они характеризовали его как «видного и передового члена так называемой просвещенной демократии (или прогрессивного либерализма), которая постоянно стремится к тому, чтобы принцип равенства удерживался в своих границах принципом личной свободы, чтобы талантливое меньшинство никогда не подавлялось одним численным большинством и чтоб таким образом все пользовались полною свободою в своей деятельности и могли бы употреблять свои таланты по собственному желанию». «В политической жизни Милль защищает принцип личной свободы; в юридических вопросах – принцип равной справедливости, а в экономических – право труда на свои результаты. Устанавливая все эти принципы на общем основании утилитарной нравственности, Милль дает нынешнему обществу готовые нравственные средства для удовлетворительного решения всех важнейших вопросов будущего» [5, с. 695, 716–717]. Столь высоко оценивая научное наследие английского экономиста и философа, публицисты «Вестника Европы» ставили Милля в один ряд с Дж. Локком, оказавшим могучее влияние на либеральную мысль XVII в.

Сопоставимый с западными авторитетами вклад в развитие мировой общественной мысли внес русский философ В.С. Соловьев (1853–1900), «любимец Стасюлевича и всего кружка „Вестника Европы”» [4, с. 173]. В своем главном труде «Оправдание добра» (1897) он обосновал ключевую для идеологов либерального центризма мысль об огромной роли нравственного фактора в общественном развитии. Рассматривая общество как сложный организм, все части которого тесно взаимосвязаны, Соловьев предложил свой «рецепт» обеспечения «человеческого достоинства и высшего нравственного развития» – на путях согласования личной свободы с «общим благом». При этом, как подчеркивал философ, «общее благо, или общая польза, чтобы иметь значение нравственного принципа, должны быть в полном смысле слова общими, т.е. относиться не ко многим только или к большинству, а ко *всем без исключения*» [6, с. 401]. Главную роль в реализации данного положения Соловьев отводил государству, при этом подчеркивая исключительное значение права.

Подобный взгляд на общество разделял и всемирно известный ученый М.М. Ковалевский, разработавший собственную теорию прогресса. В качестве критерия последнего он рассматривал рост общественной солидарности, а в основу оценки социально-экономических явлений предлагал положить их соответствие идеалам социальной справедливости. В круге этих идей развивались такие ученые и публицисты, как А.С. Посников, И.И. Иванюков, В.Г. Яроцкий, В.Ю. Скалон, а также близкие к ним по взглядам А.И. Чупров, А.М. Рыкачев и др. Они были убеждены в том, что теоретические построения должны носить конкретно-исторический характер. Не случайно среди них – крупнейшие деятели отечественной статистики (Чупров, Посников, Скалон), зачинатели экономической истории (Ковалевский, Иванюков, Чупров, Посников).

Для идеологов либерального центризма ценности демократии представляли собой не менее значимые величины, чем права и свободы человека, верховенство закона. В свою «родословную» они включали в т.ч. декабристов, А. И. Герцена, революционеров-демократов. Сочувствуя социализму как уклону в развитии общественной мысли, они в то же время предостерегали от чрезмерного увлечения социалистическими идеями, «упований» на скорую гибель капитализма. «Русскому либеральному движению не свойственно отворачиваться от социализма, – выражал мнение своих соратников Ковалевский, – ...многие решения, предлагаемые последним (идея самоуправления народа через посредство избранных им представителей; равноправие наций; отчуждение крупной земельной собственности в пользу малоземельных и безземельных крестьян и т.д. – *Н. Х.*), восприняты современным обществен-

ным движением... То, что разделяет нас... это не программы, а средства, пускаемые в ход, чтобы добиться торжества этих программ. Мы не можем пойти даже на временное соглашение с теми, кто допускает иезуитский принцип, что цель оправдывает средства» [3].

Об «укорененности» взглядов либералов-центристов в российской традиции освободительного движения свидетельствует особый акцент в их программах на неотложности решения проблемы крестьянского малоземелья (причем в интересах крестьян), недопустимости насильственного устранения общинных порядков. «Формула прогресса», будучи выведенной из опыта западноевропейских стран, не может быть универсальной. Иллюстрацией данного тезиса являлось не только предложенное ими решение аграрно-крестьянского вопроса, но также исключительно пристальное внимание к судьбе кустарной промышленности и ремесла в России. В частности, Яроцкий и Рыкачев выступали с критикой распространенного мнения о якобы обреченности российских кустарей на более или менее быстрое превращение в наемных рабочих. «Защитники интересов рабочего класса считают обыкновенно все домогательства ремесленников досадным отзвуком умершей старины, – замечал Рыкачев. – Помощь ремеслу со стороны государства признается и в социалистическом, и в либеральном лагере делом бессмысленным, если не прямо реакционным». Сам ученый считал подобное негативное отношение к ремесленникам и ремеслу «и жестоким, и опрометчивым», поскольку «жестoko хоронить заживо людей, вынужденных вести тяжелую борьбу за существование, как бы ни ошибались эти люди в некоторых своих взглядах и требованиях... ведь это живые люди, которых можно учить, просвещать, поддерживать, ободрять и можно озлоблять, принижать, обижать. <...> Кроме того, ремесленники в общей массе все еще представляют значительную общественную силу. Недаром на Западе так много говорят о политике покровительства средним классам». Рыкачев видел актуальность иностранного опыта для России в том, чтобы при решении проблемы уметь «отделить справедливое от несправедливого в притязаниях ремесленников». Дистанцируясь от растиражированных идеологических схем, либералы-центристы предложили свой вариант ответа на поставленный самой жизнью вопрос. Они обосновывали необходимость государственной поддержки кустарно-ремесленных промыслов, считали целесообразным рассматривать положение участников ремесленного производства как часть рабочего вопроса. Яроцкий, член ПДР, еще в 1890-е гг. явился в России одним из «первопроходцев» в постановке и разработке вопроса о социальной ответственности бизнеса. Незадолго до Первой мировой войны свой вклад в дискуссию по данному вопросу внес Рыкачев, полемизируя с М.И. Туган-Барановским, П.А. Сорокиным, М.О. Гершензоном [7, с. 180–203].

Как оптимальную модель реформ для России либералы-центристы рассматривали подходы к преобразованиям, намеченные сподвижниками Александра II. По их мнению, и в начале XX в. последовательная реализация потенциала Великих реформ объективно способствовала бы построению социального государства.

Литература

1. *Арсеньев К.* Партии и народ // Страна. 1906. № 224. 28 ноября.
2. *Гессен Вл. К.К.* Арсеньев как публицист // Русская мысль. 1917. № 2.
3. *Ковалевский М.* С кем возможны предвыборные соглашения? // Страна. 1906. № 249. 28 декабря.
4. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005.
5. *Россель Ю.А.* Джон Стюарт Милль и его школа // Вестник Европы. 1874. № 12.
6. *Соловьев Вл.С.* Оправдание добра. М., 2012.
7. *Хайлова Н.Б.* Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.

О.В. Козлова
г. Череповец

Причины социально-экономического неравенства в РФ

Аннотация. Рассматриваются причины и проявления социально-экономической дифференциации в современной России; поднимается проблема «провала государства» в регулировании рынка.

Ключевые слова: неравенство, децильный коэффициент, «провал государства».

В современном мире, с одной стороны, углубляется интерес к сущности, причинам и формам проявления социальной несправедливости, с другой – наблюдается констатация растущей апатии и принятие ее обществом в качестве объективного феномена социума. Социальная справедливость-несправедливость отражают разные типы систем и механизмов общественных распределительных и перераспределительных отношений, основанных на разных социальных ценностях. Можно пытаться «решать» проблему растущей социальной бедности россиян с помощью различных правовых ограничений и силовых способов ликвидации любых попыток требований гражданами улучшения принципов распределения в обществе, углубляя тем самым общественные противо-

речия. Власть до сих пор, несмотря на все социально-исторические попытки решения проблем социального неравенства, думает прежде всего о себе и неиссякаемых источниках финансирования собственного благополучия, уровень которого, согласно их мышлению, в десятки раз должен превышать уровень жизни тех, кто обуславливает эти источники. Однако при таком незначительном использовании отечественных ресурсов этот источник быстро иссякнет. В современном российском обществе степень социального неравенства свидетельствует о сложившейся системе нерационального использования и оценивания человеческого капитала. Неравенство потребления, слабая возможность реализации свобод вытекают из узаконенной «элитой» системы распределения уже на уровне оплаты труда. Существеннейшую роль в строительстве общества, в котором такое вопиющее сверхбогатство легально сосуществует с неоправданной для современного уровня цивилизации бедностью, играет системное бесконтрольное использование – не в интересах российского общества – национального дохода. Социально-экономическое неравенство проявляется прежде всего в неравенстве доходов среди населения и в неравных возможностях доступа к национальным ценностям. Основная причина данного неравенства – это не столько реальность разных способностей людей (в обществе необходимы все виды деятельности, почти в равной степени), сколько механизмы распределения, доминирующие в обществе. Определение причин неравенства, как и причин бедности, с одной стороны, и высоких доходов – с другой, роль социально-экономического неравенства в развитии общества оценивается как в общественной психологии, так и в научной среде диаметрально противоположно. Одна сторона общественной дискуссии по проблеме неравенства в РФ настаивает на том, что неравенство является причиной социальной напряженности, которая может привести к социальному взрыву. Другая сторона считает, что социально-экономическое неравенство является основным условием прогрессивного развития общества, создавая среду для наиболее эффективного механизма существования общества – конкуренции. Конкуренция (во всех сферах общественной жизни) рассматривается в качестве самого оптимального механизма развития и способа существования общества. Все отрицательные ее стороны и проявления оправдываются возможностью незначительной части граждан осуществлять сверхпотребление за счет других.

Понимание сущности социально-экономической несправедливости недостаточно для решения ее проблемы. Многие экономисты (М. Делягин, С. Глазьев, В. Гетьман, А. Арцибашев) предлагают разные способы решения данной проблемы и понимания ее сущности, однако те, от которых зависит принятие решений, как будто ничего не знают об этих предложениях или... просто не хотят знать, т.к. положение с децильным

коэффициентом в РФ власть, видимо, устраивает. С. Глазьев, А. Илларионов известны как советники Президента РФ по экономическим вопросам. Возникает странная ситуация: экономисты говорят и пишут одно, а политика в области экономики осуществляется не в интересах российского народа. Предоставление 115 га забайкальской земли в аренду Китаю на 49 лет вместо того, чтобы создать льготные условия для предпринимательства там россиян (беспроцентное государственное инвестирование, освобождение от налогов сельскохозяйственных кооперативов на пять лет и т.д.), желающих и могущих организационно, но не имеющих финансовых возможностей наладить сельскохозяйственное производство. Нельзя сказать, что государство не регулирует рыночные отношения. Вопрос заключается в том, почему россияне ощущают данное регулирование прежде всего по сокращению своих личных доходов, благодаря постоянно растущим видам как числа платежей, так и их величины? Ответ один: государство, как и всегда, отчуждено от граждан и принимает решения только в интересах правящего слоя общества, т.е. наиболее богатых и привилегированных граждан. Основная же масса населения беднеет и нищает. Основная причина роста данного неравенства, на наш взгляд, в отсутствии политической воли в принятии действенных механизмов контроля по распределению по труду по регионам, отраслям, хозяйственным, коммерческим и некоммерческим, объединениям. Если бы механизм распределения в трудовых коллективах был более справедливым (не более 3–4 степеней превышения доходов одних над другими), то большая часть граждан имела бы возможность самостоятельно определяться с социально необходимыми благами, а государство могло больше выделять средств на поддержку социально слабоадаптированных граждан.

Конечно, экономический кризис, вызванный рядом причин, среди которых первоочередными являются ошибки Правительства РФ и Федерального собрания РФ, усугубляет социально-экономическую ситуацию в стране. Проблема социальной дифференциации, глубочайшего расслоения людей наглядно проявляется в последние десятилетия. Одной из причин такого несправедливого распределения выступает несправедливая оплата труда в РФ. «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (явно заниженного) в 2010 г. составила 17,9 млн человек (12,6 % от всего населения России), а на ноябрь 2011 г. – 20,2 млн человек (14,3 % от всего населения). В то же время доля малоимущих в 2010 г. составила 59,7 % в структуре городского населения и 40,2 % в структуре сельского. Вызывает особую тревогу тот факт, что доля малоимущих среди экономически активного населения составила аж 64,9 %! Отсюда следует, что уровень официальных зарплат не соответствует трудовым затратам», – делает вывод И.М. Сампиев [8, с. 40].

Сегодня ситуация с несправедливостью в сфере распределения усугубляется еще и ростом безработицы. Государство свело свою роль в решении проблемы занятости населения, в лучшем случае, к выплате пособий по безработице в течение определенного времени. Проблема же заключается в отсутствии самих рабочих мест на рынке труда, в отсутствии стимула для предпринимателей и в политике «оптимизации» в большинстве бюджетных сфер деятельности. «Оптимизация» на практике заключается в сокращении работников, интенсификации, а значит, снижении качества труда работников, остающихся пока не сокращенными. Оптимизация, имеющая целью повысить оплату труда меньшему числу несокращенных работников за счет сокращенных работников, ведет к росту безработицы. По данным Минтруда РФ, официальная безработица в России с января по март 2016 г. выросла на 7 %. Министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин сообщил, что под риском увольнения в РФ находятся 500 тысяч человек, а 301 тысяча человек работает в режиме неполной занятости. «С 12 января 2016 г. по 23 марта 2016 г. отмечается увеличение численности безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, на 69,9 тысячи человек (или на 7 %). За аналогичный период 2015 г. численность безработных граждан, зарегистрированных в службах занятости, увеличилась на 12 %». По данным статистического ведомства, в стране 4,4 миллиона безработных, или 5,8 % от экономически активного населения – к ним относятся и те, кто активно ищет работу, но не регистрируется в службе занятости [6]. Оплата же труда депутатов в 2015 г. выросла на 30,7 %, сенаторов – на 42,2 %. В условиях ужесточения экономического положения большинства населения просто несправедливо улучшать бытие для тех, кто больше всех виноват в сложившейся политической и экономической ситуации в стране за последние десятилетия. Однако они не ответственность несут за это, а материальные поощрения. Постоянно вводятся косвенные налоги, поднимаются уже имеющиеся на собственность, что значительно ухудшает положение граждан, при этом «народные избранники» и чиновники всех уровней просто не ощущают никакого кризиса, как и руководители госмонополий, получающие сверхдоходы от управления народными ресурсами. Народ российский даже мечтать о ресурсной ренте не может, но у 12 руководителей госкомпаний в России в среднем эти выплаты составляли 17,2 млн долларов ежегодно [2]. При этом, согласно Росстату, каждый девятый (по данным специалистов Института социологии РАН, каждый третий) россиянин относится к бедным слоям населения [5, с. 12369]. Такая несправедливость в распределении «по результатам труда и трудовому вкладу» может быть преодолена. Достаточно принять закон об ограничении в расходах в распределении зарплат работников, например, взяв за ос-

нову разработанную В. Гетьманом формулу [1, с. 158–159]. Согласно данной формуле, можно на законодательном уровне закрепить разницу в наименьшей и наибольшей зарплатах работников в 4–5 раз. Известно, что рынок не справляется с распределением ресурсов. Ему на помощь и должно приходиться государство, в задачи которого должно включаться создание антиконфликтных социально-экономических условий. Но, как показывает практика Российского государства, оно не озадачивалось проблемой разрешения противоречий в социально-экономической сфере. Отчуждение в обществе нарастает, что выливается в массовую гражданскую и политическую апатию. Но для того чтобы повлиять на государственные структуры в плане требований серьезной корректировки экономической и социальной политики, этого явно не достаточно. Провальные ошибки федеральной и субъектов федерации политики корректировать просто необходимо, иначе констатируемый процесс люмпенизации в России [9, с. 29] будет углубляться еще больше. Актуальнейшей является задача создания новых рабочих мест за счет конфискации всего несправедливо нажитого за годы перестройки, введения налогов на сверхбогатство. В. Жуковский говорит: «У нас в 2015 г. ... суммарная прибыль в экономике выросла более чем на 45 %. При этом уровень жизни россиян упал на 9,5–10 %, розничный товароборот – на 12 %, а доходы большинства граждан сократились на 25–30 %. При этом инвестиции в основные фонды в 2015 г. не выросли, а упали на 8,5 % (без учета спекулятивных капиталов). <...> Криминальный оффшорный капитал заработал даже не миллиарды, а триллионы рублей, но ни копейки не вложил в экономику» [4].

Сложно начать любое предпринимательство, найти работу по специальности, получать достойную труда заработную плату для обеспечения соответствующего цивилизации уровня жизни – таковы наши социально-экономические реалии. Дело в том, что правовая система направлена прежде всего на контроль за активными гражданами, контроль за проявлением их требований к власти, а не на условия, способствующие реализации их творческих потребностей.

Литература

1. Гетьман В.Г. О «золотых парашютах» и социальной справедливости // Век глобализации. 2014. № 2.
2. Глазьев С.Ю. «Объем валютных спекуляций на Московской бирже достиг астрономической суммы – это 10 ВВП России». URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/03/30/sergey-glazev-obem-valyutnykh-spekulyaciy-na-moskovskoy-birzhe-dostig-astronomicheskoy-summy-eto-10-vvp-rossii.html>
3. Деягин М. Премия за грабеж // Аргументы и факты. 2013. № 48.

4. Жуковский В. Первоапрельская шутка правительства удалась: Интервью СП. URL: news.rambler.ru/articles/332302255/ (дата обращения: 2.03.2016).

5. Костиков В. Русь новая и уходящая // Аргументы и факты. 2014. № 4.

6. Минтруд: с начала года безработица в России выросла на 7 %. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/03/29/1502004.html> 29 марта 2016 г. (дата обращения: 3.04.2016).

7. Оберемко В. Александр Арцибашев: «Земля уже устала, как мы с ней обращаемся» // Аргументы и факты. 2013. № 50.

8. Сампиев И.М. Социальное неравенство в условиях современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10.

9. Суяркова Т.Н. Социальная справедливость: проблемы институционализации в современном обществе // Власть. Вып. 11. 2007.

А.И. Лойко

г. Минск

Концепт справедливости в структуре социальной этики: институциональный подход

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ интерпретаций социальной справедливости представителями постпозитивизма и институционализма.

Ключевые слова: социальная справедливость, интерпретация, социальная этика, габитус, Поппер, Веблен.

Социальная этика интегрирована в проблематику политологии вместе с категорией социальной справедливости и соответствующими возможностями оценки институтов общества. В связи с этим К. Поппер пишет: «Придавая столь большое значение нравственной стороне общественных установлений, или институтов, Маркс тем самым подчеркивал нашу ответственность за более отдаленные последствия наших действий, в частности, таких, которые могут способствовать продлению жизни социально несправедливых институтов» [5, т. 2, с. 229].

Социальная справедливость оказывается в зависимости от институциональной эволюции человечества, в которой справедливость не всегда очевидна. Социальным институтам на современной стадии развития человечества приходится усиливать компоненту справедливости под давлением общественного сознания, доминирующей системы ценностей и, соответственно, свой гуманитарный имидж, который подрывается

бюрократией, свойственной государственным учреждениям, организациям.

Справедливость становится заложницей как локальных исторических условий, так и глобальных условий жизнедеятельности человечества. Ее социальную миссию в рамках социальной этики осложняет герменевтика понимания ключевых параметров благополучия, безопасности, свободы, права выбора, юридических гарантий прав и свобод. При этом, несмотря на различие в толковании, «справедливость» и «несправедливость» являются составной частью механизма самореализации общественного развития [5, т. 1, с. 233].

Во многом это убеждение К. Поппер заимствует из работ Т. Веблена, пришедшего, с одной стороны, к пониманию усиливающейся праздности ведущего класса современной рыночной экономики, а с другой стороны, к пониманию того, что институциональная эволюция сопряжена с определенными механизмами социальной инерции. Критика практически всегда более аргументирована, чем предлагаемый вместо существующей реальности сценарий справедливой расстановки социальных групп в рамках той же рыночной экономики или предлагаемых ей альтернатив.

Т. Веблен вынужден был признать, что существующая система социальных отношений «явилась процессом естественного отбора социальных институтов» [3, с. 200]. Более того, социальные институты обеспечивают отбор индивидов с наиболее приспособленным складом характера, соответствующим системной специфике функционирующих институтов общества. На этой основе формируются детерминации их сопряжения. Они проецируются в общественном сознании. «Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [3, с. 201].

Тенденция усиления механизмов социальной несправедливости в эволюции и функционировании институтов общества формирует по отношению к ним интеллектуальную оппозицию. Одним из первых на путь критики этой тенденции встал Платон. В XVIII столетии интеллектуальная оппозиция смогла интегрировать свои идеи с протестными движениями во Франции. Они воплотились в лозунгах свободы, равенства и братства. В русле интеллектуальной оппозиции к несправедливым социальным институтам сформировался марксизм. Его представителями была сформулирована программа постепенного отмирания политических и социальных институтов общества, с которыми в наибольшей степени ассоциировались механизмы социальной несправедливости.

На практике российские марксисты после прихода к власти столкнулись с проблемой не столько отмирания институтов общества, сколько с

необходимостью присутствия их в социальной эволюции. Первоначально эта трансформация взглядов объяснялась переходным периодом под названием «социализм». Именно на этой стадии СССР и прекратил существование. Практического опыта оказалось достаточно для вывода о том, что институты общества являются не временной, а постоянной компонентой социальной эволюции. Это дало основание рассматривать институциональную среду не только в негативном, но и конструктивном русле поиска имеющихся в ней ресурсов решения социальных и экономических задач.

Предметом изучения философов и социологов стали механизмы институциональной инерции, связанные с рутинной, блокировкой, гистерезисом, габитусом. Речь идет об определенных ограничителях социальной активности и трактовках их роли в социальной эволюции. Так, в габитусе роль ограничителей исполняют те субъективные элементы, которые вырабатываются индивидом в ходе процессов социализации. Когда индивид становится исполнителем той или иной социальной роли, его поведение подвергается ограничению, так как каждая роль формируется исторически. За каждой социальной ролью закрепляется идентичность, приобретенная в актах социального признания. Исполнению социальной роли и ее институциональной представленности присущ четкий порядок и перформативный характер.

Социальная роль содержит часть социально опосредованного знания, поскольку социальный порядок реализуется в исполняемых ролях и определяет их характер. Являясь носителями социального знания, социальные роли обеспечивают индивиду не только связь с обществом, но и относительную внутреннюю автономию от него. Поэтому социальное знание распределяется относительно. Структура его распределения соответствует конкретному социальному окружению. Возможность пользоваться ресурсом габитуса способствует адаптации индивидов в обществе.

Приобретенные индивидом в опыте социальные практики представляют собой социальные формы, очерченные границами становления габитуса как определенной технологии актуализации социального ландшафта. Таким образом, производится стратегия действий на основе кумулятивных ресурсов мировосприятия. Большинство значимых стратегий деятельности вследствие этого являются результатом коллективных решений и складываются под влиянием действующего габитуса.

Выбор индивидом определенной социальной позиции требует от него осмысления вариативного поля имеющихся в культуре социальных практик. Габитус решает проблему обеспечения интегративных значений, охватывающих все общество и придающих универсальный контекст объективного смысла фрагментарному социальному опыту и зна-

нию индивида, поэтому функционирует одновременно и как категория восприятия и оценивания, и как принцип видения. Он предстает как ментальная структура индивида, являющаяся продуктом инкорпорирования объективных социальных структур.

Адекватные соответствующему габитусу качества вырабатываются в позициях, занимаемых индивидом в обществе. Социальная ситуация, в которой оказывается конкретный человек, требует соответствующих этой ситуации действий. Образец действий задается определенным ролевым исполнением, стандарты которого существуют в виде норм.

Социальные отношения обуславливают объединение индивидов в практическую группу, институцию. Взаимодействие индивидов в историческом времени социального пространства и координация их позиций формируют воспроизводство аутентичной для конкретной культуры системы практик. Реальность социального отношения состоит в том, что оно выступает как механизм событий. На основе социальных отношений образуется социальное пространство. В нем возникают определенные группы и объединения. Происходит конкретизация социальных отношений и их персонификация. Горизонтальные и вертикальные оси дифференциации классов и групп образуют социальную топологию, построенную на принципах распределения и иерархичности по отношению друг к другу. Инициативные группы начинают вырабатывать символические образцы норм, способы их сохранения и трансляции. Благодаря таким действиям в определенной эпохе возникает собственная перспектива мировосприятия. Условием создания этой перспективы является глубокая аксиологическая рефлексия культуры. Также необходима система практик, которые могли бы внедрять новые ценности и нормы путем постоянного повторения. В результате деятельности социальных групп возникает общая социальная реальность. Она становится формой социального знания, которое существует как «совокупность общепринятых истин относительно реальности» [1, с. 110].

Социальное пространство состоит из множества абстрактных и не всегда доступных для понимания обывателя инстанций. Они напоминают институты со сложными иерархическими отношениями. Единое мировосприятие позволяет ограничить легитимированное пространство социального порядка, в котором устанавливается структура отношений между социальными группами. Следствием ограниченности оказывается социальное размещение индивида. В конкретной ситуации индивид имеет дело с определенной картиной мира, в которую входят сферы социальной системы. По словам И. Гофмана, «в какой бы деятельности не участвовал индивид, его местоположение так или иначе будет соотноситься с ней, поэтому ему всегда будут доступны для прямого наблюдения события лишь определенного круга. Этот факт «местополо-

женности» в совокупности с перцептивными способностями индивида создает естественную границу для восприятия им событий» [4, с. 285]. В результате мировосприятие индивида оказывается социально детерминированным, так как его чувства, представления о себе, действия, взгляды на мир задаются обществом и его институциональной инерцией. Важным является то, умеет ли индивид пользоваться ресурсами социальной справедливости в форме институциональной инерции, в частности, габитуса [2].

Литература

1. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Бурдьё П. Начала. М., 1994.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
4. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1, 2.

А.А. Мехова
г. Череповец

Социальный капитал в контексте проблем социальной справедливости

Аннотация. В статье анализируется роль социального участия и возможности социального капитала как ресурса в решении проблем социальной несправедливости. На примере краудфандинга как формы социального капитала показаны возможности социальных сетей.

Ключевые слова: социальный капитал, социальная справедливость, социальное участие, краудфандинг, социальные сети

Понятие социальной справедливости чрезвычайно популярно. При этом оно принадлежит к категории теоретических конструктов, смысл которых трудно загнать в жестко очерченные рамки. Не ставя целью систематизацию теоретических интерпретаций социальной справедливости, отметим только, что в широком смысле это понятие так или иначе связано с гуманистической направленностью социальных учений, с поиском идеального, должного порядка. В таком подходе любая социальная проблема есть проявление социальной несправедливости. В более узком смысле понятие социальной справедливости выходит на тео-

рию социального государства. В самом общем понимании социальное государство трактуется как особый тип современного высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности [9]. В этом контексте хотелось бы выделить несколько суждений о некоторых тенденциях современной социальной реальности.

1. Вера в то, что государство должно быть социальным, порождает необоснованные патерналистские настроения у граждан, снижает их социальную активность.

2. У государств, даже высокоразвитых, недостаточно ресурсов для обеспечения равной социальной защищенности всех граждан.

3. Современные государства все чаще уходят от прямого регулирования социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, рассчитывая на самоорганизацию граждан. Исходя из этих тенденций, нам представляется интересным и актуальным обратить внимание на современные формы социального участия, на роль социального капитала в решении социальных проблем.

Мы уже не раз обращались к анализу современных форм социального участия [7], [8, с. 120–128]. Здесь еще раз подчеркнем семантическую многозначность термина: участие – это и «совместная с другими деятельность», и «сочувствие, сердечное отношение к чему/кому-либо». На наш взгляд, именно единство этих смыслов – сопереживание, эмоциональное сочувствие и социальное действие, направленное на благо других, – сближает его с гуманистическим контекстом проблематики социальной справедливости. Именно так трактуется социальное участие в простом, но очень емком определении И. Скалабан: «Социальное участие – коллективная деятельность, которая осуществляется в рамках повседневной жизни и направлена на удовлетворение общественного интереса» [12, с. 130]. В социальном участии государство и граждане находят дополнительные ресурсы для решения проблем. В этом контексте представляется плодотворным использование еще одного понятия – социальный капитал. По большому счету, социальное участие и есть неформальный социальный капитал, особенно важный для тех, кто попал в ситуацию социальной несправедливости. Наличие в этом теоретическом конструкте термина «капитал» уже наводит на мысль, что в первую очередь анализу подлежат ресурсы, возможности для получения некой выгоды. А определение «социальный» подчеркивает, что получатель выгоды включен в социум, в социальные отношения и связи, которые, собственно, и выступают источником выгоды. Так трактует соци-

альный капитал один из начинателей этой теории П. Бурдьё: «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. <...> Прибыль, приносимая членством в группе, лежит в основе солидарности, которая делает возможным ее получение» [2, с. 66]. Ограничимся здесь только этим определением, хотя в современной науке существует еще великое множество трактовок социального капитала. Анализ их многообразия (см.: [3, с. 103–109]), привел нас к выводу, что общим в этих подходах так или иначе выступает благо (для общества или индивида), добровольные объединения, социальные связи и сети, основанные на доверии, общих ценностях и нормах.

Отсутствие ресурсов на благое дело часто и воспринимается как социальная несправедливость. Возможность получить эти ресурсы от людей, с которыми индивид уже связан и они ему доверяют, или от тех, которые объединяются с ним именно потому, что разделяют представление о ценности этого благого дела, и являет собой практическое воплощение социального капитала. Форм социального капитала в современных социальных практиках немало. Мы можем обнаружить их практически в любом добровольном объединении людей, нацеленном на решение конкретной социальной проблемы. В рамках этой статьи ограничимся только одной, проанализируем, как проявляются возможности членства в социальных сетях в краудсорсинге и его частных случаях – краудфандинге или фандрайзинге.

Краудсорсинг (от англ. crowd – «толпа» и sourcing – «сбор, использование ресурсов») трактуется как передача некоторых производственных функций неопределённому кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий. Иными словами – задействование сил добровольцев для оказания помощи и общего поиска решения какой-то проблемы. Краудфандинг – частный случай краудсорсинга, а точнее – сотрудничество людей, которые добровольно оказывают именно финансовую поддержку какому-либо проекту или организации [6]. Фандрайзинг чаще употребляется в отношении деятельности некоммерческих организаций по привлечению средств из внешних источников на социальные цели [5].

Сам по себе добровольный сбор денег, совместное делание какого-то общего дела – явление весьма древнее. Его корни уходят в историю общинных организаций, построенных на отношениях взаимной помощи, когда каждый помогает другим в реализации одной и той же цели. Новую жизнь и форму эти практики получили с возникновением Интерне-

та. Сегодня термин «социальные сети», вошедший когда-то в науку в смысле разветвленных связей человека с другими людьми, теперь чаще всего трактуется как онлайн-сервис, сайт в Интернете, позволяющий создавать социальные связи, строить взаимоотношения, распространять информацию и вступать в различные сообщества и группы.

Следует обратить внимание, что краудфандинг нейтрален, он лишь предоставляет возможности для нового типа объединения и сотрудничества. Это всего лишь инструмент, элемент сети, медиатор между тем, кто собирает, и теми, кто дает. Как всякий инструмент, он может быть использован как для позитивного преобразования социальной среды, так и для деструктивного. Во имя чего происходит объединение, решают сами участники процесса. В основе этого решения лежит единство ценностей и норм членов сети. Социально ориентированный краудфандинг способен актуализировать социальный потенциал посредством ассоциации индивидов в различные по продолжительности действия сети, направленные на решение социальных проблем, и может рассматриваться как дополнительный нематериальный ресурс или независимое от государства средство финансирования их деятельности.

Многие практики краудфандинга стали привычными и широко распространенными. Например, благотворительность. Интернет существенно расширяет возможности для акций по сбору средств на операции больным детям, материальной помощи жертвам катастроф, неимущим и т.п.

Портал благотворительной программы «Благо.ру» так себя и позиционирует – «сайт для людей, готовых помочь» [1]. Сайт управляется Фондом поддержки и развития филантропии. Основными «клиентами» платформы являются некоммерческие организации: «Волонтеры в помощь детям-сиротам» (сайт информирует пользователей, что они собрали через площадку 1,6 млн от более чем 400 доноров), «Старость в радость» (1,94 млн – 692 донора), «Настенька» – помощь детям с онкологическими заболеваниями (1,27 млн – 312 доноров) и др.

На сайте Благотворительного фонда «Дорога к дому» тоже есть раздел «Как вы можете помочь» [4]. В нем доступно, подробно и удобно размещена информация о тех, кто нуждается в помощи, и о том, в каких формах желающие могут эту помощь оказать. Денежные пожертвования можно сделать прямо через сайт, через кассу Фонда, смс-пожертвование и т.п. На сайте размещена информация о благотворительных акциях «Вологодская область – территория добрых дел», «Добрый продукт» и др. Программа гарантирует, что все пожертвования используются в уставных целях.

Следует заметить, что в краудфандинге проблема доверия проявляется очень остро: доверия к интернет-ресурсам, доверия к тому, что

вклад достигнет благополучателя, что заявленный благополучатель действительно нуждается в помощи и что призыв, которому ты поддался, – не фейк. Как показывают исследования, уровень доверия – и межличностного, и институционального – в России не высок. Это, на наш взгляд, основной фактор риска развития современных форм социального капитала. Такие платформы для краудфандинга, как Благо.ру, Дорога к дому и подобные им обеспечивают это доверие через формализацию Сети.

Помимо благотворительности социальный капитал активно действует и в реализации гражданских инициатив. В России уже действуют интернет-платформы как для высказывания и виртуального голосования – поддержки предложений и инициатив граждан (например, Российская общественная инициатива [10]), так и для реальной финансовой поддержки инициатив (например, Planeta.ru [11]). Причем идеи, которые нуждаются в поддержке, имеют самый разный характер – от очевидно социально значимых до амбициозно личных. Например, Planeta.ru помогла собрать 170 тыс. руб., необходимых для реализации мультимедийного проекта «Причины расстрела», который помогает найти информацию о жертвах сталинского режима; 917 тыс. руб. на создание онлайн-киношколы; 200 тыс. руб. для того, чтобы молодой предприниматель смог купить оборудование в свою пекарню «Дашины пирожки» [11]. Принцип один – если ты считаешь несправедливым, что хорошая идея не получит реализации потому, что у автора есть только идея, но нет средств, помощи. Условие для авторов идеи – если необходимая сумма собрана не полностью в течение заявленного срока, т.е. не нашла поддержки у пользователей Сети, деньги возвращаются. Сайт предоставляет информацию о состоянии счета, тем самым обеспечивая доверие жертвователей.

Таким образом, краудфандинг работает и там, где государство должно, но не может обеспечить потребности граждан в силу ограниченности ресурсов, и там, где государство вовсе ничего не должно. Безусловно, современные формы социального капитала не ограничиваются краудфандингом. Однако в рамках статьи мы хотели лишь обозначить проблему. Предложить социальный капитал как теоретический конструкт, позволяющий анализировать социальное участие, процесс превращения социальных связей в дополнительный ресурс в решении проблем, в восстановлении социальной справедливости.

Литература

1. Благо.ру. URL http://blago.ru/kak_rabotaet_blago_ru/polozhenie_o_programme/ (дата обращения: 15.04.2016).
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5.

3. Воробьева И.Н., Мехова А.А. Теоретико-методологические проблемы измерения социального капитала // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. 2012. Ч. 1.
4. Дорога к дому. URL: <http://dorogakdomu.ru/need-help/> (дата обращения: 15.04.2016).
5. Клецина А.А. Тенденции в современном российском фандрайзинге. СПб., 2014. URL: http://www.crno.ru/assets/files/skachat/trendy_fr.pdf (дата обращения: 10.04.2016).
6. Краудфандинг в России. RUSBASE. URL: <http://rusbase.com/news/kraudfanding-v-rossii> (дата обращения: 12.04.2016).
7. Мехова А.А. Современные формы социального участия // Час науки. Сайт Череповецкого государственного университета. URL: <https://www.chsu.ru/scie> (дата обращения: 10.04.2016).
8. Мехова А.А. Форсайт как современная технология социального участия // Социальная политика и социология. 2011. № 8.
9. Новая философская энциклопедия. Сайт Института философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2812.html> (дата обращения: 10.04.2016).
10. Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 10.04.2016).
11. Планета.ру. URL: <https://planeta.ru> (дата обращения: 17.04.2016).
12. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1.

С.Ю. Лаврова
г. Череповец

**Литературная репутация и социальная справедливость:
к вопросу о творчестве беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова**

Аннотация. Статья посвящена анализу литературной репутации беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова в контексте понятия социальной справедливости в оценке литературного творчества.

Ключевые слова: беллетрист Н.Д. Ахшарумов, социальная справедливость, литературная репутация, классификация репутаций, институциональный и авторитетный читатель дискурса, языковая личность.

В современной филологии существует точка зрения, согласно которой нет второстепенной литературы и второстепенных авторов. Если процесс ознакомления с творчеством произошел у широкой аудитории читателей, если произведения опубликованы, оценены и растиражированы, то уже состоялась апробация уникальности писателя. Однако

данная точка зрения не является классически общепризнанной, поэтому мы читаем о том, что на протяжении столетий плеяда авторов «второго ряда» сопровождает ту или иную звезду творчества, как спутники сопровождают крупную самостоятельную планету. Почему в контексте понятия социальной справедливости можно затронуть эту оценочную проблему? Да, наверное, потому, что критерии справедливости гостеприимно широки и приглашают «под свое крыло» все более частные проблемы бытования человека в социуме. По словам Н.В. Печерской, некоторые концепции справедливости делают центральным понятие индивидуальных заслуг, тогда как другие выдвигают на первый план принцип равенства; некоторые апеллируют к стандарту полезности, другие не допускают мысли, что принесение в жертву интересов отдельных людей можно компенсировать благодеянием общества в целом [9, с. 77–88].

С нашей точки зрения, объемное понятие социальной справедливости продуктивно может быть объективировано лишь в *аспектном* контексте конкретных наук, занимающихся данной проблематикой. *Оценка литературного творчества* представляет собой важнейшую проблему освоения и сохранения литературного наследия цивилизованного общества.

Обозначим специфику понятия социальной справедливости в оценке литературного творчества и остановимся на некоторых подходах к пониманию этого явления. Исследователь Г. Беккер отмечает, что проблема репутаций в литературе и вообще в искусстве исследуется достаточно продуктивно и динамично, поскольку репутация в искусстве есть процесс, а не факт. Время накладывает свой отпечаток на изменяющуюся в веках репутацию того или иного автора (Беккер: 1982. Цит. по: [5]). Меняется социальная среда – меняются этические и эстетические ценности, то главное, на основе чего оценивают произведения писателя той или иной эпохи. Несомненно, что и господствующая в определенное время научная парадигма анализа произведений искусства, литературы, в частности, влияет на оценочный характер как эпохи, так и определенного писателя. Дж. Оруэл выделяет три типа репутаций писателей: *академическую* репутацию, рассматривая автора как классика, пригодного к преподаванию; *интеллектуальную* репутацию как признание писателя другими писателями и интеллектуалами; *популярную* репутацию как успешные продажи и признание автора широкой публикой [8]. Исследователь А.В. Кустарев в одной из статей справедливо замечает: «А что если я лучше своей репутации?». Так спрашивал Фигаро. Возможно, он был лучше. А мог быть и хуже. Мы никогда этого не узнаем, потому что чаще всего человека за его репутацией вообще разглядеть не удастся. Те, кто ставит под сомнение репутацию и утверждают,

что обнаруживают подлинное лицо человека, на самом деле просто заменяют одну репутацию другой. Репутация – вещь более реальная, чем человек; она и есть реальный элемент общества – общество состоит не из людей, а из репутаций [6].

Общеизвестно, что социальная справедливость как понятие в оценке литературного творчества включает в свой объем принципы и критерии; способы обоснования и распределения; абстрактную нравственную идею; наличие объекта, с помощью которого управляют людьми; личностные качества творца; признание его заслуг. С нашей точки зрения, при характеристике репутации (а без этого понятия по принятой традиции все-таки невозможно изучать литературные произведения автора в социуме) следует учитывать тот факт, какой читатель принимает участие в оценке творчества: *институциональный* или *авторитетный*. Институциональный читатель оценивает произведение автора с учетом чисто прагматических критериев: занимательно / незанимательно, скучно / смешно, интересно / неинтересно, познавательно / непознавательно и так далее. Он читает, а не изучает творчество автора и, следовательно, свободен от оценок. Его стихия – выражение собственного отношения, на базе которого формируются поверхностные представления о писателе и его таланте. Авторитетный читатель, критик, о котором поэт М.И. Цветаева говорила как об «абсолютном читателе, взявшемся за перо», пытается привлечь в свои союзники объективные критерии и, обладая профессиональным знанием литературного процесса, как в синхронии, так и в диахронии, **оценить** автора и его конкретное творчество. Нельзя, естественно, отрицать оценки, данные критиками-профессионалами, не принимать их во внимание, но такой личностно-ориентированный вид человеческой деятельности, как **художественное творчество** часто со временем переосмысливается в аксиологическом отношении. Возможно, человек, о котором судят только на основании созданной ему репутации, превращается в персонаж.

Известный писатель-беллетрист XIX в. Николай Дмитриевич Ахшарумов (1820–1893) не только создавал художественные произведения, но и сам в той или иной степени формировал репутацию других известных авторов, его современников, занимаясь литературной критикой. Достаточно назвать известные критические статьи Н.Д. Ахшарумова – «Порабощение искусства» (1857), «Тысяча душ». Роман А. Писемского» (1859), «„Преступление и наказание“, роман Ф.М. Достоевского» (1867), «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“» (1868) и другие работы [2].

С точки зрения классического литературоведения, Н.Д. Ахшарумов, *литературный критик, писатель, современник великих имен* – фигура «фоновая», «вторичная». Данная характеристика обосновывается сле-

дующими параметрами: 1) «подражательностью» (прежде всего – Ф.М. Достоевскому); 2) «неглубокой психологической проработкой характеров персонажей»; 3) «надуманным сюжетом»; 4) беллетристической «плодовитостью» на потребу дня; 5) наконец, «небольшим талантом и умеренно-либеральным складом». Такие характеристики повторяются во всех биографических словарях [3]. Однако параллельно с подобными оценками отмечается, что Н.Д. Ахшарумова ценили такие взыскательные люди, как М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой. С Ф.М. Достоевским Ахшарумов был хорошо знаком: широко известный уже к тому времени Достоевский и беллетрист Ахшарумов взаимно симпатизировали друг другу.

Исследователь и читатель XIX в., действительно, видит мир совсем по-другому, чем исследователь и читатель века XXI, поскольку происходит кардинальная смена литературных дискурсов и переосмысление в них значимости определенных творческих фигур. Статус «второстепенного автора» объективно определяется не всегда только литературными факторами, значимость автора в дискурсивном контексте эпох может наполняться неожиданным новым содержанием. В нашем представлении не только фигуры первого плана, но и так называемые «фоновые фигуры» заслуживают пристального изучения, поскольку в их творчестве также отражается эпоха, семиотика того или иного периода бытования литературы. Индивидуальное становление писателя особенно значимо в контексте семиотики эпохи. Семиотическое пространство литературы как многоаспектный объект, наполняемый знаками с различной значимостью, не может быть представлено во всей полноте без фигур «второго плана», таких как Н.Д. Ахшарумов. Творчество каждого из авторов, независимо от широты репрезентации таланта, представляют уникальные *языковые личности* с характерным для каждой из них идиостилем и жанровыми предпочтениями. Уровень языковой подготовки, разносторонние интересы, знание истории литературы позволяют Н.Д. Ахшарумову написать первые литературные произведения, привлёкшие внимание как серьезного издателя, так и взыскательных читателей. Двадцатилетний молодой человек, по собственной инициативе завершивший службу в военном министерстве и вышедший в отставку для того, чтобы заняться литературной деятельностью, несомненно, обладает сформировавшимся мировоззрением и каким-то образом представляет свою будущую реализацию в контексте русской культуры того времени. Вероятно, Н.Д. Ахшарумов прагматично просчитывает свое будущее, поскольку уже через пять лет после завершения службы в свет выходит его первая серьезная работа. Ахшарумов дебютирует еще в 1846 г. одноактной пьесой «Маскарад», но лишь следующее его литературное произведение – повесть «Двойник» (1850) – оценивается современными исследователями как одно из лучших произведений русской литературы XIX в.

менниками. Повесть «Двойник» он подписывает псевдонимом Чернов и публикует в авторитетном издании – «Отечественных записках» (№ 3 за 1850 г.). Журнал «Отечественные записки» издается Андреем Краевским, выдающимся русским журналистом. Исследователями отмечается, что почти не было ни одного крупного русского писателя, который не работал бы под его руководством. Краевский был настоящим устройтелем тех органов, которые издавал. Отличный расчетливый практик, Краевский угадывал вкусы и требования публики и успешно пользовался ими. Опубликованная в «Отечественных записках» и прочитанная читателями повесть «Двойник» оставляет не известный для нас след в сознании рядового читателя того времени, но недремлющая взыскательная критика присваивает повести статус «подражательного» произведения: прочитывается подражание знаменитому уже тогда Ф.М. Достоевскому. Но и сам Достоевский в письме к своему брату интересуется автором «Двойника». Как пишет О.Е. Майорова, Ахшарумова сближали с Достоевским сосредоточенность на «тайниках душевной жизни человека, интерес к исключительным ситуациям и противоречивым, страстным характерам, пристальное внимание к теме двойничества» [7, с. 131].

Известные нам разножанровые произведения Н.Д. Ахшарумова показывают, что их автор, начавший серьезное образование со знаменитого Царскосельского лицея и продолжавший его в течение всей жизни, насыщенной интересными встречами со значительными людьми своего времени, может быть охарактеризован как яркая языковая личность второй половины XIX в. Следовательно, мы не можем отрицать **интеллектуальную** репутацию Ахшарумова, признаваемую его современниками. Это был известный человек в окружении достойных творческих людей эпохи. **Популярность** Н.Д. Ахшарумова актуализировалась как на уровне оценки *институционального* читателя, с удовольствием знакомившегося с детективными и фантастическими романами беллетриста, так и на уровне *авторитетного* читателя, серьезно относившегося к литературной критике беллетриста, о чем свидетельствуют ответы на его критические работы со стороны собратьев по писательскому цеху. Отмечая, в частности, роман Ахшарумова «Концы в воду», современные исследователи констатируют, что писатель-беллетрист XIX в. одним из первых русских авторов своего времени создает оригинальный роман – *триллер с детективным сюжетом* [1]. Сейчас роман «Концы в воду» переиздается и пользуется популярностью у читателей XXI в.

Интеллектуальная репутация Ахшарумова, о которой не так много написано, позволяет современным литературоведам профессионально углубиться в изучение его литературной критики, действительно, достойной внимания. С точки зрения исследователя Н.В. Володиной, изу-

чение литературной критики писателя имеет не только историко-литературное значение, связанное с «восстановлением в правах» автора критических статей, работ по эстетике, обладающего собственным видением русского литературного процесса второй половины XIX в., но и теоретическую ценность. Специфика *эстетической критики*, представителем которой является Н.Д. Ахшарумов, ее метода требуют дальнейшего осмысления этих проблем и явлений филологической наукой [4].

Типологизация человеческой деятельности, затронувшая и художественное творчество, в определенной степени структурирует наши разнообразные знания о мире, предлагая те или иные ментальные классификации. Классификация Дж. Оруэла, отмеченная выше, которая может быть применена и к оценке творчества беллетриста Ахшарумова, однозначно «не работает».

Таким образом, понятие литературной репутации не должно рассматриваться только в конкретном хронотопе одной эпохи; ее многозначное наполнение формирует и корректирует сам институциональный дискурс, зависящий от динамики социума. Анализ литературной репутации Н.Д. Ахшарумова как частного представителя литературной эпохи XIX в. в аспекте ее функциональной содержательности зависит от многих факторов, одним из которых является *семиотический контекст бытования языковой личности* беллетриста. Семиотический контекст бытования в пространстве эпохи напрямую связан с понятием *значимости* языковой личности Н.Д. Ахшарумова, которую обусловили его разностороннее образование, знание языков, логический склад ума, высококультурное ближайшее окружение. Современная *дискурсивность* языковой личности Н.Д. Ахшарумова подтверждается вертикальным диалогом прозаика с современниками и потомками (из XIX века в XXI). Меняющиеся литературно-общественные эпохи выявили те аспекты творчества писателя Н.Д. Ахшарумова, которые актуализируются в репрезентативных знаковых дискурсах, таких, например, как дискурс детективный (роман «Концы в воду»), дискурс фантастический (роман «Игрок»), и подтверждают подвижность теоретического понятия «литературная репутация». Критическое наследие Н.Д. Ахшарумова отмечено яркими индивидуальными особенностями, глубиной проникновения в анализ творчества современников и ждет своих исследователей.

Семиотическая значимость языковой личности творческого человека, ее когнитивно-ментальные, этико-эстетические, функционально-стилистические, коммуникативно-прагматические характеристики, вероятно, есть важнейшая составляющая вневременного понятия оценочной литературной репутации, «приговор» которой не должен принижать концептуальную сущность автора.

Отметим важнейшую роль исследователей-филологов, занимающихся изучением литературного творчества «второстепенных авторов» и по возможности восстанавливающих семиотическую многомерность творческих эпох в контексте общемировой надежды человека на его главное моральное богатство – социальную справедливость.

Литература

1. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 1989. Т. 30.
2. *Ахшарумов Н.Д.* Порабощение искусства // Отечественные записки. 1857. № 7; «Тысяча душ». Роман в 4 ч. А. Писемского. СПб., 1858 // Весна (Литературный сборник на 1859 год). СПб., 1859. С. 291–344; «Преступление и наказание». Роман Ф.М. Достоевского // Всемирный труд. 1867. Март. С. 125–156; Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Всемирный труд. 1868. № 4. Отд. 2.
3. Большая биографическая энциклопедия. URL: http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/enc_biography/(дата обращения: 21.04.2016).
4. *Володина Н.В.* К вопросу о критике как самосознании литературы (Н.Д. Ахшарумов) // Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное»: VII Майминские чтения. 5–9 октября 2011 г.: В 2 т. Т. 2. Псков, 2011.
5. *Костионова М.В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
6. *Кустарев А.В.* Репутация как живое существо // Дружба народов. 1995. № 4.
7. *Майорова О.Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
8. *Оруэлл Дж.* Политика против литературы. Взгляд на «Путешествия Гулливера» Скотный двор. М., 1989.
9. *Печерская Н.В.* Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2.



Социальная справедливость и социальное государство в реалиях современного мирового политического и экономического кризиса

Г.А. Ковалева
г. Череповец

Доступность медицинских услуг как критерий справедливости

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших критериев социальной справедливости – обеспечение доступа медицинских услуг для различных категорий населения, особенно для тех, кто попал в тяжелую жизненную ситуацию. Приводятся данные по Вологодской области.

Ключевые слова: медицинская помощь, доступность медицинских услуг, здоровье, система здравоохранения.

В последнее время со стороны различных наук растет интерес к проблемам здоровья населения. В условиях трансформации российского общества значительная часть населения оказалась за чертой прожиточного минимума. Бедность ведет к уменьшению рождаемости и увеличению смертности, сокращению численности коренного населения, деградации и депопуляции, распаду семей, ухудшению здоровья населения, которое, по заключению ученых, в основном зависит от социальных факторов. Доступность медицинской помощи – это свободный доступ к службам здравоохранения вне зависимости от географических, экономических, социальных, культурных, организационных или языковых барьеров. Декларируемая в конституциях различных стран, она регламентируется национальными нормативно-правовыми актами (НПА),

определяющими порядок и объемы оказания бесплатной медицинской помощи, и обусловлена рядом объективных факторов: сбалансированностью необходимых объемов медицинской помощи населению с возможностями государства, наличием и уровнем квалификации медицинских кадров, наличием на конкретных территориях необходимых медицинских технологий, возможностью свободного выбора пациентом лечащего врача и медицинской организации, имеющимися транспортными возможностями, обеспечивающими своевременное получение медицинской помощи, уровнем общественного образования по проблемам сохранения и укрепления здоровья, профилактики заболеваний. Таким образом, доступность медицинской помощи является важнейшим условием оказания медицинской помощи населению во всех странах мира, отражающим как экономические возможности государства в целом, так и возможности конкретного человека. Нигде не обеспечивается всеобщий, равный и неограниченный доступ ко всем видам медицинских услуг. Считается, что выходом из такой ситуации является сокращение расходов на неэффективные виды медицинских вмешательств и концентрация усилий на предоставлении равного доступа гражданам к самым эффективным медицинским услугам. Этот подход к справедливому использованию ограниченных ресурсов называется рационированием и практикуется в разной степени во всех государствах мира. Кроме того, во многих государствах имеется скрытое рационирование: очереди, из-за которых невозможно получить лечение в разумные сроки, бюрократические препоны, исключение отдельных видов лечения из списка бесплатных услуг и др.

Платность медицинской помощи – одна из самых сложных и неоднозначно трактуемых категорий здравоохранения, т.к. объединяет различные по характеру явления. Не случайно среди пяти общих недостатков медицинской помощи, сформулированных экспертами ВОЗ, названа ее разорительность: «Ежегодно более 100 млн человек в мире впадают в нищету из-за необходимости платить за медицинскую помощь» [1, с. 78]. В России и ряде стран постсоветского пространства сложилась практика широкого участия населения в оплате медицинской помощи. В то же время не следует абсолютно исключать и факт растущего спроса на медицинские услуги, оказываемые за личный счет пациента. Однако следует признать, что последние являются чрезвычайно дорогостоящими и не по карману большинству населения. К примеру, вызов врача на дом из частного медицинского центра в г. Череповце составил в 2015 г. около 1000 руб., в то время как средний уровень заработной платы по области в Вологодской области составляет 28 тысяч рублей. По сравнению с прошлым годом эта сумма увеличилась на 6 % [3]. По данным

социологического опроса, к частнопрактикующим врачам в 2014 г. обратились лишь 5 % пожилых респондентов, в коммерческие учреждения – 9 %. Однако на необходимость оплаты медицинских услуг указывает 74 % населения, обращавшегося за медицинской помощью. При этом ежемесячно расходовали собственные средства на лечение 20 % жителей области. Подобные результаты получены и в других исследованиях: например, каждый третий участник исследования ИС РАН «Социальные неравенства и публичная политика» или члены его семьи в течение последнего года прибегали к платным медицинским услугам за счет собственных средств [2].

В 2015 г. по сравнению с 2013 г. с 68 до 73 % возросла доля населения, которое оплачивает лечение, внося деньги в кассу лечебного учреждения. Напротив, с 16 до 12 % снизился удельный вес жителей области, производящих неофициальную плату за медицинские услуги (лечащему врачу, среднему медперсоналу, руководителю лечебного учреждения, санитарке). При этом жители области отдают предпочтение государственным медицинским учреждениям в силу их большей доступности. Но, как свидетельствуют социологические данные, в значительной степени это предпочтение оказывается вынужденным. Так, в 2015 г. доступностью медицинской помощи были удовлетворены 47 % опрошенных жителей Череповца, 22 % высказались на этот счет отрицательно. Трагедия современного больного состоит в том, что он не может себе позволить быть здоровым. Это подтверждают данные социологических исследований: в отказах от медицинской помощи из-за ее платности признается существенная часть респондентов – около 40 %. Наиболее частым является отказ от стоматологической помощи, протезирования зубов, диагностических обследований, амбулаторного лечения. К сожалению, каждому четвертому череповчанину (22 %) редко, но все же приходилось отказываться от медицинских услуг по этой причине. И, наконец, каждому шестому (16 %) приходилось полностью отказываться от медицинских услуг.

В качестве перспективного источника финансирования здравоохранения в современной России рассматривается развитие системы добровольного медицинского страхования (ДМС), однако не стоит забывать, что она не может охватывать широкие слои населения. В 2013 г. доля респондентов, которые желали бы приобрести полис ДМС в случае двух-трехкратного увеличения доходов, несколько превысила 50 %. Заинтересованность в ДМС выражают в большей степени лица с высоким уровнем дохода, а представители наименее обеспеченных и среднедоходных групп населения в значительно меньшей степени ощущают потребность в этом. Проблемы с получением лекарств наиболее актуальны

для социально уязвимых групп населения, поэтому на фоне изобилия лекарственных средств, наблюдаемого на аптечных витринах, для жителей Вологодской области важной остается тема доступности необходимых для лечения медикаментов. Как можно судить по данным мониторинга здоровья, более трети населения региона испытывает подобные трудности, причем в городах Вологде и Череповце их удельный вес увеличивается. Для населения области в целом данная тенденция не выявлена.

С возрастом потребность в медицинских услугах и, соответственно, в медикаментах возрастает. Однако вместе с этим возникают и трудности с приобретением важных для здоровья препаратов. Так, в 2014 г. трудности в приобретении лекарств испытывали около 30 % молодежи города и 45 % лиц пенсионного возраста, и, судя по данным опроса, такая ситуация сохраняется с 2009 г. Выявлено, что отмеченная проблема характерна для наименее обеспеченных граждан, что логично, но, как оказалось, около 30 % лиц, имеющих высокие доходы, также заявляют о подобных проблемах.

Среди причин, обуславливающих сложность приобретения лекарств, большая часть респондентов называет их высокую стоимость (в 2012 г. – 70 % вологжан, 60 % череповчан и 53 % жителей районов области). Около 15 % респондентов имели затруднения с бесплатным получением лекарств, так как им отказали в аптеке (11 %) или врач не выписал соответствующего рецепта (4 %). Однако значительная часть населения фактически находится в двойной зависимости: с одной стороны, от болезни, при которой любые отступления от медицинских показаний могут привести к необратимым последствиям, а с другой стороны, от бесплатно полагающихся лекарств и процедур.

Следует отметить, что важнейшей проблемой в сфере здоровья и здравоохранения является системное нарушение прав граждан на охрану здоровья и фактическое неравенство в получении медицинских услуг вопреки установке Всемирной организации здравоохранения: здоровье для всех и каждого. По определению ВОЗ, равенство в здравоохранении – это справедливость и равнодоступность медицинской помощи. Проблема платности медицинских услуг остро стоит в российском здравоохранении, она особенно усугубляется низким уровнем платежеспособного спроса населения на медицинские услуги и отсутствием эффективных механизмов защиты прав пациента. Есть все основания полагать, что в обстановке негативных последствий финансово-экономического кризиса коммерциализация здравоохранения станет одним из существенных препятствий.

Литература

1. Ковалева Г.А., Мехова А.А. и др. Профиль здоровья г. Череповца / Под ред. А.В. Чернова. Череповец, 2011.
2. Шабунова А.А. Здоровье населения в России. Состояние и динамика. Вологда, 2010.
3. Новости Вологды и Вологодской области. Экономика. URL: <http://newsvo.ru/news/92594> (дата обращения: 23.03.2016).

Ю.Л. Балюшина
г. Череповец

Вопросы справедливости глазами студенческой молодежи

Аннотация. Статья посвящена изучению мнения студентов относительно вопросов справедливости. Автором был проведен опрос студентов Череповецкого государственного университета, результаты которого показали, что анализируемая проблема не утратила своей актуальности для молодежи и в наши дни. У значительного числа молодых людей не сформировано четкого представления о сущности справедливости и возможности ее реализации в действительности. Абсолютное большинство респондентов убеждены в несправедливости современного российского общества.

Ключевые слова: справедливость, государство, общество, студенты.

Проблема справедливости была и остается одной из наиболее актуальных и насущных. С древнейших времен она волновала как виднейшие умы человечества, так и «простых смертных», не обремененных властью, богатством и ответственностью за судьбу всего общества. Сейчас, в условиях глобального экономического кризиса и политической нестабильности, когда реальные доходы населения падают, а перспективы неопределенны, она особенно обостряется.

Несмотря на долгую историю своего развития, проблема сущности справедливости не получила своего разрешения. Что есть справедливость? Возможна ли она в обществе? Как ее достичь? Эти и подобные им вопросы остаются открытыми и по сей день. История философской мысли знает немало вариантов ответа на них: справедливость как поиск всеобщего блага; справедливость как соблюдение и обеспечение прав и свобод каждой личности; справедливость как индивидуальная свобода и ответственность за свое социальное положение и благосостояние; справедливость как государственная поддержка социально и экономически

слабых социальных слоев и граждан и пр. Каким же образом понимает справедливость сегодня молодое поколение – будущая интеллектуальная элита нашего общества? Поиск ответа на этот вопрос и является нашей целью.

В философском аспекте «справедливость – это категория нравственная, существующая прежде всего в сознании человека, а уже затем – в объективной действительности», как отмечают З.Н. Степанова, В.А. Федотов [1, с. 111]. Те или иные представления о справедливости являются детерминантой дальнейшей деятельности человека. Следовательно, справедливость или несправедливость в реальности реализуется в действии, в человеческих поступках. Именно поэтому представляется очень важным понимание того, как человек определяет справедливость сам для себя.

В рамках данной статьи автор предпринимает попытку взглянуть на указанную выше проблему глазами современной студенческой молодежи, поскольку именно она в ближайшем будущем будет представлять интеллектуальную элиту нашего общества и, возможно, будет решать его судьбу. Для достижения цели было проведено анкетирование студентов Череповецкого государственного университета различных направлений подготовки, обучающихся как на бюджетной, так и на коммерческой основе.

Согласно результатам опроса, о проблемах справедливости и несправедливости задумываются 96 % опрошенных. Из них 23 % ответили, что размышляют об этих вопросах редко, 68 % – часто, 9 % – почти каждый день. Это говорит о том, что проблема справедливости представляется значимой для современной молодежи, поскольку 77 % респондентов с той или иной интенсивностью стремятся ее осмыслить.

Однозначного ответа на вопрос о том, как возможно трактовать категорию справедливости в результате данного исследования, получить не удалось: 41 % опрошенных называют справедливость высшей человеческой ценностью; 48 % связывают ее со всеобщим равенством во всех аспектах; 34 % полагают, что анализируемая категория представляет собой вознаграждение (воздаяние), пропорциональное трудозатратам (вкладу); 27 % присоединяются к позиции Б. Дизраэли, называя ее «истиной в действии». Лишь 13 % респондентов полагают, что справедливость – это к чему стремятся государственная и судебная системы. Это свидетельствует о скептическом отношении молодого поколения к государству как гаранту социальной справедливости. 12 % опрошенных считают, что справедливость – есть всего лишь слово, не имеющее смысла в наши дни. При ответе на вопрос о сущности категории спра-

ведливости респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа, чем обусловлена сумма более 100 %.

На вопрос о возможности организации общества в соответствии с принципами справедливости положительно ответили лишь 29 % опрошенных; отрицательный ответ дали 23 % респондентов. 48 % выразили затруднение при ответе на данный вопрос. Подобный результат может свидетельствовать о том, что почти у половины опрошенных либо не сформировано собственное представление о проблеме справедливости в целом, либо о том, что данная категория респондентов недостаточно ориентируется в основных принципах организации и функционирования общества и государства.

В качестве основной предпосылки достижения справедливости большинство респондентов назвали общественный прогресс – общий экономический рост, НТП и духовное развитие человечества. Основной проблемой на пути достижения справедливости было названо естественное неравенство людей, их эгоистические устремления.

Современное российское общество с уверенностью назвали социально несправедливым 93 % опрошенных, несправедливым в правовом аспекте – 70 %. В качестве обоснования своей позиции представители студенчества указывают на такие неоспоримые факты, как неравномерное распределение доходов между различными социальными группами; коррупция; несоблюдение прав простого населения; несоблюдение законов; несправедливо мягкие наказания за правонарушения для статусных или публичных личностей; несовершенство судебной и правоохранительной систем, которое выражается в том, что преступники часто остаются безнаказанными.

Следует отметить оптимистические унастроения молодежи: 68 % опрошенных полагают, что «каждый человек может сделать мир лучше, поступая по справедливости», т.е. достижение справедливости находится в руках самих представителей молодого поколения.

Итак, результаты опроса показали, что проблема справедливости не утратила своей актуальности и в наши дни. У значительного числа молодых людей не сформировано четкого представления о сущности справедливости и возможности ее реализации в действительности, а абсолютное большинство респондентов убеждены в несправедливости современного российского общества.

Литература

1. Степанова З.Н., Федотов В.А. Социально-философский феномен категории справедливости // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1.

Д.В. Тумаков
г. Ярославль

**«Социальная справедливость» эпохи позднего сталинизма:
трагический случай в Ярославской области**

Аннотация. Статья посвящена трагическому случаю массового пищевого отравления рабочих льнокомбината «Заря социализма» в райцентре Гаврилов-Ям в 1946 г. В силу переплетения различных факторов он был типичен для эпохи послевоенного сталинизма на периферии.

Ключевые слова: социальная справедливость, льнокомбинат «Заря социализма», Гаврилов-Ям, провинция, пищевые отравления, поздний сталинизм.

Победа СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была достигнута дорогой ценой. Несмотря на надежды значительных масс населения на определенную демократизацию общественно-политического строя и корректировку социально-экономического курса после войны, руководство страны фактически продолжило предвоенный курс на преобладание тяжелой, прежде всего оборонной, промышленности. Как известно, И.В. Сталин в программной речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 г. огласил грандиозные планы повышения добычи угля, стали, чугуна и нефти [4, с. 365]. Все остальные отрасли народного хозяйства должны были финансироваться по остаточному принципу. Достаточно упомянуть тот факт, что 88 % капиталовложений в советскую промышленность в 1945–1950 гг. направлялись именно в тяжелую индустрию, а на развитие легкой промышленности – лишь 12 % [2, с. 122]. Соответственно на периферии внимания государства оказалась и социальная сфера, в том числе санитарно-гигиеническое состояние населенных пунктов или промышленных предприятий.

К чему приводили подобные диспропорции в экономике, показывает следующий случай, произошедший в конце лета – начале осени 1946 г. в небольшом городке Гаврилов-Ям Ярославской области. К тому же он очень ярко показывает жизнь советской провинции в миниатюре. Хотя пропаганда убеждала, что «последний советский гражданин головой выше любого капиталистического чинуши», а в стране царит социальная справедливость, реальность явно расходилась с официальными декларациями [6, с. 219]. Документы ярославских чекистов свидетельствуют, что 24 августа на льнокомбинате «Заря социализма» произошло массовое отравление рабочих от употребления недоброкачественной колбасы. Начальник Гаврилов-Ямского районного отделения (РО) МВД майор Белов сообщал начальнику Управления МВД (УМВД) по Яро-

славской области генерал-майору В.В. Губину, что в общей сложности проблемы со здоровьем испытывали 117 человек, в том числе 76 получили бюллетени с освобождением от работы, 16 были госпитализированы в местную поликлинику в тяжелом состоянии. При этом 26 августа от отравления скончалась 55-летняя работница фабрики Ковалева. Районная прокуратура начала следствие, для чего из Ярославля были вызваны соответствующие специалисты [1, л. 9–10].

Чуть позднее уже сам Губин в докладной записке на имя секретаря ярославского обкома ВКП (б) И.М. Турко признавал версию о недоброкачественной колбасе как первопричине массового отравления рабочих льнокомбината. При этом начальник УМВД подробно описал неблагоприятную с точки зрения санитарно-гигиенических норм ситуацию, сложившуюся на предприятии. Колбасу Отдел рабочего снабжения (ОРС) льнокомбината «Заря социализма» получил с Ростовского мясокомбината, однако рабочим ее подали в сыром виде, без термической обработки. Причину Губин видел в том, что фабрика-кухня льнокомбината в летнее время года не располагала холодильником, поэтому колбасу просто сдали на общий склад общественного питания, находившийся в антисанитарном состоянии. В силу этого, а также аналогичного положения кухни, как заключал начальник УМВД, колбаса «получила... бактериологическое обсеменение» [1, л. 23]. Но медсестра Писарева санкционировала ее употребление, и она была полностью израсходована [1, л. 30]. Следствием этого и стало массовое заболевание работников предприятия гастроэнтеритом. По фактам грубых нарушений элементарных санитарных правил при хранении продуктов питания на складе и в цеховых столовых, а также при их приготовлении для рабочих прокуратура Ярославской области начала следствие [1, л. 24].

Тем не менее с 11 по 20 сентября среди горожан и рабочих льнокомбината было зафиксировано резкое повышение желудочно-кишечных заболеваний: в городскую поликлинику и здравпункт предприятия обратились соответственно 585 и 243 человека. В результате 8 человек были госпитализированы в тяжелом состоянии, а еще 45 получили освобождение от работы. Была зафиксирована смерть 67-летней работницы льнокомбината «Заря социализма» Червяковой [1, л. 24]. Повторный факт массового заболевания в райцентре вкупе с новым летальным исходом вынудил областные власти действовать. В Гаврилов-Ям для проверки срочно выехали врач УМВД майор медицинской службы Головушкин и государственный санитарный инспектор Ярославской области Федорова. Вскрылась истинная картина жизни советской периферии.

Произведенная ими проверка показала крайне неблагоприятное с санитарно-гигиенической точки зрения положение не только на означен-

ном предприятии, но и в городе в целом. Выяснилось, что гаврилов-ямцы брали воду из водопровода льнокомбината, а туда она поступала из реки Которосль. Причину отравления проверяющие нашли в отсутствии хлорирования воды в выходные дни и его недостаточности в будни. Хотя водопровод считался охранной зоной строгого режима, эта территория не охранялась и даже не была огорожена. В нарушение постановления СНК СССР от 17 мая 1937 г. там располагались индивидуальные огороды горожан, при помощи которых те смогли пережить голодные военные годы. Дирекция предприятия не обратила внимания и на факт загрязненности водозаборного колодца фекальными массами и сточными водами [1, л. 25–26].

Грязь царила и в самом городе, где отсутствовала систематическая уборка помойных ям и уборных. В результате, как сообщают рассекреченные документы ярославских чекистов, ямы и уборные буквально были «переполнены нечистотами», которые «разливаются и разбросаны вокруг жилых домов» [1, л. 29]. В докладной записке генерал-майора В.В. Губина в обком также признавался факт отсутствия в райцентре мыла в течение «последних месяцев». Проверка показала и в целом неблагоприятную ситуацию в столовой и на фабрике-кухне льнокомбината: отсутствовали ледник и кладовая для хранения скоропортящихся продуктов, с кухни ее несли деревянных кадках без крышек, в столовых не было термосов и другого подогрева пищи, посуда в основном была «глиняная полуразбитая». У проверяющих, а вслед за ним у руководства УМВД возникли вопросы и к качеству питания рабочих льнокомбината: в пище почти отсутствовали белки и жиры, поэтому питались они почти исключительно растительными продуктами. Следствием этого были многочисленные желудочно-кишечные заболевания и общая слабость у рабочих, особенно пожилого возраста. Лишь за июль-сентябрь 1946 г., по неполным данным регистратуры местной поликлиники, было зафиксировано 1809 случаев не инфекционных заболеваний желудочно-кишечного тракта [1, л. 29]. При этом бо́льшая часть рабочих в 1945–1946 гг. не пользовались очередными отпусками. Ситуацию усугубляло отсутствие на крупном промышленном предприятии с 5 тысячами работников врача. Здравпунктом «Зари социализма» ведал обычный фельдшер [1, л. 26]. Не менее тяжелая обстановка складывалась и в районной поликлинике, где больных также принимали фельдшеры. Из 26 штатных должностей в ней оказались заняты 12, однако в реальности работать могли только 9, остальные были больны. На весь райцентр Гаврилов-Ям с населением 20 тысяч жителей приходилось лишь 9 врачей, причем 3 из них не имели квартир. В силу вышесказанного непростыми были бытовые условия и у остальных [1, л. 27].

Между тем вплоть до массовых обращений заболевших работников в поликлинику и летальных исходов администрация льнокомбината не проявляла интереса к данным фактам. После первого случая массового отравления были подняты архивные материалы РО МВД и МГБ, свидетельствовавшие о частых и безнаказанных растратах и хищениях в ОРСе предприятия, поскольку агентурная работа на предприятии оказалась слабой. Немногочисленная агентурно-осведомительная сеть не имела никаких разработок и даже задачи вскрывать неблагополучные явления на пищеблоке [1, л. 30-об.]. Проверки в июле и сентябре 1944 г. показали царившую на льнокомбинате «Заря социализма» грязь, антисанитарию, многочисленные хищения и регулярные обвешивания работников в столовых и буфетах ОРСа [5, ф. 272, оп. 224, д. 1402, л. 58–67, 68–71]. К тому же 27 августа 1946 г. 12 работников Примковского торфопредприятия не смогли выйти на работу из-за отравления всё той же недоброкачественной колбасой. Ситуацию усугубляли «нездоровые настроения» среди рабочих льнокомбината, к которым чекисты относили фразы типа «И раньше старый хозяин кормил нас гнильем, так и сейчас стали нас кормить, начальство сами обжираются, а нам ничего не дают. Районные руководители никаких к ним мер не принимают» [1, л. 30-об.]. Такого рода высказывания опровергали официальные декларации об СССР как «стране победившего социализма» или «государстве рабочих и крестьян», подчеркивали народное недовольство отсутствием подлинной социальной справедливости в стране. Поэтому начальник УМВД В.В. Губин просил И.М. Турко поставить вопрос о положении в Гаврилов-Яме на обсуждение бюро обкома ВКП (б) с вызовом на него местного руководства, а также директора предприятия и секретаря партийного комитета.

Нам неизвестно, поднимался ли упомянутый вопрос в ярославском обкоме ВКП (б), однако на районном уровне обсуждение было активным. 29 августа на совещании под председательством секретаря райкома М. Игнатова были приняты решения о проверке жилищных условий рабочих, выделении заболевшим дополнительного питания и молока и выдаче им заработной платы [1, л. 30-об.]. Нужная медицинская помощь в инфекционном отделении поликлиники привела к относительно быстрому выздоровлению больных рабочих. Райком ВКП (б) обязал также оказать РО МВД и МГБ помощь следствию, а партком льнокомбината должен был провести среди рабочих предприятия разъяснительную работу [1, л. 32].

Вопрос о массовых отравлениях на льнокомбинате «Заря социализма» также неоднократно рассматривался на заседаниях бюро Гаврилов-Ямского райкома ВКП (б) от 26 и 30 августа, 2–4 сентября, 12, 17 и

30 декабря 1946 г. Местные партийцы заслушали выступления заместителя директора по быту Юлина, заведующего торговым отделом ОРСа Шабурова, директора ОРСа Омячкина, заведующего райторготделом Шалимова, заведующего городской бани Сальникова и заведующего жилищно-коммунальным отделом предприятия Черкашина. Выяснилось, что дирекция комбината на самом деле «бездушно» отнеслась к семьям пострадавших рабочих: никто не посещал их и не оказывал им поддержки. К тому же руководство «Зари социализма» пыталось скрыть факт отравления от партийных и советских властей района и следствия, которые узнали обо всем от самих рабочих. Масштабы растрат и хищений в ОРСе со стороны заведующих магазинами и буфетами, а также простых продавцов в 1945 г. и первом полугодии 1946 г. достигали 30 тысяч рублей. На заседаниях признавались нередкие факты пьянства, низкой трудовой дисциплины (опоздания, прогулы и т.д.), «нечистоплотности в быту» (супружеских измен на языке сталинской бюрократии), наличия среди трудового коллектива ранее судимых и просто «не проверенных» людей. В единственной городской бане отсутствовал санитарный контроль, не хватало даже тазов для мытья [5, ф. 242, оп.1, д. 935, л. 66–67, 79, 88–89, 186]. Идентичным было положение в других точках общепита в Гаврилов-Яме. Райком партии постановил устранить все указанные недостатки в кратчайшие сроки, объявил строгий выговор с предупреждением и занесением в личную карточку Омячкину, строгий выговор Шабурову, выговор Юлину и Шалимову, указал секретарю парткома комбината Комарову на «приниженное отношение» к факту отравления рабочих и необходимость обсудить его на ближайшем собрании. С работы были сняты управляющий торга Силкин и секретарь парторганизации торга Студентов. Однако в их случае бюро райкома ВКП (б) приняло к сведению личное заявление Силкина об осознании им собственной вины, а также не стало выносить первоначально предлагавшийся строгий выговор с предупреждением и с занесением в личную карточку Студентову. Черкашин и Сальников также были предупреждены о более суровых партийных взысканиях в случае повторения подобных фактов в дальнейшем [5, л. 67, 80, 89]. В конце 1946 г. новым директором ОРСа льнокомбината «Заря социализма» был утвержден Н.П. Снегирев, а новым управляющим торга – С.А. Куклев. Исполком райсовета заменил заведующего торговым отделом – эту должность занял К.И. Лебедев. Секретарем парторганизации общепита был утвержден Н.В. Орехов [5, л. 210, 230].

Указанный случай был типичным проявлением послевоенной советской провинциальной жизни в миниатюре. Даже в 1953 г. лишь 3 % от всей площади городского жилищного фонда были оборудованы горячей

водой, 13 % – ванными, 26 % – центральным отоплением, 41 % – системой канализации и 46 % – водопроводом [4, с. 436]. Исследования современных историков также свидетельствуют о том, что аналогичные факты регулярно происходили в ряде регионов Советского Союза. В Московской области, Свердловске, Молотове, Львове, Ростове-на-Дону в больницах и поликлиниках остро не хватало самых элементарных лекарств, шприцов и игл к ним, порой отсутствовала система канализации, сами здания обветшали [3, с. 148–156]. Наконец, нередким в ту эпоху был и фактический уход от серьезного наказания за те или иные нарушения представителей власти [6, с. 163–164], что свидетельствовало об отсутствии социальной справедливости в сталинском СССР.

Литература

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ярославской области. Ф. 1. Оп. 35. Д. 8.
2. *Сорокин А.* Послевоенные санкции против СССР: взгляд с Запада. Почему и сегодня актуальны материалы международного экономического совещания, проходившего в Москве с 3 по 12 апреля 1952 г. // *Родина.* 2015. № 8.
3. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.
4. *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.
5. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1402; Ф. 242. Оп. 1. Д. 935.
6. *Экштут С.А.* Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы. М., 2006.

В.А. Андрощук
г. Череповец

Социальная справедливость как эталон нравственности

Аннотация. Рассматривается социальная справедливость как эталон нравственности. Справедливость как равенство перед законом, как возможность принять участие в решении судеб своей страны на всех уровнях социальной организации.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, социальное государство, социальная дифференциация, правовое государство, шкала ценностей, национальное правосознание, качество жизни.

Российская Федерация – социальное государство (ст. 7 Конституции РФ 1993 г.). Его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Конституционная гарантия предоставляет человеку в случае возникновения определенных жизненных проблем (бедность, болезнь, старость и т.д.) возможность предъявить требования к государству о действенной помощи в их решении (улучшении жизненной ситуации).

Государство в свою очередь, реализуя конституционные гарантии, обязано принять соответствующую «социальную программу» и обеспечить ее надлежащее выполнение необходимыми материальными ресурсами и мерами принуждения. Основой для этого является свобода экономической деятельности, предпринимательства, различных видов творческой деятельности и т.п., развивающихся и поддерживаемых государством в современном экономически развитом демократическом обществе. Очевидно, что даже самая свободная рыночная экономика не может существовать без участия в ее развитии государства. Не случайно в ч. 1 и 2 ст. 7 Конституции РФ речь идет о политике государства, направленной на создание указанных условий.

В правовом государстве с рыночной экономикой такая политика выражается в издании соответствующих законов, обеспечивающих поддержку свободного развития рыночных отношений и создающих адекватную им налоговую систему. Социальное обеспечение представляет собой систему социально-экономических мероприятий, гарантирующих: материальное обеспечение граждан в старости, в период временной нетрудоспособности, при потере кормильца в семье; обеспечение пособиями и предоставление льгот женщинам-матерям, семьям со сравнительно низкими среднедушевыми доходами и др. Законодательством (ст. 39 Конституции РФ) предусмотрено материальное обеспечение и обслуживание граждан в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, а также семей, в которых есть дети.

Перечень социальных средств или гарантий является «открытым». Он может быть дополнен и расширен, и для этого не обязательно вносить поправки в Конституцию, о чем свидетельствует упоминание об «иных гарантиях социальной защиты» (ч. 2 ст. 7) и о гарантиях социального обеспечения «в иных случаях, установленных законом» (ст. 39). Другими словами, если какие-либо новые жизненные проблемы граждан вдруг станут «социальной проблемой», то может быть инициирован процесс создания нового вида социальных гарантий.

Социальная справедливость как эталон нравственности есть категория морально-правового и социально-политического сознания. Это по-

нятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. В данном значении она выражается в соотношениях прав и обязанностей, деяния и воздаяния, труда и вознаграждения (по заслугам и общественному признанию), преступления и наказания [1].

Социальное государство берет на себя обязательство неукоснительно соблюдать социальную справедливость, быть противником неравноправия и привилегий, ее нарушающих. После развала СССР его фундаментальные ценности и основы социальной справедливости были отброшены вопреки объективности и обоснованности. Их антисоциалистическая критика была доведена до уровня истерии.

Переход к капитализму провозглашался как путь к демократическому, рыночному, правовому обществу, основанному на таких социальных факторах, как частная собственность, рынок, корпоративная (клановая) мораль, автономная личность, свободная от идеологии. В таком обществе якобы «высвобождается» созидательная энергия и сила духа, интеллектуальный потенциал россиян. Однако выход в 1991 г. народа «на свободу» не добавил ему благополучия. Безраздельный перевод всего и вся на принципы рынка – от экономики до образования и медицины, разграбление кучкой нуворишей общенародной собственности, наращивание ими «неправедного» богатства привели Россию к чудовищно несправедливой социальной дифференциации, к обнищанию основной массы населения [2].

Взятый за образец правильного жизнеустройства западный образ жизни, под лозунгом отрицания «уравниловки», оправдывает бедность, придает ей законный характер. Понимание бедности как зла, как несправедливости можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни. Признать нищету ближних как норму жизни – значит отвергнуть русскую культуру, традиции, менталитет [4]. Наверное, это и побудило Всемирный русский народный Собор обратиться к насущным и чрезвычайно злободневным вопросам: «Богатство и бедность: исторические вызовы России». В пастырском слове Святейший Патриарх посетовал, что «культ обогащения как главная цель жизни человека прививается сегодня с академических кафедр, телеэкранов, газетных страниц». На Соборе было сказано, что «Россия вышла из системы справедливого общества».

Может ли быть справедливым общество, если разрыв между богатыми и бедными постоянно растет? Децильный коэффициент (разница между 10 % наиболее богатых и 10 % самых бедных) накануне Собора равнялся 15, а чуть позже Счетная палата назвала в целом по России цифру 30, а по Москве – 41 (ни для кого не секрет, что истинные объе-

мы доходов скрываются, поэтому есть предположение, что этот разрыв гораздо больший). В то же время в благополучной Швеции разрыв между бедными и богатыми – 4 раза, в странах ЕС – 6–7 раз, причем в Европе семикратный разрыв считается критическим.

Весьма плодотворной для развития современной теории взаимодействия социальной справедливости и права представляется так называемая «концепция будущего» академика Д.С. Львова. Она включает в себе два основных тезиса: по *первому* истоки социальной справедливости коренятся в правовом обеспечении собственности на природные ресурсы в качестве общественного достояния; по *второму* – достижение достаточно высокого уровня социальной справедливости невозможно без смены основной парадигмы, определяющей благосостояние общества: «Вместо стремления к богатству и его символическим выражением (расточительному и престижному потреблению) должно быть стремление к высокому качеству жизни. А этого качества невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качества жизни окружающих» [3].

Сейчас общество живет в условиях, когда доминируют накопление богатства и потребление (расточительное), жертвой которых становятся малообеспеченные слои населения. Чем более обостряются эти проблемы, тем более актуальной становится проблема выбора модуса «иметь» или «быть». Качество жизни – это характеристика модуса «быть», а накопительство и расточительное потребление – «иметь». Несомненно, что модус «быть» – будущее человечества, альтернатива которому – гибель. Но очевидно и то, что модус «быть» не может быть достигнут на пути индивидуального обогащения. Принципы социальной справедливости определяют границы, в которых допустимо удовлетворение потребностей людей.

Невозможно говорить о социальной справедливости и без осознания нравственных основ национального правосознания. Каждая этническая общность обладает своим неповторимым взглядом на мир и создает определенную шкалу ценностей, на которой основаны действующее право, практика его реализации в обществе, а также индивидуальные воззрения, убеждения и чувства, заставляющие людей следовать правовым предписаниям либо пренебрегать ими.

Социальная справедливость по своему содержанию многогранна. Это справедливость как равенство перед законом; справедливость как возможность принять участие в решении судеб своей страны на всех уровнях социальной организации; интергенерационная справедливость, предполагающая ответ на вопрос «что мы оставим будущим поколениям?»; справедливость возможностей; справедливость по отношению к

предкам; справедливость по отношению к природе и др. Но все аспекты справедливости связаны с уравниванием прав обязанностями, их «распределение» является важной характеристикой в концепции социальной справедливости.

Таким образом, социальную справедливость в правовом пространстве можно представить как: 1) *справедливость* на глобальном и на национальном уровне, касающуюся расовой и национальной нетерпимости; антропогенного воздействия на окружающую среду; голода, бедности, безработицы, вынужденной миграции; прав и свобод человека и многих других проблем; 2) *справедливость частного случая*. И в первом, и во втором вариантах можно выделить социальную справедливость, связанную с правами собственности, морально-нравственными и духовными устоями, религиозными постулатами, соблюдением национальных обычаев и обрядов и т.д.

Литература

1. Бишток Ф.К., Ермакова А.К., Наумова Н.Ф. и др. Проблема социальной справедливости в зеркале современной теории. М., 2002.
2. Зеркалов Д.В. Социальная безопасность: Монография. Киев, 2012.
3. Львов Д.С. Справедливость и духовный мир человека // Политический журнал. 2007. № 7.
4. Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005.

Н.В. Алексеева
г. Череповец

Социальная справедливость с точки зрения традиции крестьянской благотворительности (Европейский Север в XIX веке)

Аннотация. Воспроизводится русская народная практика, выработавшая целую систему вспомоществования упавшим крестьянским хозяйствам. Христианская традиция подаяния и благотворительности рассматривается как одна из составных ее частей.

Ключевые слова: благотворительность, милостыня, подаяние, верующие, благочестие.

Имея в своей основе богатую историю выживания в холодных климатических условиях, русские легко восприняли православную тради-

цию доброжелательного отношения к материально несостоятельным соплеменникам. За сотни лет бытования православия на русской почве традиции благотворительности и подаяния были выработаны русским народом в стройную систему.

Милостыня и благотворительность носили двойкий характер: с одной стороны, это была конкретная материальная помощь нуждающимся, с другой – возможность «духовно потрудиться», например, искупить неблаговидный поступок, покаяться, «подать на помин души» и т.д. Объектом подобного действия могли быть и люди, и непосредственно приходской храм или близлежащий монастырь. Милостыня на Руси считалась «царицей добродетелей». Такое отношение к милостыне было сформировано еще в Неразделенной Церкви. В древности не существовало взгляда на исповедь как на единое, исключительное и неизбежное средство для прощения грехов. Иоанн Златоуст, например, указывает пять таких способов: 1) публичная исповедь; 2) плач о грехах; 3) смирение; 4) милостыня, царица добродетелей; 5) молитва [7, с. 314]. Этим положением определялось отношение крестьян к нищенству.

В народе нищих называли: Христова братия или богомольцы за мир. Религиозная мораль призывала к любви и милосердию, добродетельной жизни для спасения души в жизни вечной. Считалось, что именно через сострадание, добро, отзывчивость может отобразиться в человеке Христос (Гал. 4:19). Черствость же, напротив, порождает греховное себялюбие, удаляющее верующего от Бога. В представлении мирян ближе всего к Христу стояли нищие, словно повторяя его поведение.

Соприкоснуться с этим своеобразным образцом христианской жизни мог любой человек через подаяние. Являясь наряду с молитвой и постом составной частью покаяния, милостыня стала средством «...получать некоторое облегчение в своих грехах, снискать милости Божьей и войти в Царство Небесное» [7, с. 38]. По словам И.Г. Прыжова, «на свете постоянно жило много таких благочестивых, которые для спасения своего чувствовали нужду в нищих, и вот вследствие этого запроса на нищих явилось и производство на них» [9, с. 284]. Подать нищему значило проложить себе путь к прощению от Бога. Отсюда пошли поговорки, что «в рай входят святой милостыней» и «нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». «Домострой» наставлял: «И нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед Богом за наши грехи» [4, с. 264]. В деревнях к нищим повсеместно относились доброжелательно [8, с. 266–267]. Подавали старую, но целую одежду,

обувь, несли хлеб. В некоторых домах специально для нищих и странников отводили помещение, где они могли поесть и переночевать. В семьях побогаче и кормили за свой счет [10. Д. 154. Л. 45, 46; Д. 151. Л. 19]. Просили помолиться о выздоровлении ребенка, о возвращении мужа или сына с войны, о даровании потомства или о благоприятном разрешении от родов. В особых случаях подавали тайную милостыню, которая считалась более угодной Богу – тайком клали хлеб, блины, яйца, отрезки материи на подоконники домов, где находились нищие. Считалось, что такая милостыня быстрее будет замечена Богом [12, с. 134].

Повсеместно был распространен обычай раздавать милостыню, посылать подарки в богадельни и приношения в тюрьмы в сочельник перед Рождеством, Крещением и от Пасхи до Вознесения [1, с. 62]. По народным поверьям, по земле в это время странствуют Христос и апостолы в нищенском одеянии. Они испытывают людское милосердие, награждают добрых людей и карают жадных и злых. Странников и нищих кормили отдельные хозяева или всем миром каждый раз при начале или после окончания земледельческих работ. В этих случаях считалось, что от количества и бескорыстия подаяния зависело богатство будущего урожая.

Мелкие пожертвования в пользу приходского храма, на содержание церковного причта сопровождали повседневную жизнь прихожанина постоянно. Например, в Кадниковском уезде крестьяне ежегодно помогали на сенокосе Глушицкому монастырю, принимали монастырских служек, считая, что в их лице помогают самим угодникам Дионисию и Амфилохию [10. Д. 247. Л. 23]. В подавляющем большинстве приходов Вологодской и Архангельской губерний все работы по ремонту или строительству церковей прихожане выполняли за свой счет, считая, что замаливают этим свои грехи. Каждый домохозяин считал своим долгом ежегодно что-нибудь пожертвовать храму. Мужчины давали деньги, женщины жертвовали полотенца, полотна, овечью шерсть, «куклы» – кучки льна [10. Д. 699. Л. 24]. К наиболее чтимым иконам подвешивали медные, серебряные, золотые деньги, бусы, украшения, дарили воск [5, с. 35]. Обязательно делалась жертва перед смертью – «на помин души». Одинокие люди завещали все свое добро и сбережения в пользу местного храма [2. Д. 494. Л. 5–5об.]. Крупные пожертвования в виде нового облачения священнику [3. Д. 74. Л. 23], расходов по отделке иконостаса [3. Л. 25], общей отделки внутреннего убранства храма, богато отделанного Св. Писания поступали в особых случаях: либо в благодарность за избавление от несчастья (обетные пожертвования), либо за помин души умерших родственников. Архивные фонды консисторий содержат большое количество дел, сообщающих о крупных пожертвованиях на

тот или иной храм, постройку новой больницы, ремонт приходского училища или семинарии и т.д. [2. Д. 368, 391, 503]. Часто жертвователи предпочитали оставаться неизвестными, опасаясь мирской славы [6, с. 58, 66].

Таким образом, практика подаяния и благотворительности в северо-русской деревне была выработана в систему действий, которые должны были, по народному представлению, духовно защитить от гордыни, безразличия к чужому горю и от возможного разорения. Можно сказать, что, участвуя в подаянии, поддерживая соплеменников в трудные времена или в дни церковных праздников, а также помогая своим храмам и монастырям, православное население преследовало социальные цели. Однако на первый план всегда выходила забота о своей душе, о том, с каким «багажом» она предстанет перед Всевышним в случае внезапной смерти. Поэтому раздача милостыни шла без разбора, нуждался в ней просящий или нет – ведь он просил во имя Христова [11, с. 77–78].

Источники и литература

1. В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды. М., 1993.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 31. Оп. 1.
3. ГААО. Ф. 104. Оп. 2.
4. Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Сер. XVI в. М., 1985.
5. Камкин А.В. Православная Церковь на Севере России. Вологда, 1993.
6. Никон епископ Вологодский и Тотемский. Чем жива наша русская православная душа. СПб., 1995.
7. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1.
8. Попов Г. Русская народная бытовая медицина. СПб., 1903.
9. Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992.
10. Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1.
11. Ульянова Г. Просящие христовым именем // Родина. 1993. № 5–6.
12. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть // Русский Север. СПб., 1995.



Теоретические аспекты исследования проблемы социальной справедливости

П.Ф. Дик
г. Костанай

Осмысление справедливости в христианском богословии

Аннотация. Представлено осмысление социальной справедливости на примере христианской теологии в контексте авторской концепции «терапевология».

Ключевые слова: культура, религия, равенство, справедливость, терапевология.

Проблеме сущности, духовной основы справедливости, социального равенства и неравенства, а также их толкованию в христианском богословии уделяется пристальное внимание. Знаменитые отечественные мыслители, утверждая приоритет православия в духовности, отмечают основательность западной теологии/философии в детальной разработке социальных проблем и творчески используют общехристианское богословское достояние в своих, зачастую оригинальных построениях.

С.Н. Булгаков полагает, что реальная секуляризация общественности исторически впервые сформировала потребность в постижении социального бытия и созидании религиозной общественности посредством преобразования могучей социальной стихии. «Не о духе только, но и о плоти, и притом о социальной, точнее, всечеловеческой плоти идет здесь речь, об ее спасении и просветлении, а далее и об узрении человечества как того живого существа, Адама Кадмона, Grand Etre, о котором

в единомысленном прозорливстве говорят еврейские каббалисты, О. Конт, В. Соловьев» [1, с. 348]. Вопрос религиозной природы общественности не разрешить в границах социологии и этики. Эту задачу предстоит решать христианам; она превышает наличные силы современного человека и потому остро необходимы новое религиозное событие, опыт и слово, как полагает мыслитель.

Критикуя прогресс за веру в разрешимость трагедии человеческого бытия силами только человека, С.Н. Булгаков напоминает: для христианства положительным мотивом общественности является благотворительность, для христианской политики – лишь организованная благотворительность. Силу исторического христианства мыслитель видит в делах милосердия.

По Булгакову, общественный идеал, понимаемый им как общественная сплоченность, вместе со стремлением людей к всеобщей свободе и равенству предполагает осуществление истинного иерархизма. В социологическом порядке иерархизм имеет лишь внешний характер, принудительный для человека. Здесь вершина – коллектив, а идеал – солидарность. Равенство человеческих личностей есть абсолютный центр личности как духовного существа по образу Божию; в духе все равны. Но каждая личность находит свой центр вне себя, в целом, в органичной человеку мистической иерархии. Иерархия как мистическая органичность человека предполагает различие. Принадлежность к мистической иерархии, соборности, в которой высший идеал – бытие личностей в любви, ощущается личностью в переживании таинств церковных. Единство равенства по духу и неравенства в мистической иерархии есть основа познания себя как иного. Поэтому относительность социального неравенства перед фактом равенства по духу ясна христианину.

Мыслители сомневаются в эффективности форм просвещения, включая «хождение в народ» как средство возвышения духовности и культурного подъема. Независимо от мотивов просветителя, «хождение» ведет, скорее, к культурному равнодушию, чем развитию людей, как полагает православный богослов Г.В. Флоровский. «И замысел социальной справедливости легко может выродиться в идеал равновесия и уравнивания, против которого творческий пафос вообще покажется опасным беспокойством» [6, с. 35].

Протестантский теолог П. Тиллих полагает справедливость благом общественным, взаимосвязанным с благом личностным. Мыслитель дает определение. «Справедливость – это цель всех тех культурных действий, которые направлены на преобразование общества» [5, с. 65]. Применительно к индивиду, стремящемуся поступать по справедливости, чаще используется термин «праведный»: кто праведен, тот и поступает

по справедливости. Возможны иные термины обозначения личностного блага, как считает теолог.

Отвечая на вопрос об аспекте включения равенства в справедливость, П. Тиллих предлагает единственно возможный ответ: личности равны в той мере, в какой они личности. «Равенство же требует по справедливости отвечать за исполнение закона или за неповиновение ему, за заслуги и за проступки, за компетентность и за некомпетентность» [5, с. 77].

По Тиллиху, сплоченность любой группы предполагает противоречия актуализации справедливости: включенность и исключенное; соревнование и равенство; лидерство; правовая форма. Нравственный и государственный законы не способны реализовать свое призвание – воссоединить сущность и существование в бытии человека. Поясняет: законы призваны устанавливать справедливость, но порождают как справедливость, так и несправедливость.

Претензия церкви на сообщество любви требует от нее критики форм неравенства, препятствующих возможности сообщества любви и веры. Это относится к неравенству в сферах социума, а также к формам подавления, разрушающим возможность справедливости и человечности.

Сообщество должно услышать слово церкви против бесчеловечности и несправедливости. Право на мужественное слово для сообщества будет у церкви после преобразования этой структуры в себе самой с параллельной благотворительностью для жертв социальных и природных катаклизмов.

Как сообщество любви, церковь постоянно фактом существования осуждает отрицание любви как внутри, так и вне церкви. Критика общества церковью исторически оправдана. Для исключения таящейся в специфике религии опасности стать радикальным, фанатическим судилищем в церкви должна быть реальная возможность осуществления суда над ее судом.

Тиллих признает историческое значение справедливой части критики церковью со стороны групп общества за факты ее «святой бесчеловечности». Критика, с одной стороны, стала условием разобщения церковью с большими группами, в том числе рабочими, а с другой – подтолкнула христианские церкви, многие вероисповедания пересмотреть понимание справедливости и человечности, а также изменить свое отношение к культуре.

Рассматривая системы справедливости, Тиллих поддерживает идею о ценности каждой и стадиях становления любой системы, включающих прогресс и регресс. Справедливость становится несправедливостью из-за отсутствия корректировок системы для приведения ее в соответствие

с изменившимися условиями бытия. Религия, понимаемая им как предельная забота, исключает прогресс или регресс в себе. Другое дело, опыт откровения в исторических религиях. П. Тиллих не приемлет эволюционную схему для обоснования «абсолютности» той или иной религии, полагая ее прикрытием безосновательной претензии на исключительность и/или обоснованием права на господство. «Аналогично тому, как это имело место выше, мы прежде всего должны подчеркнуть различие между сущностно религиозными и культурными элементами в исторических религиях» [5, с. 298]. Возможна ли прогрессивная история основания религии – откровения или спасения? По мнению Тиллиха, следует различать неизменность содержания, даваемого в откровении, и способность группы воспринимать его. Второе есть элемент культуры и потому прогресс способностей восприятия священного может быть и действительно есть. «Абсолютно не христианство как религия, но то событие, которым христианство создается и судится в той же степени, как и любая другая религия – как утвердительно, так и отрицательно» [5, с. 299].

Католическое видение социальной справедливости, представленное в итоговых документах II Ватиканского собора, включает как творческое осмысление проблемы, так и рекомендации по реализации справедливости.

Задача объединения мира для построения лучшего мира в истине и справедливости есть свидетельство духовной и нравственной зрелости человечества, как полагают теологи. Собор свидетельствует о рождении нового гуманизма, в котором критерий человечности – своя ответственность перед людьми и историей. Церковь заявляет о верности конструктивному общению людей: верующие и неверующие должны искренне стремиться к мудрому диалогу, чтобы совместно и умело созидать общий мир. Поэтому социальный порядок должен строиться во благо личности, а не для объективных условий вопреки уровню личности. «Но, чтобы достичь этого, нужно осуществить обновление мышления и провести масштабные изменения в обществе» [4, с. 472]. Отечественный опыт подсказывает: обновление мышления и изменения в обществе должны осуществляться компетентными группами.

Мир, определяемый Собором, есть дело совершенной правды. Мировой порядок постоянно изменяется и потому его нельзя обрести раз и навсегда. Мир нужно созидать. Для созидания мира необходимы: воля, бдительность, доверие, добровольный обмен духовными богатствами и любовь во благо человеческих личностей, превосходящая плоды справедливости.

Собор видит католиков-мирян свободными служителями христианской мудрости во благо человечества. «Пусть католики стремятся со-

трудничать со всеми людьми доброй воли, чтобы способствовать всему тому, что истинно, что справедливо, что свято, что любезно» [4, с. 318].

Исторический опыт благотворительности помогает церкви понимать искусство оказания помощи тем, кто нуждается в ней. Прежде всего, высшая человечность в уважении свободы и достоинства личностей. Помощь должна быть чистой, без корысти или стремления к господству. Помогать, устраняя причины зла и содействуя развитию умения обходиться своими силами.

Собор признает вклад не католических вероисповеданий христианства в общее дело созидания более справедливого мира, считает необходимостью сотрудничество с иными религиями во благо человечества. Призывает забыть вековую вражду между христианами и мусульманами и искренне стремиться к взаимопониманию, посильно поддерживать «ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу» [4, с. 279].

Из-за греховности людей опасность войны не может быть преодолена усилиями только человека. Но единое человечество может многое делать для предотвращения войн. Важнейшим условием преодоления международной напряженности называется следование естественному праву народов. Пока в мире без международной власти существует опасность войны, остается право стран и правительств на законную оборону, если возможности переговоров исчерпаны. «Но одно дело – вести военные действия, чтобы справедливо защищать народ, а другое – желать порабощения других народов» [4, с. 540]. Собор присоединился к осуждению тотальной войны и осудил идею гонки вооружений как средства обеспечения стабильного мира. Гонка вооружений есть тягчайшая болезнь человечества, смертельная для бедных стран.

Ведущая причина войн – несправедливость. Поэтому главная задача международного сообщества состоит в устройении и поощрении способов и форм справедливого развития народов. В целях поощрения справедливости Собор решил создать полномочный орган для организации католиков в деле поддержания социальной справедливости в мире. В 1967 г. начала работу Комиссия по справедливости и миру в составе католической церкви.

Проблема принуждения силой в истории, в т.ч. война и революция, у П. Тиллиха рассматривается в границах бытия групп. Задача христианских церквей – поиск разумной середины между крайностями пацифизма и милитаризма. Создание политических империй сопровождается войнами как элементом принуждения. Термин «справедливая» применительно к войне считает условным и связывает его с войнами в связи с объединением более высокого порядка: либо с преодолением сопротивления его созданию, либо с протестом против подавления во имя созда-

ния или сохранения объединения. Церкви как представители Царства Божия могут и должны осуждать войну-самоубийство социума, например, с использованием атомного оружия.

Церковь, прибегающая к использованию военного или экономического оружия, к примеру, для распространения христианства в мире, теряет право быть церковью. Выступая против политического пацифизма как социальной утопии, церкви, как считает теолог, выбирают пацифизм в качестве единственно возможного пути для представителей Духовного Сообщества.

Конфликты между революцией и традицией Тиллих рассматривает в русле отношения нового к старому в истории. Мыслитель не разделяет точку зрения христианских групп, однозначно отрицающую революцию. Он видит ритм революции и традиции в историческом процессе воплощением способа действия Царства Божия в исторической динамике. Специфика религиозной традиции и революции – в сравнительной длительности накопления традиции. «Но везде, где духовная сила порождает духовную революцию, одна стадия христианства (и религии вообще) преобразуется в другую» [5, с. 344].

С.Н. Булгаков рассматривает войну как ужас жизни в контексте вечного вопроса теодицеи: «Почему Он терпит войну, ее не упраздняя велением Своего всемогущества?» [2, с. 349]. В духовной борьбе возникают и войны – не единственный, возможно, не худший вид зла для борьбы со злом. Война есть мировой пожар и в этом смысле она начало жизни посредством смерти. В субъективной стороне войны есть трагическое напряжение человеческих сил с конкретными историческими результатами. В объективной стороне брани преследуются объективные цели, «по отношению к которым она является служением» [2, с. 370]. Такой представляется С.Н. Булгакову диалектика духа справедливости и несправедливости в войне как способе жизни исторического человека.

Итак, осмысление социальной справедливости в теологии христианства являет богатую традицию развития общественности. Полагаем полезными для светской теории и практики современности различения в теологии форм и уровней религии, а также культа и культуры в бытии личности и группы.

Достижения христианства в интерпретации проблемы, формировании рекомендаций и примере позитивных действий достойны признания на деле, в диалоге культур, мировоззрений и убеждений, в том числе в теории и практике терапеологии, понимаемой как свободное служение личности [3].

Литература

1. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. Первообраз и образ // Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб.; М., 1999.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. Икона и иконопочитание. Первообраз и образ // Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.; М., 1999.
3. Дик П.Ф. Терапеология как трансдисциплинарное знание // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: Материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 15–16 ноября 2012 г. Минск, 2013.
4. Документы II Ватиканского собора. 3-е изд., нов. форм. М., 2004.
5. Тиллих П. Систематическая теология. Т. 3. М.; СПб., 2000.
6. Фроловский Г.В. Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. М., 2009.

Л.Е. Лойко
г. Минск

**Философия социальной справедливости
в современном марксизме**

Аннотация. В статье рассмотрены интерпретации социальной справедливости, осуществленные представителями неомарксизма.

Ключевые слова: социальная справедливость, интерпретация, неомарксизм.

Неомарксизм возник в двадцатых годах XX столетия. Его представляют Д. Лукач, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, К. Корш, Л. Альтюссер, Э. Балибар, М. Хоркхаймер, К. Эдер, Э. Фромм, А. Шмит. Неомарксистская традиция реализовалась в таких формах, как франкфуртская школа, феноменологический марксизм, фрейдомарксизм, будапештская школа, экзистенциальный марксизм, югославская группа «Праксис». Представители философии неомарксизма акцентировали следующие проблемные поля исследований:

- анализ мировоззренческих и методологических оснований социальной теории, в том числе ее категориально-понятийных структур: «общественное бытие», «производительные силы», «техника»;
- включение в сферу социально-философского анализа общих проблем культуры, духовной жизни;
- социологическая реконструкция сущности тоталитаризма, авторитаризма, технократизма;

- выявление механизмов стабилизации гражданского общества, коммуникации, социальной диалектики, жизненного мира;
- психоаналитическая трактовка человека в аспекте проблемы свободы;
- анализ факторов, объясняющих стремление человека избежать свободы;
- соотношение бытия и свободы, свободы и ответственности;
- различные аспекты отчуждения человека в условиях техногенного развития общества и индивидуального переживания бытия.

Задачу освобождения марксизма от крайнего радикализма в политике и придания ему вида классической философии сформулировал Д. Лукач. В XX в. не только противники, но и сторонники марксизма признавали, что многие теоретические положения марксистской социологии оказались либо непроверяемыми, либо неоднозначными с точки зрения логической строгости.

Д. Лукач показал необходимость реконструкции философской онтологии К. Маркса по трем направлениям. Во-первых, в коррекции нуждались представления об особенностях общественного бытия в современном мире. Наиболее яркой социальной тенденцией, по мнению Д. Лукача, является усиление процессов отчуждения. Во-вторых, цельная картина общественного бытия у К. Маркса не имела оформленного, систематического изложения, особенно в ее понятийной части. Многие категории и концептуальные схемы в силу нечеткости определения потеряли эвристику и не могли быть продуктивно использованы. В-третьих, реконструкцию социальной онтологии он тесно связал с развитием гносеологии и методологии, однако уже в самой методологии акцентировал именно онтологический аспект, поскольку считал традиционную теорию познания препятствием к онтологическому пониманию сущности и взаимоотношений разных видов бытия [1, с. 54].

Рациональное постижение общественного бытия требует учета взаимосвязи его с бытием неорганической и органической природы, то есть динамики «трех великих родов бытия» [1, с. 36]. В этом единстве, специфичном для каждого момента истории, следует искать сущностные характеристики человеческого бытия в целом. Оно составляет основу любой человеческой практики и служит исходным пунктом человеческого мышления, поэтому рассмотрение общественного бытия предполагает изучение как отдельных элементарных фактов повседневной жизни, так и средств мысленного постижения законов бытия. Любое преувеличение одного из этих компонентов будет тормозить возможности научного познания. Например, идеологическая парадигма, удовлетворяющая актуальные социальные потребности, может привести

к созданию теоретико-познавательных конструкций, не соответствующих самому бытию. Вспомогательным средством, по мнению Д. Лукача, может служить ценностный подход, который призван избавить от ненужных деталей в построении схем сущностного характера, задать целостно-конкретное видение определенных способов бытия в ту или иную эпоху.

Особое место в динамике неомарксизма занимает теория социальной эволюции Ю. Хабермаса. В ней выделяется несколько типов социальных явлений, которые не может объяснить классическая марксистская теория:

– во-первых, разрыв между государством и обществом, типичный для ранних стадий капитализма, преодолен в его современной фазе; товарное обращение и общественный труд нуждаются в централизации управления, поэтому отношения базиса и надстройки изжили себя;

– во-вторых, уровень жизни в капиталистических странах вырос настолько, что отчуждение потеряло свою экономическую форму;

– в-третьих, пролетариат исчезает в своем классическом качестве, следовательно, революционная теория лишается своего адресата;

– в-четвертых, реальный социализм не укладывается в рамки марксистской теории;

– в-пятых, значение права и морали постоянно повышается, что недооценивалось в марксизме, который делал акцент не на общении, а на роли труда и производительных сил.

Более того, Ю. Хабермас приходит к выводу, что в современной социальной философии вообще нет теорий, объясняющих или хотя бы приблизительно концептуализирующих социальную эволюцию, поэтому он предлагает свою теорию, которая должна объяснить возникновение классового общества и современные антагонизмы в мировом сообществе.

По его мнению, с одной стороны, существует историческая реальность, представленная доступными ученым массивами прошлого, а с другой – сохраняет силу научная парадигма, в которой эти объективированные массивы исследуются. Данная реальность может нести в себе заданные схемы, абстрактные основания, ложные нормативы в понимании истории. Это приводит к слишком резкому, не основанному на реальных структурах разрыву субъекта и объекта до прямой оппозиции, в результате чего теряются временные масштабы, нивелируется эпохальная структура истории, сами эпохи обесцвечиваются, а схемы и абстракции становятся более живыми репрезентантами истории, чем сама реальность. Ю. Хабермас считает, что нормативные контексты детерминируют множество всех возможных межличностных отношений,

признаваемых законными в пределах intersубъективно общего жизненного мира [3, с. 204].

Ю. Хабермас ввел понятие дискурса как особого по форме и содержанию типа речевой коммуникации. Участники дискурса, во-первых, ориентированы на глубокий и всесторонний анализ предмета обсуждения с непременным достижением консенсуса мнений, имеющих общественное звучание и значимость; во-вторых, располагают высокой собственной языковой культурой, предполагающей знание и использование основных правил построения речи, точную оценку смысла и значения слов, оперирование строго определенными понятиями; в-третьих, способны к творчеству. В обществе одновременно сосуществуют различные дискурсы – экономический, политический, этический, правовой, технократический. Их языковые схемы функционируют в социуме как онтологические данности, в которых объект не только представлен, но и интерпретирован, поэтому усвоение и использование норм этих языков предполагает знание их истории, смысловой динамики, процедур интерпретации и формализации.

Коммуникативные структуры, дискурсивные практики лежат в основе жизненного мира человека. Ю. Хабермас трактует жизненный мир как весьма динамичное понятие. В прошлом можно обнаружить целый спектр исторических жизненных миров, содержание которых составляют не только рационально-когнитивные элементы, но и моральные оценки, ожидания, переживания людей. Языковые структуры и матрицы языка, исследованные в полноценном масштабе со всеми их смыслами и значениями, помогут как изучать прошлое, так и организовывать современную социальную действительность, тем самым будет установлена «дифференцированная обратная связь современной культуры с повседневной практикой, зависящей от жизненных традиций, но оскудевшей из-за голого традиционализма» [3, с. 50].

Ю. Хабермас считает, что современный жизненный мир еще не выработал тех институтов, которые могли бы ограничить и уравновесить динамику экономики и управления. Он не располагает действенной коммуникативной этикой, предполагающей всеобщность норм и дискурсивно достигнутый консенсус относительно общественных интересов. Необходимые условия сохранения автономии и индивидуальности человека, успешного коммуникативного действия Ю. Хабермас представляет следующим образом: «Тот, кто произносит моральные суждения и совершает моральные действия, должен рассчитывать на согласие неограниченного коммуникативного сообщества; тот, кто реализует избранную с сознанием ответственности историю жизни, должен рассчитывать на признание со стороны этой идеальной аудитории» [2, с. 206].

Таким образом, в теории социальной эволюции Ю. Хабермаса ведущее место заняла сфера человеческих отношений.

В целом современный марксизм акцентировал онтологические и философско-антропологические аспекты марксистской теории с учетом изменений, происходящих в мире. Приоритетной оказалась тенденция отхода от социологии конфликта и поиска устойчивых факторов развития социальной системы.

Литература

1. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.
2. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. М., 1991.
3. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

А.А. Исаков
г. Арзамас

Два образа справедливости в русской публицистике XV–XVI веков

Аннотация. В статье сравниваются концепции справедливости, сформулированные Ф.В. Курицыным и И.С. Пересветовым. Автор оспаривает распространенный тезис о близости этих концепций и полагает возможным их принципиальное противопоставление.

Ключевые слова: русское государство, русская философия, справедливость, провокация, правосудие, Избранная Рада, опричнина.

Русская общественно-политическая мысль позднего Средневековья – хорошо исследованный феномен. И всё же история его изучения знает свои клише, существование которых мешает пониманию ее особенностей и судьбы. Среди них – однозначно сословная атрибуция соответствующих текстов и концепций, которая приводит к сближению или даже отождествлению очень разных доктрин только на основании общности сословного статуса их авторов. В нашей статье речь пойдет о социально-политических концепциях Федора Васильевича Курицына и Ивана Семеновича Пересветова, неоправданно, на наш взгляд, сближаемых в научной литературе. Начиная с Я.С. Лурье, введенного в оборот тексты Курицына, широко распространено мнение о том, что оба автора отражали точку зрения дворянства на природу государственной власти, бы-

ли идеологами абсолютной монархии, опирающейся на насилие [4, с. 399–400]. Эта же точка зрения до сих пор встречается в работах по истории древнерусской мысли, в частности, у А.Ф. Замалеева [2].

Невозможно спорить с тем, что во взглядах Курицына и Пересветова есть пересечения, но при внимательном рассмотрении оказывается, что они больше связаны с формой, нежели с содержанием их мышления. Прежде всего, это мышление переходного типа, которое еще не может ограничиваться сферой понятий, требует опоры на конкретные образы, притчевого изложения, определенной сюжетности. Далее, это мышление персонифицированное. Оба автора еще не могут обойтись без своих героев – Дракулы-воеводы и Магмет-салтана – и связанной с ними фольклорной традиции. Однако как раз там, где проявляет себя категориальное мышление, они становятся антиподами. Прежде всего это касается концепции справедливости, достижение которой, как станет очевидно далее, было идеалом обоих публицистов.

Здесь большую роль сыграла не сословная принадлежность, а конкретные судьбы Курицына и Пересветова. Курицын – дворянин, но дворянин самого высокого ранга, которого только можно достичь, не имея в жилах голубых княжеских или боярских кровей. Он руководит внешней политикой страны при Иване III, лично возглавляет первое в истории России посольство на Запад, в Венгрию, из-за его удержания на турецкой территории с Портой ведут длительные переговоры. Курицын – еретик, для которого не обязательны многие нормы современного ему общества и который создает сам для себя аналог десяти заповедей – «Лаодикийское послание». Наказание еретиков, среди которых был его родной брат, обошло Федора Васильевича стороной.

В отличие от него, Пересветов – наемный солдат, командовавший до приезда в Россию отрядом из семи латников. Его мировоззрение на редкость эклектично, на него влияли «греческие философы и латинские дохтуры», скорее астрологи и оккультисты, чем философы и ученые. Под влиянием их пророчеств о величии нового русского царя, Ивана IV, Пересветов едет в Россию, рассчитывая на быструю и крутую карьеру. Вместо этого ему пришлось встретить бесправие, нищету и безвестную смерть. В его текстах есть кое-что о том, как обходились с ним сильные мира сего, и очевидно, что Пересветов и Курицын в социальном плане очень далеки друг от друга. А потому и справедливость для них выглядит очень по-разному.

Курицын в конце 1480-х годов создает «Сказание о Дракуле-воеводе». Герой «Сказания» – почти идеальный (в меру своего стремления к абсолютной власти и справедливости) государь Влад Дракула. Автор подчеркивает, что источником закона в его стране даже в малом является воля государя. Держаться такая власть может только на спра-

ведливом насилии и страхе перед ним. Но справедливость Влада – это не пассивная карающая десница, вступающая в дело лишь после совершения преступления, это испытывающая, провоцирующая справедливость, выдержать которую не так-то просто.

Провоцирующий характер справедливости раскрывается Курицыным постепенно и явно одобряется. Провокации носят не случайный, а систематический характер. Это подчеркивается рассказом о золотой чаше, поставленной Владом у горного родника, которую никто не смел украсть. В этом сюжете провоцирующий характер справедливости пока еще не вызывает нареканий. Относительно невинный характер имеет и провокация купца, который пожаловался Владу на пропажу кошелька золотых. Влад, по приказу которого, скорее всего, и украли кошелек (в свете сюжета о чаше обычная кража маловероятна), возмещает потерю и подбрасывает лишний дукат. Честный купец возвращает его государю и тем избегает смерти.

Однако решающее значение имеет эпизод с сожжением нищих и больных. Курицын подчеркивает, что Влад ненавидел любое зло в своей стране, в том числе – нищету и болезни. Поэтому он решил собрать всех нищих и больных своей земли и облагодетельствовать их. В специально построенной хоромине для них был устроен пир, после которого Влад спровоцировал его участников, предложив им Царствие Небесное. Опьяневшие и обнаглевшие нищие потребовали и этого благодеяния, после чего были заживо сожжены и тем самым стали мучениками, т.е. формально получили шанс попасть в рай [6, с. 554, 556, 558, 562].

Здесь вспоминается небольшая ремарка Курицына по поводу происхождения Влада, а именно перевод прозвища Дракула словом «Дьявол». Перевод этот неверен, поскольку Дракула означает Дракон, но он высвечивает дуалистический характер мировоззрения Курицына. Очевидно, что Дьявол предстает в этом мировоззрении необходимым компонентом мировой справедливости, а значит, и гармонии. Дьявол – это провокатор, который не наказывает за зло, а предупреждает его, заставляя проявлять себя и подставлять голову под топор. Именно так и понимает Курицын справедливость. В его представлении она дуалистична, как и всё мироздание, и не может быть эффективной без постоянной провокации каждого, кто обращается к ней.

Пересветов, создавший «Большую челобитную» полвека спустя, вряд ли знал текст «Сказания о Дракуле-воеводе», но его мысль оказалась в русле тенденции, противоположной идеалам Курицына. Ответом Курицыну является уже 7-е слово «Просветителя» Иосифа Волоцкого. Иосиф неспроста говорит в нем о царе-мучителе (это подчеркивал уже Я.С. Лурье). В контексте правления Ивана III то был намек не столько на великого князя, сколько на социальный идеал его наперника. Лейт-

мотив 7-го слова – настойчиво выражаемая мысль о «противлении» неправой власти, причем неправота власти определяется вовсе не только конфессионально (через неверие и хулу), но и вполне земным образом (сребролюбие и т.п.) [5, с. 188–189]. Верховная власть здесь требует согласия с ней со стороны тех, кем она берется управлять. Обычно утверждается, что впоследствии Иосиф изменил отношение к царской власти, провозгласив, что царь подобен людям только естеством, властью же подобен Богу [3, с. 367–368]. На самом деле, здесь нет существенного противоречия, естество может быть испорчено, и 16-е слово «Просветителя» рисует всё того же ответственного перед Богом и подданными государя, что и 7-е.

Эту же тенденцию продолжает спор Федора Ивановича Карпова с митрополитом Даниилом о терпении. Как заметил А.Ф. Замалеев, категория эта в древнерусской мысли означала не только собственно терпение, но и насилие. Митрополит Даниил, опираясь на идеи «Просветителя», распространил тезис Иосифа о применении насилия к еретикам на всё общество. Неправомерность такого распространения энергично продемонстрировал Карпов, противопоставив терпению категорию правды [5, с. 510, 512]. И в этом Карпов стал очевидным новатором, так как и Курицын, и Иосиф знали только один способ править – насилие. При этом Карпов в социальном и профессиональном смысле – наследник Курицына, дипломат высокого ранга. В идейном же плане он – явный антипод, потому что правду он не мыслит без милости и фактически исходит из основного принципа права: наказать можно только за совершенный по своей воле поступок.

Для Пересветова же главное в государстве (образцом которого он считает империю Магмет-салтана) – военная мощь, которая имеет источником правду, понимаемую им одновременно в религиозном (правая вера) и секуляризованном (правый суд и справедливые налоги) смысле. «Если правды нет, ничего нет», – говорит он устами молдавского воеводы Петра [1, с. 612] и утверждает приоритет права перед религией. Он намечает план реформ, суть которых заключается в правовом регулировании ряда сфер общественной жизни. Первое, что предлагает исправить Пересветов, это местное управление. Он выступает с требованием отмены кормлений и замены их ежегодным денежным содержанием наместника из казны. Второй шаг – реформа суда, заключающаяся в создании специальных судебных органов (палат) на местах, независимости судейского корпуса от населения (судья также получает жалованье из казны), повышенной ответственности судей за принятые решения (вплоть до смертной казни). Третья реформа – создание торгового законодательства, которое бы устранило злоупотребления в этой сфере. Пересветову недостаточно внутреннего урегулирования дел в русском го-

сударстве. По его мнению, оно возможно лишь тогда, когда государство ставит перед собой цели мирового масштаба, в случае русского государства – возглавляет борьбу православных народов против турок и татарских ханств. Эта борьба способна создать, воспитать на «смертной игре» новый тип человека, пригодного к справедливому управлению, – воина, не ищущего богатств и живущего по правде. Пересветов тут же формулирует внешнеполитическую программу: активная оборона на границе с Крымским ханством и завоевание Казанского.

В этой общей концепции реформирования русского государства бросается в глаза отчетливое понимание того факта, что единоличное правление невозможно в принципе. Дракула Курицына был именно единоличным правителем, нигде не упоминается о созданном им административном аппарате, он опирается только на войско. Казалось бы, Дракула и Магмет-салтан здесь близнецы-братья: оба «веселят» воинов, оба отбирают из их числа самых преданных и храбрых. Но воины Дракулы становятся провокаторами и палачами, а воины Магмет-салтана – администраторами, судьями и законодателями. При этом Пересветов яростно выступает против вельмож, которые окружают государей. В его понимании они – лентяи, берегущие лишь свое богатство и покой, но не целостность государства. Более того, они – чародеи и еретики, которые оккультными способами изводят силу и храбрость государей (здесь явно сказано о пребывании в Праге первой половины XVI столетия). Именно они должны быть заменены воинами, которые не привязываются к земной жизни и в этом смысле напоминают стражей Платона.

Однако какими бы казнями ни грозил Пересветов «вельможам», он далек от курицынской концепции воздаяния. В «Большую челобитную» попал среди прочих апокрифический сюжет о расписке Адама, которую тот дал дьяволу после грехопадения. Скорее всего, это тоже признак дуалистической картины мира, в которой есть место и светлым, и темным силам. Дьявол здесь играет роль искуителя-провокатора, но Христос своими добровольными страданиями искупает человека из рабства дьявола и разрывает расписку. У Курицына нет отсылки к Новому завету. Он, являясь представителем иудаизма, не верит в искупление человека смертью Христа. И поэтому Дракула исполняет свои обязанности так, как их исполнял бы дьявол. Он прежде всего искуитель. Магмет-салтан Пересветова – не искуитель, а судья, причем не единоличный, а доверяющий свои полномочия достойным, и притом милостивый. Здесь как раз и видна ярче всего разница в понимании справедливости, «правды» Курицыным и Пересветовым. Для Курицына человек изначально испорчен. Он совершит зло, если его хорошенько спровоцировать, и лишь страх способен удержать его от того, чтобы поддаться искушению. Для Пересветова человек в главном искуплен, и поэтому

рациональные реформы вкупе с определенной политикой, направленной на воспитание нового типа администратора, могут дать благие плоды. Справедливость Курицына носит апокалиптический характер, справедливость Пересветова обещает Тысячелетнее Царство.

Конечно, можно подметить в критике Пересветовым вельмож, изводящих царя чародейством, в его стремлении к воспитанию воина нового типа провозвестие Опричнины. Но это было бы несправедливо, поскольку весь план реформ и внешнеполитических акций, набросанный Пересветовым в «Большой челобитной», был осуществлен именно Избранной Радой, а воинами нового типа, скорее всего, должны были стать получавшие жалованье стрельцы. Критика вельмож также вполне понятна в свете периода боярского правления в малолетство Ивана IV. Напротив, курицынский идеал правителя-провокатора, опирающегося на лично преданное войско и страх перед наказанием, очень хорошо укладывается в образ опричного террора.

Теперь сложно сказать, как вышло так, что еретическая по происхождению доктрина овладела Иваном Грозным. Очевидно, она всегда была актуальна в каких-то придворных кругах и вышла на первый план в условиях кризиса той модели «правды», которую разрабатывали Иосиф Волоцкий, Федор Карпов и Иван Пересветов, связанного, как известно, и с разногласиями внутри Избранной Рады, и с переориентацией внешней политики России Ивана Грозного.

Литература

1. Большая челобитная Ивана Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.
2. Замалеев А.Ф. Учебник русской политологии. СПб., 2002.
3. Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993.
4. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV–начала XVI в. М., 1960.
5. Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.
6. Сказание о Дракуле-воеводе // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982.

Право как выражение социальной справедливости в философии В.С. Соловьева

Аннотация. В статье представлены главные идеи В.С. Соловьева о соотношении морали и права. Рационализм западной философии противопоставляется нравственной парадигме философии права В.С. Соловьева.

Ключевые слова: право, нравственные ценности, социальная справедливость, правовая культура, парадигма всеединства.

Соотношение права и нравственных ценностей – одна из главных тем отечественной философско-правовой традиции. Выдающиеся мыслители П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен и другие обосновали моральную значимость права.

Особое место в этой традиции принадлежит философскому обоснованию права В.С. Соловьевым, который на основе парадигмы всеединства исследовал связь права с высшими религиозно-нравственными ценностями. Славянофильская философия права утверждала, что внешние формы жизни, если они не освещены высшим светом религиозной идеи, обречены на вырождение и упадок.

В произведениях Ф.М. Достоевского исследователь русской общественной мысли П.И. Новгородцев нашел выражение сути мировоззрения, которое составило глубочайшие основы русской философии права:

1. Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей на основе высших нравственных ценностей (соборность).

2. Осуществление общественного идеала без религии невозможно.

3. В процессе общественного строительства право и государство представляют собой лишь известные вспомогательные ступени своего развития, которые сами по себе слишком слабы для преобразования жизни.

4. Не раскол между правом и нравственностью, как это провозгласила западная философия права, а непосредственная связность права и нравственности, подчинение их более высокому религиозному закону образует норму социальной жизни.

5. Личность и общество, справедливость и свобода, право и нравственность находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения. Мы не вправе ожидать, что когда-либо на земле на-

станет такое совершенство и такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия.

6. Невозможно достичь абсолютной рационализации социальных отношений.

7. Вера в бесконечный прогресс человечества, желание добиться земного рая без Бога, только силой человеческого ума, является ошибочной [1, с. 373].

Великий отечественный мыслитель В.С. Соловьев видит сущность правового государства не только в обеспечении прав индивида, но и в значительно более сложной взаимосвязи межсубъектных отношений, конкуренции, конфликтов и в необходимости их справедливой координации. Коллективный опыт важнее для поиска истины, чем индивидуальный. Нравственный идеал приобретает личность только в общественной среде.

Общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество. Различное соотношение обоих дает три восходящие ступени и формы жизненного и духовного развития: родовая, национально-государственная, всемирная. В этих сочетаниях религиозный (предание), политический (служение) и пророческий (идеал) факторы соответственно играют различную историческую роль. Возникновение всякого общественного союза происходит на базе нравственного принципа предшествующего ему союза: так, государство возникает в результате (войны или договора) на базе родового союза.

Появление национального государства подготавливает почву для превращения его в правовое. Национальная целостность должна быть скреплена внутренней солидарностью народа. В.С. Соловьев выступал с обоснованием религиозной сущности права.

По мнению философа, три главных фактора определяют истинное христианское государство: духовный авторитет церкви, представляющей истинное непреходящее прошлое человечества; светская власть национального государства, обеспеченная политической волей; и свободное служение вселенских первосвященников, открывающих начала идеального будущего человечества. Свободная теократия должна быть отличной как от государственного, так и от церковного абсолютизма. Власть в теократическом государстве – «самодержавие совести» и не может вылиться в безнравственные и фальшивые нормы права. Иерархия нравственного начала организуется прежде всего в церкви, откуда она нисходит на другие, низшие ступени общественной жизни.

Правом и его воплощением – государством – обусловлена действительная организация общественной жизни общества; при отделении своих формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов право теряет свое основание и ничем не отличается от произвола.

В главном произведении «Оправдание добра» В.С. Соловьев в главе под названием «Нравственность и право» пишет, что «взаимное отношение между нравственною областью и правовую есть один из коренных вопросов практической философии. Это есть, в сущности, вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительною жизнью... Между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [2, с. 446].

Философ предлагает следующее определение права в его отношении к нравственности: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [2, с. 450]. «Право есть исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [2, с. 453].

Закон, по существу своему, есть общепризнанное и безличное (т.е. не зависящее от личных мнений и желаний) определение права, понятия о должном (в данных условиях и в данном отношении) равновесии между частною свободою и благом общества. Отсюда следуют три непрелюбимых отличительных признака закона: 1) его публичность – постановление, обнародованное во всеобщее сведение; 2) его конкретность – это нормы определенных социальных отношений, а не выражение отвлеченных истин и идеалов; 3) его реальная применимость, или удобоисполнимость в каждом единичном случае, требование принудительных санкций на случай его неисполнения. Чтобы эти санкции не оставались пустой угрозой, закон должен опираться на действительную силу, достаточную для приведения его в исполнение. Такая дееспособная законность называется властью. Три различные власти – законодательная, судебная и исполнительная – при всей необходимой раздельности не могут быть разобщены и тем более вступать в противоборство между собою, так как они имеют одну и ту же цель: правомерное служение общему благу. Только в государстве право находит все условия для своего действительного осуществления, и в этом отношении государство есть воплощенное право. Принудительная обязательность есть одно из существенных отличий правовой нормы от собственно нравственной, так как право требует для себя достаточной силы для реализации правовых норм.

Нравственные нормы по своей природе не могут быть принудительными. Добродетель есть внутреннее расположение нашей воли к добру самому по себе, а всякое принудительное внешнее воздействие в этой области есть обман. Насильно, извне заставить человека иметь внутреннее расположение к добру достичь невозможно. Нравственные требования предполагают нравственное совершенство или стремление к такому

совершенству. Правовой закон требует минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. Главное различие сферы права и нравственности философ формулирует следующим образом: «Право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [2, с. 448].

Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались; но для этого необходимо существование общества; но общество не может существовать, если всякому желающему предоставляется беспрепятственно убивать и грабить своих ближних; следовательно, принудительный закон, действительно не допускающий злую волю до крайних проявлений, разрушающих общество, есть необходимое условие нравственного совершенствования и, как такое, требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение. Требование личной свободы, чтобы оно могло осуществиться, уже предполагает ограничение этой свободы в той мере, в какой она несовместима с существованием самого общества. Существование общества зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех. Эта безопасность, не обеспеченная законом нравственным самим по себе, который не существует для людей с преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них.

Таким образом, принудительный порядок в обществе вполне совместим с порядком чисто нравственным, который в своей сущности исключает всякое принуждение.

Литература

1. *Новгородцев П.И.* Сочинения. М., 1995.
2. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.

М.И. Козлов
г. Архангельск

Идеал социально справедливого общества в творчестве М.А. Бакунина и современность

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению представлений о социально справедливом обществе идеолога русского народничества М.А. Бакунина. Показано, что задачу, поставленную им перед революционерами-народниками, можно считать классической формулой социальной спра-

ведливости. Раскрывается антинаучность и односторонность взглядов теоретика анархического «негосударственного социализма».

Ключевые слова: община, государство, инстинкт солидарности, инстинкт власти, всеобщий бунт, революция, безгосударственное федеративное устройство общества, негосударственный социализм.

Никакая теория, по мнению М.А. Бакунина, не в состоянии сконструировать народу идеал его будущего справедливого общежития. Этот идеал есть «результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд» [1, с. 43]. Данное суждение идеолога русского народничества, на наш взгляд, актуально и для современной российской действительности, когда безуспешно предпринимаются попытки найти новую общенациональную идею, способную объединить не только политическую элиту, но и широкие слои населения страны.

В сознании русского народа, как отмечал Бакунин, образ будущего социально справедливого общежития давно уже сложился и включает в себя как положительные, так и отрицательные черты. К положительным он относил, во-первых, убеждение крестьянских масс в том, что земля принадлежит тому, кто ее орошает своим потом и оплодотворяет своим собственным трудом. Во-вторых, право пользования землей принадлежит не отдельному лицу, а общине, миру, который единственно имеет право временного ее раздела между членами общины. В-третьих, община автономна, она имеет свое самоуправление и поэтому враждебно противостоит Русскому государству. Но эти три устоя народного идеала социальной справедливости затенены и омрачены, как полагал Бакунин, «чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его». Это – «патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя» [1, с. 45–46]. К еще одной отрицательной черте русского народного идеала он относил официальную православную веру. Но подчеркивал, что в России данный вопрос далеко не представляет такой важности, как в Западной Европе, т.к. религиозные представления в российском обществе являются не столько заблуждениями ума, сколько протестом самой жизни против «невыносимой жизненной тесноты». «Церковь представляет для народа, – пишет Бакунин, – род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде – один раз в безумной вере, другой раз в вине» [2, с. 408].

Главной же отрицательной чертой России того времени, чертой, из которой вытекают и поглощение лица миром, и «богопочитание царя», и религиозность русского народа, Бакунин считал патриархальность. Беспощадно критикуя современный ему общественный строй, он не идеализировал и не щадил русскую общину, в которой, как и в патриархальной семье, царил «гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье» [1, с. 49]. Патриархальщина, по Бакунину, это «одно из главных несчастий в русской жизни», вносящее в нее ложь, лицемерие, тупоумие, холопство. Именно поэтому он призывал русскую интеллигенцию «идти в народ» и готовить его к всенародному бунту, рвать замкнутость русской патриархальной общины, очищать народный идеал от всех отрицательных черт и направлять взоры трудящихся масс к его первоизданной чистоте.

Борьба за претворение в жизнь народного идеала социальной справедливости, по Бакунину, не может не быть трудной и длительной. «Христианству, поставившему своей целью основание царства справедливости на небе, – пишет он в данной связи, – нужно было несколько столетий, чтобы завоевать Европу. Нужно ли удивляться, что социализм, поставивший себе гораздо более трудную задачу – основание царства справедливости на земле, не одержал победу в несколько лет? (речь идет о поражении революции 1848 г. – *К. М.*)» [3, с. 398].

На полное решение проблемы социальной справедливости, как полагал Бакунин, и в этом с ним трудно не согласиться, уйдут столетия. Исходя из этого, он четко сформулировал задачу, стоявшую перед революционерами-народниками, которую можно считать классической формулой социальной справедливости, не потерявшей актуальности для России начала XXI в.: «Организовать общество таким образом, чтобы каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей и для их использования своей работой; ...такое общество, которое бы поставило каждого индивида, кто бы он ни был, в невозможность эксплуатировать чужую работу и позволило бы ему участвовать в пользовании социальными богатствами, являющимися в совокупности не чем иным, как производением человеческой работы, лишь постольку, поскольку он непосредственно способствовал их производству» [3, с. 400]. На пути к решению данной задачи, как полагал Бакунин, стоит главное препятствие – государство со всеми его «церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями», которое необходимо разрушить в ходе социальной революции и заменить его «свободной федерацией воль-

ных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)» [3, с. 402].

Отрицание не только «деспотической», но и вообще любой государственности сложилось у Бакунина на основании убеждения в том, что государство – это насилие, притеснение, эксплуатация, несправедливость, возведенные в систему во имя абстрактной и мифической идеи всеобщего блага. Государственная власть как «торжествующая несправедливость», по представлению Бакунина, исходит от божественной власти, является «божественной санкцией силы», т.к. «государство – младший брат церкви». Там, где начинается государство, считал он, кончается индивидуальная и коллективная свобода, и наоборот, свобода человека, расширение его прав приводят к переделу сфер влияния государственной власти. Государство несет людям «самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности» (цит. по: [4, с. 38]).

В силу насильственной и антигуманной природы, по Бакунину, государства оно рассматривалось как искусственное, но исторически неизбежное образование, которое покровительствует экономически привилегированным слоям общества в деле эксплуатации народа. Для народа, подчеркивал он (и в этом принципиально расходился с Марксом), государство всегда будет тюрьмой, «хотя бы оно десять раз называлось народным и было разукрашено наидемократическими формами». Он опасался того, что представители народа, получив государственную власть, «станут смотреть на чернорабочий мир с высоты государственной» и будут в правительстве «представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом» (как показала жизнь, его опасения подтвердились).

Выступая с критикой марксистского учения о диктатуре пролетариата, М.А. Бакунин заявлял, что между ней и буржуазной государственностью нет принципиальных различий. Государственная власть развращает всех, независимо от их классовой принадлежности. Более того, новая революционная власть может быть «еще более деспотичной, чем прежняя». Диктатура пролетариата может стать «красной бюрократией» и диктатурой пролетарских чиновников или пролетарской партии, а пролетарский вождь – превратиться в «диктатора-императора» [4, с. 39–40]. Теоретик анархизма не отождествлял общество и государство. Общество, полагал он, как «естественный способ существования совокупности независимо от всякого договора людей» первично. Движущей силой развития общества выступает «инстинкт солидарности», а государства – «инстинкт власти». Общество функционирует на основе естественных законов, а государство – искусственных. Государство с помощью своих законов и путем создания централизации, бюрократии и репрессивных органов постоянно стремится быть над обществом. «Государство, – пи-

шет Бакунин, – окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом... Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом... При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом» [2, с. 410].

Отсюда выводы, сделанные Бакуниным: единственным выходом для отдельного крестьянина является разбой, а для целого народа – всеобщий бунт, революция; прогрессивно мыслящие молодые интеллигенты должны «идти в народ». Следовательно, по Бакунину, уничтожение всякой государственности выступает в общественной практике как основной способ разрешения всех социальных проблем, включая и проблему утверждения социальной справедливости. Идеалом справедливого общества для теоретика анархизма было безначалие, безгосударственное федеративное устройство общества, для достижения которого необходимо было ликвидировать государство.

Резюмируя взгляды М.А. Бакунина на народную социальную справедливость, следует отметить, что в них содержится немало ценного, рационального. Впечатляет его умение обличать социальные пороки самодержавия, вскрывать истоки русского народного идеала и его противоречивое содержание, формулировать задачи по организации социально справедливого общества, его небезосновательные опасения относительно перерождения народной власти и др.

Вместе с тем критика Бакуниным несправедливого характера российского государства того времени и определение путей его революционного переустройства на социалистических началах были ненаучными, односторонними. Бакунин не анализирует российских экономических отношений как объективной основы социальной несправедливости, не выявляет новых тенденций в развитии русской деревни в пореформенный период. Для него русская община выступает неким статичным явлением. Будущее справедливое общество он связывал с утверждением анархического «негосударственного социализма», основой которого будет все та же русская община, очищенная от всех отрицательных сторон.

Литература

1. Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1964–1965. Т. 1.
2. Бакунин М.А. Государственность и анархизм // Утопический социализм в России: Хрестоматия / Под общ. ред. А.И. Володина. М., 1985.

3. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Утопический социализм в России: Хрестоматия / Под общ. ред. А.И. Володина. М., 1985.

4. Бороноев А.О., Глотов М.Б. Классики российской социологии. Бакунин М.А. СПб., 2006.

О.В. Смирнова
г. Череповец

Свобода личности и социальная справедливость

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи свободы и социальной справедливости, возможности и пределы внешней и внутренней свободы личности.

Ключевые слова: свобода личности, социальная справедливость, социализация, внешняя и внутренняя свобода.

Тема свободы личности обрела особую актуальность в современную эпоху. Несмотря на все достижения НТР, экономический рост, глобализацию общественных отношений, информатизацию всех сторон жизни, проблема свободы не находит адекватного решения. Как писал известный немецкий философ XX в. К. Ясперс, вопрос о независимости человека – основной вопрос нашего времени, а вся история – всего лишь история тщетных попыток человека стать свободным [4, с. 9]. В общественном сознании проблема свободы личности неразрывно связана с представлениями о справедливом устройстве общества. Коммунисты и анархисты, либералы и консерваторы, представители иных идеологических доктрин – все сходятся в том убеждении, что при отсутствии свободы личности невозможна и реализация принципа социальной справедливости.

Именно свобода личности, по мнению Г. Гегеля, является главным условием и критерием социального прогресса. Общество становится тем более развитым и полнее отвечающим интересам большинства людей, чем большее количество из них осознает себя лично свободными. Не случайно свою периодизацию истории философ напрямую связал с поиском свободы как конечной цели мира. «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы – прогресс, который мы должны познать в его необходимости», – утверждал классик в своей работе «Философия истории». Всемирная история, по Гегелю, начинается с возникновения государства, поскольку первобытное состояние человечества «лежит за пределами истории» [3, с. 107]. Впервые государство возникло на Вос-

токе, поэтому началом истории стал «восточный мир». Люди здесь еще не осознали, что свобода составляет их сущность, поэтому все они рабы, за исключением верховного правителя. Но и его свобода есть произвол. В «греческом и римском мире» часть людей осознала, что свобода представляет их сущность, поэтому они стали свободными, в отличие от тех, кто остался рабами. Наконец, в «германском мире», приняв христианство, люди осознали, что человек свободен как таковой, но для того, чтобы принцип свободы личности был реально воплощен в жизнь общества, требуется время [2].

Очевидно, что и сегодня это время еще не настало. Многие люди и сегодня полагают, что обеспечение социальной справедливости – задача государства, тем самым снимая с себя «тяжкое бремя личной свободы».

Философия рассматривает жизнь человека как процесс становления и развития его личности. Данный процесс осуществляется в ходе социализации, т.е. вхождения индивида в жизнь общества. Под социализацией мы будем понимать двусторонний процесс, включающий в себя адаптацию и интериоризацию. Адаптация – приспособление индивида к окружающей среде, усвоение им социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей и отношений. Интериоризация – перенесение внешних условий внутрь себя, формирование характера, активное воспроизводство системы социальных связей индивидом в его деятельности. Как известно, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Каждое общество заинтересовано в личностях определенного типа, с конкретным набором социально значимых характеристик. Однако не только общество творит личностей по своему образу и подобию, но и личности творят общество по своему образу и подобию. Социализация есть не только процесс формирования личностей определенного типа, но способ самовоспроизводства общества, условие его самосохранения. Социализация продолжается на протяжении всей жизни индивида (от рождения и до смерти) и осуществляется через различные социальные институты (агенты социализации): семью, систему образования, государственные структуры, церковь, элементы гражданского общества, СМИ, социальные сети и т.д. Принято выделять три основных этапа социализации: начальный, средний, поздний, на каждом из которых на личность оказывают определяющее влияние конкретные агенты.

Диалектику взаимосвязи личности и общества можно представить как единство трех основных измерений:

- обусловленность внутреннего мира человека объективными формами его социального бытия;
- независимость внутреннего мира человека от объективированных социальных форм и отношений;

– детерминированность внешних социальных форм и отношений продуктами субъективной духовной деятельности человека, его внутреннего мира.

Именно этот аспект связи объективного и субъективного, внутреннего и внешнего составляет главное содержание проблемы свободы личности в философии. «Человек как таковой свободен... свобода духа составляет основное свойство его природы», – утверждал Гегель [4, с. 291]. На первый взгляд, данное утверждение никак не соответствует реальности. Элементарный жизненный опыт доказывает, что человек несвободен как никто в этом мире. Жизнь любого из нас связана с необходимостью соблюдать множество запретов, стандартов, регламентов и социальных нормативов: правовых, религиозных, моральных, нравственных, профессиональных, семейных и т.п. Наше существование детерминировано также природно-материальными факторами: мы зависим от капризов природы, смены часовых поясов, гравитационного поля Земли, сезонных изменений климата и т.д. Вместе с тем человек способен как противостоять законам природы, так и нарушать социальные нормы, дистанцироваться от них. Что же обуславливает независимость человека от объективных законов бытия, что обеспечивает возможность личности дистанцироваться от жестких требований социальной среды? По мнению многих философов, данная способность основана на такой сущностной характеристике человеческой личности, как свобода. Свобода в данном контексте есть способ духовно-творческой самореализации личности, т.е. «возможность для человека быть самим собой, быть таким, каким сам человек себя мыслит и представляет» [1, с. 155]. Именно она обеспечивает полноту человеческого существования, является условием становления и развития самостоятельной и самодостаточной личности.

Итак, свобода есть философская категория, характеризующая сущность человека и его существования. Она состоит в возможности и способности личности мыслить и поступать в соответствии со своими желаниями и представлениями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения. Исходя из данной трактовки, можно различать внутреннюю и внешнюю свободу. *Внешняя свобода* – это те рамки независимости личности, которые почти полностью определены обществом. Под ней следует понимать определенный перечень прав и свобод граждан, которые декларируются в Конституции как основном законе государства. Именно государство гарантирует и контролирует соблюдение основных личностных, социально-экономических, социально-политических и духовных прав и свобод. Объем данных прав зависит от правового статуса личности и политико-правового устройства государства. *Внутренняя свобода* включает в себя свободу материально-

предметной деятельности и свободу духовной жизни человека. Она является собой духовно-творческую самореализацию, раскрытие личностного потенциала индивида, однако и внутренняя свобода имеет свои ограничители, свои пределы. Сам объективный мир несет в себе определенные элементы человеческой несвободы. Материально-предметная деятельность человека вынуждена считаться как с природными законами, так и с сопротивлением социальной среды. Как гласит английская поговорка: «Моя свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается нос соседа». Наиболее свободен человек в сфере духовной жизнедеятельности. Мы сами выбираем – каким богам молиться, каким принципам следовать, какие ценности разделять, каким идеалам верить. Духовная жизнь личности автономна и закрыта для внешнего мира. Она не знает сопротивления материальной предметности, не зависит от социальных предписаний. Идеальный по своей природе внутренний мир человека полностью открыт только ему самому. В своем сознании личность свободна от пространственно-временных барьеров, от общественного мнения, социальных связей. Личность свободна настолько, насколько она способна преодолевать в себе пределы внешней несвободы, раздвигать границы дозволенного. Это не значит, что внутренне человек абсолютно свободен. Здесь на пути к свободе встает самый сложный внутренний барьер – сам человек. А.Н. Бердяев писал: «Различие свободы, которое часто делают, есть различие свободы внутренней и свободы внешней. Говорят, что человек может быть внутренне свободен и в цепях, может быть свободен, когда его сжигают на костре. Человек может быть рабом не только внешнего мира, но и себя, своей низшей природы. Освобождение рабов во внешнем обществе не есть еще освобождение от внутреннего рабства. Человек может стать внутренним рабом... Свобода есть внутренняя творческая энергия человека» [2, с. 314]. Таким образом, не только общество дарует человеку его свободу, но и сам человек как разумное существо выращивает в себе свободу, передает ее обществу, творит общество в соответствии со своим потенциалом свободы. Не может быть свободным общество рабов!

Литература

1. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М., 2002.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
3. Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Соч. М., 1957. Т. 8.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия Духа // Гегель Г. Соч. М., 1957. Т. 3.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Социальная справедливость и истина

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения социальной справедливости и истины. Противоречивость человеческой природы не позволяет осуществиться на практике идеалам социальной справедливости. Истоки этой апории в самом понятии «справедливость».

Ключевые слова: социальная справедливость, истина, *aleteya*, *verum*, *veritas*, *iustitia*, *Liberté*, *Egalité*, *Fraternité*.

Социальная справедливость, понимаемая как закон, будь то выражение авторитарной воли суверена (*res privato*) или сбалансированной воли номинальных учредителей государства (*res publica*), исторически выступает продуктом римского права (*iustitia*) и при всей своей практической направленности представляет собой общественный идеал, недостижимый в силу самой природы человека. В этом кроется первое видимое противоречие – социальная справедливость не может быть достигнута, пока человек остается таким, какой он есть. А другого человека пока не предвидится.

У истоков идеи социальной справедливости современный европеец найдет провозглашенные Робеспьером три имени, первые два из которых: свобода (*liberté*) и равенство (*egalité*). Однако известно, что эти два столпа европейского Просвещения плохо уживаются друг с другом: там, где есть свобода, нет места равенству, там же где все равны, не остается места для свободного превосходства одного над другим. Разведенные в XX в. по разные стороны западноевропейский либерализм и восточно-европейский социализм предприняли попытку построения здания социальной справедливости на базе первого и второго фундамента соответственно. Итог: *свобода* Запада породила социальный разрыв, который при общем росте благосостояния и развития социальных программ оказался, однако, не столь трагичным для отдельного человека; *равенство* же в СССР и в странах-сателлитах не смогло поднять уровень жизни обычного человека на достойную высоту, но осуществленный социалистический патернализм оказался исключительно привлекательной оболочкой. Третий путь к социальной справедливости – братство (*fraternité*), оказался самым неудачливым из всех. Немецкий национал-социализм и итальянский фашизм представляют такой способ реализации идеи справедливости – справедливости для избранных, для достойных. Тем не менее идея сплочения нации в единую семью, объединен-

ную кровью и почвой, несмотря на провал, остается чрезвычайно привлекательной для человеческого ума. Следует заметить, что Солженицын, к примеру, считал, будто братство в упомянутом лозунге вообще является лишним, оно есть «крылатый добавок к лозунгу», ибо «...подлинное братство достигается не социальными средствами, а лишь духовными» [2, с. 42]. Однако слово «духовный», использованное писателем, позволяет нам выстроить рассуждение, представленное ниже. Разные способы сплочения общества, объединения разнородных индивидуумов в нечто гомогенное рождает те или иные формы гетеронормии, внешние, часто чуждые индивидууму нормы, которые не столько позволяют ему реализовать свои потребности, сколько ограничивают его. Социальное становится внешним, чуждым, а естественные различия между разными членами социума порождают характерный тип человека ресентимента, чье понимание справедливости опирается на неосознаваемые им желания возмездия и наказания. Когда социальное, а вместе с ним и все его составляющие, включая справедливость, становится отдельной, самостоятельной, внешней по отношению к человеку категорией, отделенной от его природы, а не выведенной из нее, «другой» перестает быть частью «мы», становится его соперником или конкурентом, претендующим на его долю социальных благ, прямо или косвенно вступающим с ним в противостояние. Причем такое отдельно стоящее чувство социальной справедливости нуждается даже не столько в «другом», сколько в «ближнем» – сосед, приятель, коллега по работе определяют меру справедливости для субъекта больше, чем малознакомый человек. Рабочий на заводе доволен, если получил зарплату не меньше других членов своей бригады и, возможно, дополнительно питает свое чувство социальной справедливости знанием в том, что его коллега, лентяй и халтурщик, получит в этом месяце меньше его. К сожалению, для человека, пребывающего в социуме, именно ресентимент, будучи низшим пределом испытываемого им чувства, снизу вверх возводит пирамиду его морали, на вершину которой водружается флаг социальной справедливости. «Чистки» были всегда направлены на «другого», в них всегда пропадали кто-то другой. Мысль о том, что завтра на месте другого могу оказаться я, с трудом укладывалась в голове строителя светлого будущего. Справедливое отношение к себе являлось естественным ожиданием человека, при этом несчастья других воспринимались им как равно справедливые. Современность в широком смысле (modernity равно как и postmodernity) предоставляет для этого самые благоприятные условия, главным из которых является концепция «другого». Раздельность существования, наличие бесконечного множества равновеликих центров (индивидуумов) и стало причиной появления самого понятия социальной справедливости как некоего зеркала. И это зеркало находит-

ся вовне, а не внутри человека. Современный человек, живя в мире знакомых ему и незнакомых людей, тщательно отслеживает все их успехи и неудачи, каждое из которых укрепляет или ослабляет его. Справедливость, как ожидание должного отношения к себе, обращено всегда вовне, на других. Не в этом ли кроется невозможность его осуществления? Не стоит ли человеку устремить свой взгляд в другую сторону? Во-внутрь.

Солженицын пишет о духовной основе *fraternité* как единственно возможной форме единства. Но разве *liberté* и *égalité* могут опираться на что-то другое? Свобода и равенство, определяемые пунктами общественного договора, а не извлекаемые из самой природы человеческого бытия, являются ли подлинными свободой и равенством, а не их имитацией? Свобода как осознанная необходимость быть тем, кто ты есть, или счастливо открывшаяся возможность, равенство как право впрягаться в «честную» борьбу или надеяться на распределительную систему, нивелируют сами эти понятия, от которых остаются лишь лозунги и надежды. Что же касается *fraternité*, то его извращенные формы в наши дни обитают лишь в религиозных общинах, поскольку лицемерие этого лозунга может быть принято за чистую монету лишь в среде эмоционально-аффектированных людей. Найти духовные, а не социальные средства или духовное понимание призывает Солженицын. Русская философия, со времен Хомякова, предлагает в качестве духовного основания принцип соборности как воплощение концепта «Мы». Соборность противостоит социальному атомизму, пронизывает общество невидимой нитью солидарности. С. Франк в продолжение мысли Хомякова, пишет о патриотизме, связывающем солдат помимо суровой дисциплины и заставляющем их при необходимости выполнять опасный для жизни приказ командира: «Патриотизм как чувство внутренней принадлежности единой родине это единство соборно-духовного бытия есть основа, на которой только и может быть утвержден внешний механизм армии» [3, с. 53]. Однако М. Хайдеггер призывает нас искать духовные основания значительно глубже, ведь патриотизм, нация, государство есть нечто внешнее, социальное и – что важно – исторически обусловленное (*das Geschichtliche*), то есть вторичное, искаженное, оторванное от самого себя. Историческому следует противопоставить *изначальное* (*das Anfangliche*), то, что предсуществует. Особенность этого *изначального* состоит не только в том, что оно стоит в начале истории, а в том, что она стоит «до», а точнее, «предшествует всей последующей истории, то есть шествует впереди ее» [4, с. 15]. Но не только. Находясь *до* истории, *изначальное*, как отмечает Хайдеггер, также принадлежит и ее будущему, и ее настоящему. *Изначальное* и есть единственное настоящее, Бытие, Истинное (*das Wahre*). Различие состоит не в том, *как* мыс-

лится нечто всеми последующими философами, а в том, *что* мыслится. Помысленное сущее всегда уводит мысль от мышления о Бытии. Как только греческая истина Бытия (*alateya*) была заменена на романскую истину Сущего (*verum*), истина оказалась навсегда скрытой, и все ее «дети»: Благо, Справедливость, Красота и т.д., оказались пасынками, отданными на воспитание мачехе. Не замечая того, мы, говоря о Благе, говорим о благе, понятием превратно, социально, исторически, от-сущего. То же самое можно сказать и о наших размышлениях о справедливости. Парменид увидел Истину в образе богини Алетейя, что в переводе с греческого означает «несокрытость» или «незабвенность». Истина являет себя человеку в своем «обнаженном» виде, такой, какая она есть. По мысли Хайдеггера, греку была явлена истина, он был ее свидетелем, ее созерцателем, но лишь не умел, как пишет Жиль Делез, «артикулировать» свое отношение к Бытию» [1, с. 40], и философы взяли на себя эту задачу – быть устами грека. Любое суждение о справедливости или благе могло быть истинным лишь в устах мыслителей, способных «дать голос» тому, кто его не имеет, тем самым уходящих от явленного и видимого. Философия превратилась в размышления обо всем, утратив чистую артикулированную мысль о Бытии. Место *Aleteya* (несокрытой истины) в поздней Античности заняла *Verum* или *Veritas*, о которой стоит сказать отдельно. Это слово тесно связано с *Imperium*, сферой повелевания и обустройства. Необходимость создания прочной социальной структуры, укорененной и предсказуемой, отразилась прежде всего в языке. Корень *veg* в слове *verum* означает «закрытие», «покрывание» и имеет прямо противоположное значение – если *alateya* означает «открытость», «самоявленность», «доступность», то *verum* означает «сокрытие», «утаивание», «тайна» [4, с. 111]. Когда мы слышим слово «истина», мы не задумываемся о том, какие семантические значения ему присущи. Денотат и десигнат не совпадают, точнее, денотат (означающее) оказывается одним, тогда как десигнат (означаемое) – двумя, т.е. они являются противоположностями. С точки зрения Хайдеггера, эта замена (подмена) произошла не случайно, а намеренно.

Однако у корня *veg* есть и другое значение: *veg* означает также «стоять вертикально», «не падать», «утверждать себя над», «возвышаться» [4, с. 109]. От этого же корня происходит русское слово «вертикаль». Эти два значения корня *veg* со всей очевидностью указывают на значение слова *verum* – скрывать и повелевать. Истина заменяется законом (*iustitia*), который является проявлением воли государства. Как заключает Хайдеггер: «Теперь эта исконно римская чеканка сущности истины, упрочивающая в сущностной структуре западной сущности истины свою основную черту, властно проникающую собой все остальное, – теперь она сама по себе начинает содействовать тому развитию сущности

истины, которое намечается уже в эллинизме и одновременно характеризует исток западноевропейской метафизики» [4, с. 112]. Справедливость находится ближе всего к понятию истины (русское «правда», в котором есть и закон, и истина). То понимание истины, которые мы имеем сейчас, рождено государством, имперским духом, властью, но отнюдь не истиной. Духовные основания справедливости следует искать в том месте, которое совпадает с самим человеком (Da Sein). И это место (топос) не имеет социальных, исторических, патриотических, пространственных или временных координат, а лишь одно невыразимое духовное измерение, которое требует от человека поиска возможности созерцания очевидного, несокрытого, всегда явленного его разуму Бытия.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М., 2009.
2. Солженицын А.И. Слово о Вандейском восстании // Дилетант. 2014. № 4.
3. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
4. Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009.

О.С. Воробьева
г. Череповец

Социальная справедливость как общенациональная идея и основа патриотизма

Аннотация. Анализируется возможность формирования патриотизма на основе общенациональной идеи достижения социальной справедливости через диалог между обществом и властью.

Ключевые слова: социальная справедливость, национальная идея, патриотизм.

Проблема формирования патриотизма является одной из важнейших проблем жизни общества и государства. В современных условиях этот феномен становится наиболее актуальным и исследуется с различных содержательных позиций: от самого понятия до причин возникновения.

Политики используют патриотизм как объединяющую ценность, которая всегда была в центре государственной идеологии. Государство само заинтересовано в формировании образа Родины и Отечества у своих граждан. Отсюда и представление о патриотизме как нравственном

идеале единства духовности, гражданской культуры и активности всего того, что создает связь личности и Отечества. Нужна ли государству социальная активность ее граждан? Безусловно, если эта социальная активность будет заключаться в желании и готовности быть полезным государству, способствовать его процветанию. Без жертвенности и служения Родине не может быть патриотизма, так сложилось исторически. Формирование патриотизма в нынешних условиях глобализации и космополитизма становится существенной проблемой, не только для государства, но и для отдельной личности, которая является неотъемлемым субъектом патриотизма.

Патриотизм как нравственный идеал восприятия моральных ценностей через определенный образ личности – исторически обусловленное явление. Современные российские социально-экономические условия являются причиной появления негативных тенденций и различных форм патриотизма: от радикально националистических до, так называемого, «квасного» патриотизма [3, с. 218]. Так, формирование психологического состояния национального сознания сегодня строится на восприятии социального неравенства, имеющем место в современной действительности.

Понятие «неравенства» в этом случае тождественно понятию «несправедливости», которое, в свою очередь, не может существовать без понятия «справедливость».

Справедливость как ценность является так же исторически обусловленным общественным явлением и связана с государством наиболее тесно, так как «справедливость» берется на вооружение госэлитами именно как инструмент заявления ими о своей органической социальной [5, с. 73]. Отсюда и понятие «социальной справедливости» всегда исторически обусловлено в угоду обществу, государству и его институтам, но всегда обозначает равенство людей в определенном, исторически сложившемся обществе.

По мнению Л.А. Вознесенского, «справедливым может быть только общество, где обеспечивается фактическое равенство людей, прежде всего в самой основе бытия – экономике» [1, с. 39]. В современном капитализирующемся обществе восприятие социальной справедливости как явления, идентичного индивидуально-нравственному состоянию и общественной жизни, труднодостижимо. Процесс капитализации страны население воспринимает «резко отрицательно, но от этого эмоционального и интеллектуального отношения к нему он не перестает быть реальностью, которую невозможно игнорировать» [1, с. 43].

Достижение справедливости для каждого конкретного человека из сугубо индивидуального понятия приобретает общественный характер. Л.А. Вознесенский в своей работе, ссылаясь на И. Канта, пишет о том,

что именно восприятие понятий справедливости – несправедливости является той самой силой, которая движет массами: «Ничего не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, – ничто по сравнению с ней» [1, с. 11].

В условиях низкого уровня жизни, национальных, религиозных, социальных противоречий, несовершенства системы государственного управления, бюрократии чиновников и отсюда слабой социальной защиты трудно строить сильное государство, которое рождает гордость и патриотизм. Поэтому некоторые исследователи феномена патриотизма говорят о его имманентности, даже с точки зрения культуры, когда, несмотря на асимметрию в отношении «государство – человек», оно считается социально и этически справедливым. Индивидуально-личностное проявление в этом случае патриотизма связано с моментом жертвенности, когда есть понимание того, что не существует равенства социальных позиций. Патриотизм как готовность на жертву ради Отечества противоречит понятию социальной справедливости, которая, безусловно, выражается в необходимости стабильности власти и государственных институтов, но все ли готовы защитить сегодняшнюю власть, «ради которой можно (и должно) стерпеть или принести жертву»? [4, с. 126].

В противовес имманентному патриотизму существует рациональный патриотизм, который, на наш взгляд, и должен строиться на общенациональной идее социальной справедливости. Государству нужны перемены и в понимании патриотизма тоже. Об этом пишет главный разработчик идеологии патриотизма Р.Г. Яновский: «В основу таких перемен и открытости государства обществу следует положить новый политический курс, выработать его с участием общества и на базе его концептуальных идей предложить для осуществления...» [6, с. 24].

В противоречивом обществе для достижения единства нужна общенациональная идея, которая выражает «действительно существующие чувства и настроения или хотя бы привлекает внимание своими масштабностью, реалистичностью, конкретностью и осязаемостью» [1, с. 52].

Л.А. Вознесенский анализирует возможные варианты, претендующие на общенациональную идею. Все они так или иначе индивидуальны и не возможны для каждого гражданина. В любом случае общенациональная идея не может быть выдвинута кем-то, только рождена народом и им принята. В качестве общенациональной идеи автор предлагает социальную справедливость. Несмотря на то что это понятие может трактоваться индивидуально, наделяя его различной смысловой организацией, со временем, «следуя по пути строительства общества социаль-

ной справедливости, человек разберется в хаосе современной жизни, обретет или вернет себе ее высокий смысл» [1, с. 73].

Из различных определений социальной справедливости, на наш взгляд самым органичным для понимания и восприятия ее как общенациональной идеи в культурно-исторической традиции может быть определение М. И. Козлова: «Социальная справедливость есть социально-философская категория для обозначения фактического состояния общественных отношений, отображаемых в общественном сознании с точки зрения их соответствия представлениям людей о должном социальном порядке, обеспечивающем свободное развитие, достойный уровень и качество жизни всех граждан» [2, с. 184].

Социальная справедливость как общенациональная идея может быть формирующим началом патриотизма как «чувства и убеждения в необходимости объединения вокруг какой-то идеи» [3, с. 217]. Общенациональная идея достижения социальной справедливости как объединяющая составляющая может быть определяющей основой патриотического движения в обществе.

Таким образом, определившись с общенациональной идеей, встает вполне конкретный вопрос: «Как в обществе, буквально расколотом на публично, вызывающе купающихся в роскоши богачей и еле-еле выживающих обнищавших людей, объединить их интересы во имя одной общей национальной идеи, во имя будущего России?» [1, с. 41].

Пропасть между обществом и государством возможно преодолеть с помощью такой общественно-организованной деятельности, открытой и публичной, которая, с одной стороны, должна быть поддержана государством, а с другой – должна быть ему противовесом. Такой противовес нужен, потому что нынешняя власть не может «вырастить поколение уверенных в ее поддержке граждан без качественного изменения всей системы власти, ее взаимодействия с народными массами, реального включения граждан в управление государством» [3, с. 218]. При этом взаимоотношения общества и государства должны строиться так, чтобы человек чувствовал себя в своей стране «субъектом социального, единого, целого» [3, с. 217]. Таким образом, появление общенациональной идеи достижения социальной справедливости в условиях капитализации и глобализации через диалог между обществом и властью вполне может стать основой патриотизма современной России.

Литература

1. *Вознесенский Л.А.* Социальная справедливость – миф или путеводная звезда? М., 2007.
2. *Козлов М.И.* Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010.
3. *Козлова О.В., Людоговская Н.А., Усанова А.И.* Противоречия патриотизма в современной России // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 11–12.
4. *Таратут О.В.* Развитие представлений о социальной справедливости в российском обществе: исторический контекст // *Вестник Поволжского института управления*. 2012. № 2.
5. *Шестов Н.И.* «Справедливость» и государство // *Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2015. Т. 15. Вып. 1.
6. *Яновский Р.Г.* Становление идеологии патриотизма // *Общество и право*. 2006. № 4 (14).



Проблемы практической реализации принципов социальной справедливости

Д.А. Прохоров
г. Симферополь

К истории развития социальной работы в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Гендерные аспекты общественной и частной благотворительности в караимских общинах¹

Аннотация. Целью предлагаемой статьи является анализ некоторых аспектов развития общественной и частной благотворительности в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: социальная работа, благотворительность, меценаты, Российская империя, Крым, караимы.

Общественное призвание и благотворительность как формы социальной работы в Российской империи к середине XIX в. сложились в определенную систему с наличием особых социальных институтов, законов, согласно которым регулировалась благотворительная деятельность. Филантропия и меценатство, получившие широкое распространение в России уже в XIX в., поощрялись также и в национальных общинах империи, где благотворительность была частью религиозных обычаев и традиций, неотъемлемой составляющей культуры.

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

В середине XIX – начале XX вв. в караимской общине (после присоединения Крыма к России в 1783 г. караимы получили ряд привилегий и были уравнены в правах с «титульной» нацией империи) наблюдается ярко выраженная социальная стратификация. Развитие промышленности, торговли и проникновение в караимскую среду идей европейского просвещения ускорили процесс общественного расслоения. Это привело к росту числа крупных предпринимателей, фабрикантов, состоятельных землевладельцев. Среди караимской молодежи увеличился процент лиц, получивших образование в государственных учебных заведениях различного уровня. Многие представители караимской общины находились на ключевых постах в структурах городского самоуправления. Караимская молодежь стремилась поступать на государственную и военную службу. Распространялись идеи просвещения и среди женщин, ранее занятых исключительно в домашнем быту. Тем не менее малообеспеченные члены общин по-прежнему нуждались в помощи и поддержке. В связи с вышеуказанными процессами благотворительность как вид деятельности принимает в караимском обществе различные формы и становится одной из важных составляющих повседневной жизни караимов Российской империи в рассматриваемый период.

Положение женщины в караимской семье длительное время оставалось неизменным. Традиционные внутриобщинные нормы, существовавшие у караимов еще со времен Средневековья и практически до 70-х гг. XIX в., подразумевали полное и беспрекословное подчинение женщины мужчине. В семейном праве члены караимских общин строго руководствовались догматами, изложенными в Ветхом Завете (ТаНаХе), и в частности, в Пятикнижии [13, с. 306–331]. О статусе женщины в караимских общинах можно судить по трудам путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – середине XIX вв. «Женщины живут здесь в совершенном заключении <...> едва они завидят мужчину, особенно иностранца, как тотчас же обращаются в бегство»; караимы-мужчины «женам свои и дочерям воспрещают беседовать с чужими мужчинами и вообще вести общественную жизнь, неохотно позволяют им грамотность <...> требуют от семьи рабского повиновения и исполнение всех домашних дел». Многие авторы XIX в. отмечали, что караим «смотрит на жену как на предмет, доставляющий наслаждение его прихотям, а на дочь – как на чужое достояние» [2, с. 428], [8, с. 11]. Основными обязанностями караимских женщин являлось воспитание детей и ведение хозяйства. Наиболее доступными занятиями для них являлись рукоделие и посещение бани, где караимки «сходились и по целым часам вели беседы» [7, с. 30, 31].

В конце XIX – начале XX вв. в караимских общинах Российской империи наблюдается уменьшение числа браков – притом, что довольно значительный процент караимской молодежи составляли те, кто достиг зрелого возраста, но не вступал в брачные отношения. Попытки исправить ситуацию в сфере семейно-брачных отношений предпринимались неоднократно. Так, например, в 1910 г. караимский филантроп И.Д. Бурназ учредил для бедных караимских девушек, вступающих в брак, пособие – средства на него должны были отчисляться от прибыли с «доходного» дома в Севастополе в размере 40 % (не менее 100 руб. и не более 300 руб. каждой девушке). Еще 40 % отчислялось севастопольской караимской общине на содержание газзана (должность, аналогичная должности раввина в еврейских синагогах) и 20 % – на увеличение «доходности» самого дома [6, с. 128], [11, с. 123], [3, с. 21]. В Николаеве в 1904 г. было создано «Общество пособия караимским девицам города Николаева», учрежденное по инициативе караима С.А. Агина. В компетенцию этой организации входила выдача караимкам при выходе замуж пособия, а также устройство в городе профессиональных и других учебных заведений, мастерских [5, с. 110–113], [9, с. 17]. Однако ощутимой поддержки незамужним караимским девушкам деятельность филантропов все же не принесла.

В 70-х гг. XIX в. в Крыму активно развивается женское караимское образование, что повлекло за собой открытие женских учебных заведений разного уровня. Обучались караимские девушки и в губернских казенных женских гимназиях и прогимназиях, а также в вузах. И хотя прием в эти учебные заведения проводился без конфессиональных ограничений (исключение было сделано лишь для евреев, в отношении которых действовали «процентные нормы» приема в высшие и средние учебные заведения), число обучавшихся в них молодых представительниц караимской молодежи было сравнительно невелико. Активисты общественного движения сетовали на то, что «караимская девушка ничего не понимает, что, присутствуя на богослужении, она имеет самое смутное представление о происхождении караимов, о родной религии и т.д. <...> Мать, сама не будучи воспитана в национальном духе, не имеющая никакого понятия о духовных богатствах своего народа, конечно, не может привить своему ребенку интереса к своему родному» [4, с. 31]. Одной из попыток изменить ситуацию стал проект, предложенный караимским купцом из Бердянска И.И. Туршу. По его инициативе в 1918 г. при Александровском караимском духовном училище (АКДУ) в Евпатории были проведены экзамены на звание домашней учительницы древнееврейского языка и «караимского вероучения». Для выдержавших испытание была учреждена премия в размере 3 000 руб. Сумма могла быть выплачена при условии, если претендентка отработает в течение трехлетнего срока в этой

должности. В программу экзаменов был включен древнееврейский язык. Кроме того, от испытуемых требовалось умение переводить на русский или караимский язык «любое место» Торы и ТаНаХа, а также знание караимского катехизиса, караимского богослужения и истории караимского народа [12, с. 23]. Однако этот проект не удалось завершить из-за начавшейся вскоре гражданской войны.

В караимских общинах оказывали помощь и людям преклонного возраста. Так, Таврический и Одесский караимский гахам (духовный глава караимов Российской империи) С.М. Шапшал в память о своей матери Акбике организовал в Евпатории на собственные средства караимскую богадельню, названную «Ярдымъ» и предназначенную для призрения пожилых караимок (для этой цели на собственные средства им было приобретено в октябре 1917 г. два небольших смежных дома и участок земли близ кенасы). Евпаторийская караимка В.М. Шишман по личной инициативе учредила благотворительное общество в помощь этой богадельне и стала ее почетной попечительницей [10, с. 40, 41], [1, л. 1–14]. В 1918 г. в пользу богадельни от разных лиц поступило средств на сумму 12 229 руб., а в 1919 г. – 2 882 руб. [14, с. 28, 29], [15, с. 28].

Серьезную поддержку малоимущим представителям караимских общин оказывали благотворительные организации. В начале 1870-х гг. в Евпатории было учреждено «Общество попечительства о бедных караимах», занимавшееся оказанием помощи нуждавшимся единоверцам. В 1874 г. в Евпатории на средства «Общества» была учреждена караимская женская ремесленная школа, предназначавшаяся для обучения грамоте и рукоделию бедных караимских девушек. С 1903 г. в Евпатории действовало «Общество вспомоществования бедным караимам». В Симферополе председательницей караимского благотворительного общества на протяжении многих лет состояла Р.Я. Хаджи – педагог, воспитавшая за время своей работы в учебных заведениях губернской столицы несколько поколений караимских девушек. В Симферополе также действовало «Симферопольское общество пособия нуждающимся караимам», председательницей правления которого являлась караимка С.М. Прик.

Общественные и политические катаклизмы начала XX в. существенно повлияли на ситуацию внутри караимских общин Таврической губернии, во многом предопределив дальнейшее ослабление устоявшихся религиозных правил и национально-культурных традиций. Положение женщины в караимских общинах стало меняться лишь во второй половине XIX в. в связи с активной интеграцией караимов в российское языковое и культурное пространство. Указанные процессы происходили в результате модернизации традиционных общинных устоев, отказа от многих устаревших религиозных и общинных догматов, а также в связи

с реформой конфессиональной системы караимского образования. Развитие общественной и частной благотворительности как формы социальной работы, безусловно, оказало существенное влияние на гендерную ситуацию внутри караимских общин Российской империи, позволив караимкам интегрироваться в российское языковое и культурное пространство.

Литература

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 2. Д. 10. Л. 14.
2. *Демидов А.Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853. II, 543, II с.
3. Доброе дело // Караимское слово. Вильно, 1914. Кн. 9–10.
4. Доброе дело. Бердянск // Известия Караимского Духовного Правления. 1918. № 2.
5. К вопросу о судьбе караимских девиц (письмо из Николаева) // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9.
6. К пожертвованию И.Д. Бурназа // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4.
7. К этнографии караимства // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11.
8. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 9.
9. Общество вспомоществования бедным караимским девицам // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 3.
10. *Пилецкий О.И.* Первая караимская богадельня // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 5–6.
11. Приданое невестам-караимкам // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9.
12. Программа испытаний на звание домашней учительницы караимского языка и Закона Божьего // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. № 2.
13. *Прохоров Д.А.* Религиозно-правовые аспекты брачно-семейных отношений и демографическая статистика в караимских общинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. // Новые исследования по еврейской истории: Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 42. М., 2012. Т. III.
14. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» им. Акбике Шапшал в г. Евпатории // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. № 2.
15. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» им. Акбике Шапшал // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1919. № 1.

Н.Д. Тотьянин

г. Череповец

Справедливый рейтинг президентов США

Аннотация. В статье рассматривается рейтинг президентов США, составленный в основном американскими историками в разное время.

Ключевые слова: общественное мнение, опросы, оценка экспертов, президенты США, справедливый рейтинг.

Возрастание роли президентской власти в политической системе США со времени Франклина Рузвельта обнаруживается весьма отчетливо. Это сказалось и на внимании, которое американцы стали уделять оценке своих президентов. Идут постоянные споры по этому вопросу. Общественное мнение не может считаться объективным, так как, судя по результатам ежегодных опросов, проводимых институтом Гэллапа, народ все же не очень хорошо знает своих бывших президентов. С 1999 г. самыми великими президентами он неизменно считает Джона Кеннеди и Рональда Рейгана, что, конечно же, не является правильным. Наиболее справедливыми в оценке степени их величия признаны ученые-историки, действительно знающие и понимающие всю историю [3, с. 414]. Определяя значимость первых лиц государства, они в первую очередь смотрят на их личные качества и исторические обстоятельства, при которых они действовали.

Самый известный первый рейтинг составил выдающийся историк Гарвардского университета Артур М. Шлезингер старший в 1948 г. Он провел опрос 55 именитых историков, которые должны были причислить каждого президента к одной из пяти категорий: «великие», «почти великие/близкие к великим (near great)», «средние», «ниже среднего уровня» и «неудачники (failures)». Шлезингер потребовал, чтобы учитывалась только их деятельность на посту президента, а не до и не после.

Исследование Шлезингера выявило то, что оценки историков оказались очень сходными. Шестерых президентов признали великими: Абрахама Линкольна, Джорджа Вашингтона, Франклина Д. Рузвельта, Вудро Вильсона, Томаса Джефферсона и Эндрю Джексона (именно в этом порядке). Теодора Рузвельта, Гроувера Кливленда, Джона Адамса и Джеймса Полка сочли почти великими. Всех остальных причислили к средним и к категории «ниже среднего», кроме Улисса Гранта и Уоррена Гардинга, которых назвали неудачниками [5, с. 65–66, 68, 73–74].

В 1962 г. Шлезингер повторил опрос, но с привлечением уже 75 историков, и получил почти те же результаты. Только Джексон был опущен в категорию «почти великих», а Гарри Трумэна, бывшего во время первого исследования президентом, тоже определили во вторую группу [6, с. 12–13, 40–41, 43].

Оценивая результаты опросов, историк сделал некоторые важные выводы. Он заключил, что «великие», кроме всего прочего, «попали править в удачный период времени» – все они были президентами в кризисные, поворотные периоды истории: Вашингтон – в период рождения республики, Джефферсон – в период экспансионистской политики, Джексон – при росте аграрной демократии, Линкольн – в период Гражданской войны, Вильсон – во время Первой мировой войны, а Ф. Рузвельт – во время Великой депрессии и Второй мировой войны. Эти периоды давали президентам реальные шансы для проявления их лучших лидерских качеств, которые в другие времена могли бы даже и не понадобиться.

Великие президенты, по Шлезингеру, имели также схожие личностные и политические качества, из которых особенно выделяются их моральные силы и страстное желание править. Каждый из них оставил офис президента в лучшем состоянии, чем при вхождении в него. Все они умели влиять на Конгресс США. С другой стороны, отметил Шлезингер, они не очень внимательно относились к своим обязанностям по управлению федеральными министерствами, но зато все они толерантно относились даже к очень резкой критике со стороны прессы.

«Почти великие», как считал Шлезингер, тоже имели многие качества «великих», но у них было меньше возможностей для их проявления, и они не показали себя столь сильными и решительными, как «великие». Это, по моему мнению, никак не относится к Джексону, которого со времени второго опроса, как правило, относят ко второй категории, во многом не признавая его деятельность правильной и справедливой (из-за его жесточайшего отношения к индейцам особенно).

«Средние» президенты, по заключению Шлезингера, находились в основном под влиянием Конгресса США, а при «неудачниках», Гранте и Гардинге, в Америке процветала коррупция.

Опросы Шлезингера вдохновили других ученых на продолжение подобных исследований. Однако все они в основном только подтверждали то, что обнаружил первый историк. Всё же некоторые оригинальные исследования привели и к новым результатам [1]. Так, например, в 2005 г. профессор социологии Джеймс Линдгрэн провел опрос ученых, разделив их поровну по партийной принадлежности на демократов и республиканцев, что ранее не учитывалось. Почти всё в основном подтвердило более ранние исследования, но оказалось, что демократы сочли Джорд-

жа Буша старшего шестым в списке слабых президентов, в то время как республиканцы – шестым в списке лучших [4]. Стало очевидно, что американцы склонны более высоко оценивать президентов, принадлежащих к одной с ними партии.

В 2012 г. журнал «Ньюсуик» попросил известных историков США определить десятерых лучших президентов начиная с 1900 года. Названы были следующие имена (в порядке значимости): Ф. Рузвельт, Т. Рузвельт, Л. Джонсон (рейтинг этого оригинального президента в последние два десятилетия растет), В. Вильсон, Г. Трумэн, Дж. Кеннеди, Д. Эйзенхауэр, Б. Клинтон, Р. Рейган и Б. Обама (впервые был назван в числе лучших) [2].

Президента Обаму в настоящее время исследователи больше всего ценят за коммуникабельность, широкие способности в целом, честность, правильные решения в кризисных ситуациях. Больше всего критикуют за отношения с Конгрессом, чрезмерную открытость (уважая при этом за честность) и некоторую безответственность. Сегодня, можно считать, он находится где-то на верхушке рейтинга президентов среднего уровня.

Таким образом, исследования показывают, что пятерка лучших президентов не меняется, хотя они постоянно меняются местами в рейтинге. Основными справедливыми специалистами по рейтингу президентов считаются историки, но в исследованиях участвуют также политологи, социологи, психологи, экономисты и пр. Главные стандарты, по которым эксперты чаще всего оценивают президентов, – это их моральная сила и страстное желание властвовать. Но имеются и другие важные критерии. Их всего не менее 20, такие как «семейное происхождение, качество образования и профессиональный опыт», «коммуникационные способности», «удачливость», «желание идти на риск», «управление экономикой США», «лидерские качества», «способность не допускать ошибок» и пр.

Литература

1. Historical rankings of Presidents of the United States. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Historical_rankings_of_Presidents_of_the_United_States (дата обращения: 10.04.2016).
2. From Franklin Delano Roosevelt to John F. Kennedy, Newsweek's 10 Best Presidents (Photos). The Daily Beast. September 24, 2012. Retrieved April 13, 2014. URL: <http://www.thedailybeast.com/galleries/2012/09/24/from-franklin-delano-roosevelt-to-john-f-kennedy-newsweek-s-10-best-presidents-photos.html#viewAll> (дата обращения: 12.04.2016).
3. The Presidency A to Z. Ed. By G. Peters, J. T. Wooley. Advisory editor M. Nelson. Wash., D.C.: CQ Press, 2008. XVIII.

4. Presidential Leadership; The Rankings. Wall Street Journal Online. September 12, 2005. Archived from the original on February 7, 2006. URL: <http://www.opinionjournal.com/extra/?id=110007243> (дата обращения: 12.04.2016).

5. *Schlesinger Arthur M.* Historians Rate the U.S. Presidents. Life. November 1, 1948.

6. *Schlesinger Arthur M.* Our Presidents: A Rating by 75 Historians. New York Times Magazine. July 1962.

З.В. Антонова

г. Череповец

К проблеме оценивания результатов труда студентов с ограниченными возможностями здоровья с точки зрения справедливости

Аннотация. С внедрением инклюзивного образования в вузах России увеличивается количество студентов-инвалидов и лиц с ОВЗ. Среди неоднозначных остаются морально-этические вопросы по оцениванию результатов работы таких студентов с точки зрения справедливости.

Ключевые слова: инклюзивное образование, высшая школа, студенты с ОВЗ, студенты-инвалиды, толерантность, адаптированность, оценивание результатов труда.

С внедрением инклюзивного образования, согласно Федеральному закону «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)», количество инвалидов и лиц с ОВЗ в школах и, соответственно, в вузах увеличивается [1]. Это говорит о большей открытости общества, где инвалид не должен прятаться от враждебного общества, а может использовать свой шанс на полноценную жизнь рядом с обычными людьми.

В нашем городе прилагается много усилий для адаптации инвалидов к активной социальной жизни. Большую роль в этом играет бюджетное учреждение социального обслуживания Вологодской области «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями „Преодоление”», открытый 18 декабря 1998 г. Работа с инвалидами ведется с самого раннего возраста (дефектологи и педагоги работают с малышами до года), что позволяет максимально адаптировать их и членов их семей.

Со своей стороны Череповецкий государственный университет готов к приему таких особенных студентов (в английском языке их называют

именно особенными «special children», подчеркивая не их ограничения, а их особенности). Об этом говорит и пандус у центрального входа в университет, и лифты, останавливающиеся на каждом этаже, и специально оборудованные туалеты, и указатели. На официальном сайте ЧГУ размещена информация для абитуриентов и студентов с ОВЗ, есть даже версия сайта для слабовидящих. И это лишь видимые признаки большого объема работы, которая проводится в нашем университете. В настоящее время здесь обучаются слабовидящие студенты, студенты с ДЦП и др.

По сравнению со здоровым студентом студент с ОВЗ затрачивает больше усилий на достижение одинакового результата. Причины ограничений возможностей таких студентов часто носят явный характер (ДЦП и пр.), но в отдельных случаях это не так заметно. Должно ли это как-то отражаться на оценке результатов его труда? На практике это выражается в индивидуальном подходе к каждому особенному студенту и в учете его особенностей. Форма проведения текущей и итоговой аттестации для студентов-инвалидов может быть установлена с учетом индивидуальных психофизических особенностей (устно, письменно на бумаге, письменно на компьютере, в форме тестирования и т.п.). При необходимости студенту-инвалиду может быть предоставлено дополнительное время для подготовки ответа на зачете или экзамене. Это вполне оправданно и справедливо.

С другой стороны, не должно страдать качество получаемых студентом знаний, умений и навыков. В противном случае страдает и репутация вуза, и будущая карьера такого студента. На практике это вполне достижимо. Несмотря на ОВЗ, студенты, поступившие в вуз, уже адаптированы (имеют опыт школьного образования) и, имея ряд ограничений, чаще тратят большую часть свободного времени на образование и самообразование (по механизму компенсации, стараясь повысить самооценку, добиваясь хороших и отличных результатов в учебе). На практике такие студенты часто готовы соответствовать требованиям, предъявляемым к другим студентам и даже показывать более серьезные результаты.

Практика работы со студентами, имеющими ОВЗ, в отдельных случаях требует внедрения дистанционного обучения (по крайней мере, его элементов), что успешно применяется в ЧГУ. Тем не менее дистанционное обучение не должно полностью заменять реальное общение. Именно общение со студентами-сверстниками, преподавателями, решение повседневных проблем в режиме реального времени и завоевание авторитета в группе позволяет человеку с ОВЗ решить свои собственные проблемы и найти свое место в обществе в настоящий момент и по окончании вуза.

Литература

1. Байрамов В.Д., Герасимов А.В., Тюрин А.В. Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в современной России. М., 2012.

С.Н. Глотова
г. Борисоглебск

Социальная справедливость в системе образования

Аннотация. В статье раскрыты причины обострения проблемы социальной справедливости в образовании в постсоветской России и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: социальная справедливость, образование, социальное неравенство, достойное существование.

В настоящее время в России происходят глубокие изменения во всех сферах общества. На глазах меняется общественное сознание, пересматривается система ценностей. И одной из важнейших сфер жизнедеятельности современного социума, отвечающей за воспроизводство его интеллектуальных ресурсов, ориентированной на обеспечение национальных интересов, является система образования. Данная система носит комплексный характер и связана не только с передачей знаний, но и с процессами социализации и воспитания, поскольку треть населения России учится, учит, повышает квалификацию, проходит переподготовку. Трудно переоценить значение образования, его реформирования, так как цели, содержание образования, степень его влияния на всех участников образовательного процесса определяют настоящее и будущее общества.

Одним из важнейших понятий, регулирующих отношения людей, является понятие справедливости. Оно относится к разряду вечных спутников человеческого общежития наряду с ценностями самой человеческой жизни, свободы и достоинства. Современное понимание социальной справедливости подразумевает доступ к «элементарным» благам современной цивилизации и удовлетворение основных потребностей человека в тех пределах, в каких их понимает общество, в котором он живет. Это значит, что, как бы ни был человек физически слаб, глуп, ленив или беден, он должен иметь доступ к современной медицине, информации, транспорту, личной безопасности, иметь прожиточный минимум пищи, одежды, жилья и равные условия в получении образования.

В Конституции РФ провозглашается право на образование, общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего специального образования, бесплатное на конкурсной основе высшее образование [1, ст. 43, п. 1, 2, 3], независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [2, ст. 5.2].

В течение многих десятилетий в России складывались и совершенствовались традиции системы образования, основанные на социальной справедливости и равенстве. Это означало, что образование на всех уровнях было бесплатным для обучающихся, а все учебные заведения содержались за счет государственного бюджета.

Однако в переломные периоды общественного развития, когда осуществляются глубокие социальные изменения, влияющие на историческую судьбу народа и государства, вопросы справедливости приобретают особую остроту. Таким периодом стали рыночные отношения в нашей стране, которые начинались под флагом углубления социальной справедливости. Их сердцевиной стала приватизация, в ходе которой заложена вопиющая социальная несправедливость, ставшая сегодня едва ли не главной приметой жизни нашего общества. Антигуманная направленность приватизации сказывается во многих сферах, прежде всего в образовании, культуре, здравоохранении. По сравнению с советским периодом жизни страны резко ограничен доступ граждан к получению знаний, к культурным ценностям, медицинскому обслуживанию. Целый ряд решений и законов, принятых высшим законодательным органом страны, несет прямой вред отечественному образованию. Прежде всего это Закон «О монетизации льгот», существенно затронувший образовательное законодательство, в результате чего были отменены налоговые льготы, значительно сокращены бюджетные места для студентов и т.д.; Закон «Об автономных учреждениях», предусматривающий дальнейшую коммерциализацию и приватизацию системы образования; Закон «О ЕГЭ», не соответствующий национальной культурной традиции.

Как отмечалось на Всероссийской педагогической конференции «Реформа образования: мифы и реальность» 30 сентября 2007 г., а также в ходе Общественных слушаний на тему «Куда идет российская образовательная политика: к обществу равных возможностей или социальному апартеиду?» (25 января 2008 г.), проведенных общественным движением «Образование для всех», дальнейшая модернизация образования по западным моделям ведет к деградации страны. Качественное образование становится уделом избранной когорты (дети олигархов, высокопо-

ставленных государственных чиновников и политических функционеров). Не за горами то время, когда диплом о высшем образовании будет доступен лишь тем, кто сможет оплатить обучение в вузе. И статистика тому подтверждение. Если в 2007 г. расходы на образование из бюджета страны выросли примерно на 32 %, то за следующие 3 года они увеличились лишь на 20 %, а в 2009 г. – всего на 1 % [4].

Либеральные реформы в области образования приводят к заметному снижению показателей духовной жизни общества, которое фиксируют результаты многочисленных исследований. Общественное сознание (в особенности это проявляется в молодежной среде) в значительной степени переориентируется с гуманистических идеалов на ценности материального благополучия. Экономическое неравенство является отражением неравных инвестиций в общее и профессиональное образование. В стране, строящей рыночную экономику, люди все более четко начинают сознавать, что социальная справедливость – это не равенство всех в нищете, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности отдельных личностей. Следует развести понятия: «справедливость» и «равенство», так как равенство может быть глубоко несправедливым. Это в полной мере относится к системе образования. Ведь если, к примеру, в начальной школе для всех (и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому «медведь на ухо наступил») существует единая норма – 45 минут в неделю урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость – ни по отношению к личности (не дает ей возможности развивать свои способности), ни по отношению к обществу (лишает его талантов и успехов, которые могли бы быть достигнуты этими талантами). Это псевдоравенство. Реформируя нашу систему образования (если говорить о подлинных реформах, а не тех псевдореформах, которые разрушают сложившуюся систему, но не создают лучшую), безусловно, следует изучить и использовать богатый опыт элитного образования США, Англии, Германии, Франции и, конечно же, опыт дореволюционной России. Но слепо копировать этот опыт нам не следует [5]. Необходимо поднимать стандарты качества, а не сокращать количественные показатели системы образования.

«Социальная несправедливость» в области образования заключается в том, что общество не может обеспечить высококачественного образования для всех граждан, которое позволило бы им быть конкурентоспособными на рынке труда. Это связано со многими причинами объективного и субъективного характера. К объективным причинам следует отнести, прежде всего, большие экономические затраты на учебные заведения, оборудование, высокую зарплату для учителей и т.д. К субъек-

тивным – неготовность и нежелание общества вкладывать деньги в образование лиц, неспособных оплачивать это образование самостоятельно. Разработка и реализация государственной политики в области образования в России на современном этапе определяется целым рядом документов нормативно-правового и программного содержания (государственные программы, федеральные целевые программы, приоритетный национальный проект и др.).

В результате реализации ПНПО созданы сеть федеральных университетов, бизнес-школы мирового уровня, системы стимулирования учителей и классных руководителей, осуществлена информатизация и интернетизация российской системы образования, обеспечивается поддержка талантливой молодежи, усовершенствована система школьного питания и т.д. Реализация инновационного варианта развития экономики предполагает увеличение общих расходов на образование, но государство не может взять всю нагрузку на себя. Необходимо повышение активизации бизнес-структур к софинансированию расходов на образование. По мнению руководителей муниципальных органов управления образованием, доля внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в школах сегодня составляет в среднем 5 %, в высшем профессиональном образовании – 30 %, в среднем профессиональном образовании – 20 % [3].

Система образования трансформируется не только под влиянием федеральной политики, но и в значительной степени подвержена влиянию изменений функционирования ее региональных систем. Поэтому эффективность воплощения национального проекта «Образование», как и любого другого государственного проекта, определяется, в первую очередь, поддержкой населения. Реализовать программу в целом возможно только при активном участии всех заинтересованных сторон: учителей и преподавателей, руководителей учебных заведений, территориальных органов управления образованием.

Образование само по себе – одно из прав человека, средство обучения и передачи знаний. Оно способствует формированию самобытности в мире, который характеризуется не только культурным разнообразием, но и процессами глобализации. Наивно полагать, что когда-то на земле воцарится социальная справедливость. Однако правительства стран могут максимально приблизиться к этому.

Литература

1. Конституция РФ. URL: <http://zakonbase.ru/konstitucija-rf/> (дата обращения: 16.02.2016).
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273

от 29 декабря 2012 г. с изменениями 2015 г. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 16.02.2016).

3. Жукова М.В. Современная государственная политика реформирования российской системы образования (политологический аспект). Ростов н/Д, 2015.

4. Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010.

5. Курс: Отечественная элита: история и современность – Элитное образование и социальная справедливость. URL: <http://www.madrace.ru/elitologiya/kurs-otechestvennaya-elita-istoriya-i-sovremennost/elitnoe-obrazovanie-i-sotsialnaya-spravedlivost> (дата обращения: 16.02.2016).

И.Н. Воробьева
г. Череповец

Социальная справедливость в системе ценностей работников промышленного предприятия

Аннотация. Анализируется социальная справедливость в системе ценностей работников промышленного предприятия по результатам социологического опроса, целью которого было изучение ценностных ориентиров работников разных статусных и возрастных групп. Выявляется взаимосвязь социальной справедливости с другими ценностями на основе корреляционного анализа.

Ключевые слова: социальная справедливость, равенство, традиции, промышленное предприятие.

Социальная справедливость – очень широкая категория, имеющая для каждого свой собственный смысл и понимание. Согласно мнению ряда авторов, содержательный смысл данной категории может меняться в зависимости от исторического контекста [1, с. 98–103]. Особо актуально изучение данной категории в условиях трансформации общечеловеческих ценностей, которое происходит в последнее время в современной России. В условиях несправедливости, ущемления прав значимость социальной справедливости как ценности растет.

Мы предлагаем рассмотреть, что представляет социальная справедливость для достаточно широкой категории населения России – работников промышленных предприятий. В сентябре 2015 г. на трех предприятиях «Объединенных машиностроительных заводов» был проведен опрос по изучению ценностей работников промышленного предпри-

ятия. Всего было опрошено 480 человек по квотной выборке, соответствующей возрастной и статусной структуре персонала управленческих структур на предприятиях. Особую значимость в исследовании носил блок изучения ценностей и ценностных ориентиров. Для его изучения работникам было предложено оценить 30 предложенных ценностей по 6-балльной шкале, где 1 – совсем не важно и 6 – очень важно, цифру 7 респонденты выставляли только тем ценностям из списка, которые для них особо значимы, и «-1» тем, которые для них особенно не важны. Одной из предложенных ценностей была «социальная справедливость».

Для изучения взаимосвязи категории социальной справедливости с другими ценностями мы воспользовались корреляционным анализом. В данном случае мы придерживались той установки, что человек, выбирая группу определенных ценностей как наиболее важных для себя, придерживается определенных принципов, и группа взаимосвязанных ценностей объясняет содержательный смысл друг друга. Корреляционный анализ в чисто математическом виде (мы выбрали только те переменные, которые имеют высокий коэффициент корреляции) выявил, что с социальной справедливостью как ценностью взаимосвязаны следующие ценности: мир красоты (красота природы и искусства), истинная дружба (близкие друзья, готовые поддержать), уважение традиций (соблюдение традиций, обычаев), равенство (равные возможности для всех), мир во всем мире (свобода от войны и конфликтов), социальный порядок (стабильность общества). То есть для людей, для которых социальная справедливость важна как ценность, также важны вышеприведенные ценности. Для более однозначного описания приведем таблицу сопряженности ответа на вопрос о важности социальной справедливости и важности равенства (табл. 1). В последней строке приведен коэффициент важности ценности «равенство» среди респондентов с разным уровнем важности категории «социальная справедливость». Мы видим, что для тех, кто обозначил, что им социальная справедливость не важна (оценил важность по шкале от 1 до 6 на 1–3), также не очень важно и равенство – индекс важности составляет от 2,9 до 3,4. А вот для людей, для кого важна социальная справедливость (отметили ее важность на 5 и 6), важно и равенство, индекс составил 4,2 и 4,7. Таким образом, мы эмпирически доказываем взаимосвязь данных параметров. В философском аспекте данные категории зачастую трактуются как взаимосвязанные, что мы можем видеть и в трудах современных авторов [2, с. 22–26], [3, с. 36–44].

Оценка важности ценности «социальная справедливость» в зависимости от оценки важности ценности «равенство (равные возможности для всех)», в % от кол-ва опрошенных

Важность ценности «равенство»	Важность ценности «социальная справедливость»							Общий процент
	1	2	3	4	5	6	7	
-1	0	0	2	0	1	2	0	1
0	14	11	3	1	3	2	0	4
1	0	21	3	2	5	2	0	4
2	14	11	15	12	3	3	0	7
3	43	5	31	17	15	6	0	15
4	14	37	25	24	21	16	6	20
5	14	0	10	22	33	28	13	24
6	0	16	11	21	17	34	56	22
7	0	0	0	2	2	6	25	3
Индекс важности	2,9	3,0	3,4	4,2	4,2	4,7	6,0	4,2

Также актуальным нам представляется тот аспект, что социальная справедливость взаимосвязана и с такими ценностями, которые являются общезначимыми для стабильного развития общества. Интересен тот факт, что выбор ценности «социальная справедливость» связан с выбором ценности «мир красоты». Получается, что человек, явно ощущающий социальную справедливость в обществе, имеет ощущение прекрасного и гармоничного. Обратим внимание и на такие категории, как уважение традиций и истинная дружба. Ценитель справедливости придерживается традиционных установок. Проследим это на примере взаимосвязи ответов респондентов (табл. 2). Для тех, для кого важна «социальная справедливость» (то есть отметили ее важность по шкале на 5 и 6), важно и «уважение традиций (соблюдение традиций, обычаев)» (коэффициент важности составил соответственно 4,0 и 4,8).

Содержательный смысл раскрывается и через те ценности, которые практически не взаимосвязаны с ценностью социальной справедливости. Мы выбрали посредством корреляционного анализа из списка 30 переменных те, которые наименее всего взаимосвязаны с данной ценностью (в математической интерпретации – имеют коэффициент корреляции, близкий к 0). Мы получили вполне прогнозируемые результаты. Для людей, для которых важна социальная справедливость, не значимы такие ценности, как социальная сила (контроль над другими, доминирование, господство), захватывающая жизнь (стремление к впечатлени-

ям), авторитетность (право быть лидером или командовать), удовольствие (удовлетворение желаний), богатство (материальные блага, деньги).

Таблица 2

Оценка важности ценности «социальная справедливость» в зависимости от оценки важности ценности «уважение традиций (соблюдение традиций, обычаев)», в % от кол-ва опрошенных

Важность ценности «уважение традиций»	Важность ценности «социальная справедливость (исправление несправедливости, забота о слабых)»							Общий процент
	1	2	3	4	5	6	7	
-1	0	5	2	1	1	0	6	1
0	14	0	0	0	0	2	6	2
1	0	5	5	2	2	2	0	3
2	0		15	7	10	1	6	7
3	71	47	25	17	16	8	0	17
4	14	16	25	32	31	19	0	25
5	0	11	23	31	32	33	19	29
6	0	11	7	10	9	35	44	17
7	0	5	0	1	0	1	19	1
Индекс важности	2,7	3,6	3,6	4,1	4,0	4,8	4,9	4,2

В результате анализа нами был рассчитан уровень важности ценностных установок для разных возрастных групп населения (табл. 3). В таблице приведены только те ценности, которые значимы в контексте данной статьи. Мы выстроили рейтинг ценностей в порядке убывания для молодежи (категория 26–30). В общем списке социальная справедливость находится на 6-м месте. Мы видим явную тенденцию: чем моложе респондент, тем менее значима для него социальная справедливость. Та же самая закономерность прослеживается с теми ценностями, которые связаны с социальной справедливостью – уважение традиций, социальный порядок, мир красоты. Чем старше работник, тем важнее для него данные ценности, и они наименее важны у молодого поколения, что само по себе не может вызывать опасений. А вот ценности «богатство», «захватывающая жизнь (стремление к впечатлениям)», «удовольствие (удовлетворение желаний)» с возрастом становятся все менее важными.

Индекс важности ценностей в зависимости от возраста

Ценности	Возраст, лет						
	До 25	26-30	31-35	36-45	46-55	56-60	Старше 60
Смысл жизни (наличие целей в жизни)	4,8	5,5	5,4	5,4	5,2	5,6	5,1
Истинная дружба (близкие друзья, готовые поддержать)	5,0	5,0	5,1	5,2	5,3	5,1	5,3
Богатство (материальные блага, деньги)	4,1	4,8	4,6	4,9	4,6	4,1	4,4
Вежливость (предупредительность, хорошие манеры)	4,1	4,7	4,6	4,7	4,8	4,7	5,1
Мир во всем мире (свобода от войны и конфликтов)	4,6	4,7	4,7	5,1	5,6	5,7	5,9
Социальная справедливость (исправление несправедливости, забота о слабых)	3,9	4,3	4,0	4,5	4,8	5,1	5,3
Равенство (равные возможности для всех)	4,2	4,3	4,2	4,1	4,1	4,4	4,9
Социальный порядок (стабильность общества)	4,3	4,3	4,7	5,0	5,4	5,3	5,8
Удовольствие (удовлетворение желаний)	4,5	4,3	4,2	3,7	3,9	3,8	3,3
Социальное признание (одобрение и уважение со стороны других)	3,9	4,3	4,3	4,6	4,5	4,7	4,9
Креативность (уникальность, богатое воображение)	4,3	4,0	3,8	3,6	3,5	3,8	3,8
Захватывающая жизнь (стремление к впечатлениям)	4,4	4,0	3,7	3,8	3,6	3,1	3,3
Мир красоты (красота природы и искусства)	3,5	3,9	3,5	4,0	4,4	4,3	4,9
Чувство принадлежности (ощущение, что другие небезразличны ко мне)	3,6	3,7	3,7	3,9	3,9	4,1	4,3
Уважение традиций (соблюдение традиций, обычаев)	3,5	3,5	3,9	4,4	4,5	4,6	4,6
Авторитетность (право быть лидером или командовать)	3,9	3,3	3,8	3,5	3,0	3,0	2,9

Таким образом, корреляционный анализ позволил нам выявить те ценности, которые наиболее связаны с социальной справедливостью. Согласно полученному массиву социологических данных, это: мир красоты (красота природы и искусства), истинная дружба (близкие друзья, готовые поддержать), уважение традиций (соблюдение традиций, обычаев), равенство (равные возможности для всех), мир во всем мире (свобода от войны и конфликтов), социальный порядок (стабильность общества). Наименее связанные ценности: социальная сила (контроль над другими, доминирование, господство), захватывающая жизнь (стремление к впечатлениям), авторитетность (право быть лидером или командовать), удовольствие (удовлетворение желаний), богатство (материальные блага, деньги).

Литература

1. *Халбашиев А.В.* «Социальная справедливость» как политическая ценность между традицией и модерном // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6.
2. *Васькина О.Э.* Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8.
3. *Шевченко А.А.* Социальная справедливость в условиях кризиса // Ценности и смыслы. 2013. № 3 (25).

Т.В. Пахолкова
г. Череповец

Жены репрессированных в поисках справедливости

Аннотация. Открываются неизвестные страницы судеб некоторых женщин, чьи мужья стали жертвами политического террора. Через их тяжелую участь показана несправедливость политики власти в 30-е годы прошлого столетия.

Ключевые слова: репрессии, лишение избирательных прав, выселение, заявления, справедливость.

Репрессии 30-х годов в Череповецком районе – тема, требующая детального рассмотрения. Особенно недостаточно представлены узко территориальные материалы. Надеемся, что наша статья дополнит списки лиц, пострадавших в эти годы. Речь пойдет о женщинах, разделивших суровую участь своих мужей. Исследование основано на архивных

данных и воспоминаниях родственников репрессированных по Гришкинскому сельсовету Череповецкого района.

За какую справедливость и с кем боролась тогда советская власть? Не только с так называемыми эксплуататорами, но и с их женами и детьми. Сколько женщин остались без средств к существованию с детьми на руках, в тяжелых сельских условиях начала XX века! Как сложилась судьба разрушенных властью семей? Как выдержали жены и дети «справедливую», по мнению власти, меру наказания для их семей? Приводим данные из списков лишенных избирательных прав по Гришкинскому сельсовету [1]:

– **Лебедева Павла Клементьевна**, 1873 г.р., жена «врага народа». Дом продан, муж – в ссылке, умерла в 1933 г.

– **Яшукова Анна Степановна**, 1862 г.р., жена «торговца». Все мужчины из семейства Яшуковых и дочь 1905 г.р. Надежда Степановна вынуждены были все бросить и выехать в Ленинград, осталась в селе одна Анна Степановна и дочь **Галина Макарова** 1902 г.р.

– **Дегтярева Пелагея Андреевна**, 1876 г.р., жена «торговца». Дегтярева Клавдия Николаевна 1908 г.р., дочь, и Дегтярева Зоя Ивановна 1902 г.р., жена сына торговца. С тех пор как дом Дегтяревых отдали под Гришкинскую школу [4, л. 5], судьба семьи неизвестна.

– **Митина Марья Ивановна** выехала в Весъегонск, муж Митин Кирик Иванович, «как сын купца, скрывается в Московской области с 1927 года».

– **Савкина Мария Александровна** 1870 г.р., жена «торговца» Савкина Матвея Петровича; Савкина Елизавета 1906 г.р., жена сына Степана Матвеевича; Савкина Надежда Макаровна 1895 г.р., жена сына Федота Матвеевича 1871 г.р.

– **Петрова Анна** – дома с малолетней дочерью Петровой Клавдией Николаевной, 1918 г.р. в д. Тыново. Муж Петров Николай Павлович умер в 1934 году.

– **Романова Авдотья Прокопьевна** 1866 г.р., умерла сразу после смерти мужа в 1934 году.

– **Семенова Павла Яковлевна** 1878 г.р. (урожденная Павлинова), была выслана как жена дьякона. Дети успели разъехаться: Ольга 1902 г.р. – в Ленинград; Зоя 1908 г.р. вышла замуж в д. Глины; Юлия 1911 г.р. уехала в Тверь. 1930 г.: *«Лишить прав Семенову Юлию Никаноровну 1917 г.р., дочь дьякона, и Завьялову Акулину Мартиловну 1875 г.р. как монашку»* [4, л. 57]. В 1941–1942 годах Семеновы появляются среди эвакуированных в Гришкинском сельсовете: Семенов Никанор Семенович 1875 г.р., Павла Яковлевна 1878 г.р., внучка Валентина была в детский дом [6].

О репрессиях семей служителей культа Орловых [3, с. 126], Семеновых, монахини Авраамии (в миру Акилина Мартирьевна Завьялова) и Агрипине Георгиевской, жене псаломщика Гришкинской церкви сведения содержатся в отдельной статье [2, с. 25–27].

– **Левина Пелагея Ивановна** 1892 г.р., жена самого крупного землевладельца Левина Михаила Кузьмича 1892 г.р., была осуждена вместе с мужем. Лишены нарсудом пользоваться имуществом 6 лет и осуждены на 1 год и 4 месяца лишения свободы. Следы Левиных потерялись в Московской области [1].

– **Осаркова Марья Петровна** 1871 г.р. (в девичестве Тетюева из д. Гавино) как жена Николая Денисовича Осаркова, сына бывшего землевладельца, активно защищалась после его смерти в 1930 г. Были не просто выселены, но и осуждены так же, как жены землевладельцев, Осаркова Капитолина Алексеевна 1877 г.р., Осаркова Анастасия Михайловна 1895 г.р. На Осаркову Марью Петровну было заведено отдельное дело, разбирательство длилось почти 7 лет. Марья Петровна лишалась недвижимости, имущества и права проживания в усадьбе с. Бекетово. Женщина уже из г. Череповца из квартиры сына боролась за свои права. В 1933 году она писала М.И. Калинин, Н.К. Крупской [1, л. 21, 29]. 24 февраля 1930 г. было принято решение: имущество передать колхозу и выселить за пределы Гришкинского сельсовета все вышеуказанные семьи [4].

Примером женской преданности и самоотверженности явилась судьба **Евдокии Кирилловны Тюлюковой**. Раскулачивание активно пошло в 30-е годы, ей было уже за 50. Дети были уже взрослые, успели выехать в Ленинград и Весьегонск, избегая репрессий. Муж, Тюлюков Василий Дмитриевич, не мог и поверить, что ему придется расстаться с родной землей. Односельчане поддерживали добросовестного труженика [2, с. 25–27].

Тем не менее контрольная цифра по раскулаченным проглотила и эту семью. Никакие справки из сельсовета не помогли. В списках лишенцев наряду с мужчинами оказались и Тюлюкова Евдокия Кирилловна – жена Василия Дмитриевича, Тюлюкова Людмила Васильевна – его дочь, и жена сына Тюлюкова Лидия Дмитриевна. Семейные архивы хранят подробности тех тяжелых лет.

Евдокия и Василий с большим достоинством переносили такое тяжкое испытание. Оставляли по две вещи на человека: 2 рубашки, 2 платка, 2 юбки и т.д. В 1932 году приехал уполномоченный, Василия посадили в сани и по зимнику увезли в Кадуи на железную дорогу. Одежка была совсем плохонькая, все отобрали. Никто не знал, жив он или мертв.

Успокоились немного, узнав, что жив и что не на каторжных работах в шахтах или лесоповале. Через некоторое время получает Евдокия прощальное письмо от мужа, что недолго ему осталось. Многих из их барака подкосила цинга. <...> Уже через неделю после получения письма она сидела у изголовья Василия в бараке.

<...> Василий уже не мог подняться, на работу не ходил, как, впрочем, и почти половина из их барака. Зрелище было жуткое. Кашель от начинающейся чахотки, смрад, гной, распухшие от цинги десны источали кровь и гной, рты не закрывались. Люди гнили заживо. <...>

Евдокия начала лечить своего мужа. Заваривала травы для полоскания и питья в кружке, хвою с салом в чугушке. Протирала натонко чеснок и лук, чтобы можно было проглотить с похлебкой при такой запущенной цинге. Через несколько дней рот стал закрываться, цинга понемногу отступала. Опухоль с десен спала, Василий начал есть самостоятельно.

Евдокия теперь уже в ведре заваривала хвою и травы для других ссыльных и начала их лечить. <...>

Затем Евдокия задумала приодеть ссыльных потеплее. <...> Парусины с кораблей выбрасывали много, с материалом проблемы не было. Ссыльные под руководством и с помощью «спасительницы» Евдокии уже через 3 недели ходили в обновках.

<...> Прожила Евдокия в Мурманске около двух лет, пока не помиловали Василия.

Вернулся Василий в родную деревню вместе с Евдокией, конечно, не в свой дом, а в дом сватов, где жила его дочь Клавдия. Ссылка не прошла бесследно. Здоровье было подорвано, хозяйство разрушено. Василий так и не смог оправиться после тяжелых испытаний. Сегодня Василий и Евдокия Тюлюковы рядом друг с другом покоятся на земле предков [5].

Справедливо ли было назначать такую кару людям, большая часть которых своим трудом научились жить чуть лучше других? Разве женщины и дети должны были страдать до конца жизни, лишившись кормильцев? Может ли справедливость зависеть от времени, в которое довелось жить? Могут ли сегодня одни, а завтра другие люди присваивать себе право решать, что справедливо, а что нет?

Литература

1. Личные дела лишенных избирательных прав по Гришкинскому сельсовету. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 142. Оп. 1. Д. 2–22.

2. Пахолкова Т.В. «Враги народа» 30-х годов: региональный контекст // Проблемы толерантности: история и современность: Материалы Междуна-

родной научной конференции (Череповец, 16–18 апреля 2015 г.). Череповец, 2015. С. 25–27.

3. Пахолкова Т.В. «Я прошу у власти только справедливости» // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Череповец, 26 марта 2015 г.). Череповец, 2015. С. 126.

4. Протоколы заседаний пленумов и заседаний президиума исполнительного комитета Гришкинского сельсовета. ЧЦХД. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1, 15, 25, 26, 32–34, 38, 45–46.

5. Сведения от Л.В. Кораблевой, правнучки Е.К. Тюлюковой.

6. ЧЦХД. Ф. 142. Оп. 1. Д. 79. Эвакуированные в Гришкино, Тыново, Сергеево на 1941–1942 гг.

В.А. Квашинин, Т.Ю. Сухондяева
г. Вологда

Шестнадцатая республика

Аннотация. Эта статья посвящена вопросам национально-территориального размежевания в СССР, которые получили актуальность в контексте процессов, происходящих в постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется истории создания шестнадцатой республики СССР и приграничных с ней территорий.

Ключевые слова: национально-территориальное устройство, национальный вопрос, «коренизация» регионов.

Разразившийся в 2015 г. в Европе миграционный кризис имеет один аспект, практически ускользнувший от внимания различного рода экспертов, политологов и СМИ: ставший неожиданным для властей ЕС наплыв беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока ставит вопрос о поразительной неэффективности как соответствующих европейских структур и учреждений, так и различного рода стереотипов и идеологем, старательно насаждавшихся на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий, и которым в нашей стране придавалось едва ли не нормативное значение. И с другой стороны, это позволяет увидеть достаточно эффективную работу государственных структур РФ, сумевших «переварить» за очень небольшой срок более чем миллионный поток беженцев, хлынувших с территории Украины. Как можно заметить, речь идет о сравнимых цифрах (более миллиона человек). Конечно, в случае ЕС следует учитывать огромный культурно-цивилизационный разрыв между жителями европейского континента и его новыми обитателями. Однако и появление в РФ беженцев из «братской» Украины не

было безболезненным. Недовольство людей вызывало то, что многие беженцы ведут себя вызывающе, не хотят работать, склонны к асоциальному образу жизни. Почти три десятилетия, проведенные в отрыве от «материнской» культуры и государственности, не могли не повлиять на мировосприятие, поведенческие стереотипы и систему ценностей жителей Донбасса и Луганщины. В то же время нельзя не упомянуть о том, что большинство из тех, кто проживал на территории Донбасса до 1991 г., не делали сознательного выбора в пользу «самостийной» Украины. Произойти это могло и с другими русскими регионами, что мы и попытаемся показать на примере только одной области.

Согласно статистическим данным, на первом месте среди регионов России по доле проживающего на его территории русского населения стоит Вологодская область (96,5 % русских). Таким образом, это не просто область в составе РФ, а «образцово-русская» область. Между тем у Вологодской области – если не у всей, то, по крайней мере, у значительной ее части – был шанс повторить судьбу русского населения «Украины».

I. ЗАБЫТАЯ РЕСПУБЛИКА.

Для того, чтобы оценить возможность подобной перспективы для Вологодской области, вспомним, что на фасаде Главного павильона ВДНХ среди медальонов с гербами союзных республик находится один пустой. Знаменитый фонтан «Дружба народов», расположенный там же, окружает не 15, а 16 женских фигур, символизирующих союзные республики. Кроме того, на территории ВДНХ легко можно обнаружить 16-й павильон (архитектор Ф.И. Рехмуков при участии А.Я. Резниченко), открытый в 1954 г.

Речь идет о почти позабытой ныне Карело-Финской ССР, существовавшей в статусе союзной республики с 31 марта 1940 г. по 16 июля 1956 г. Непосредственным поводом к созданию «Карело-Финляндии» стал вооруженный конфликт между СССР и Финляндией, вылившийся в знаменитую «зимнюю войну». Сразу же по ее завершении и присоединении к СССР части приграничных территорий, полученных по Московскому мирному договору, 31 марта 1940 г. в Москве состоялась VI сессия Верховного Совета СССР. На ней был принят закон о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики РСФСР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику и о передаче КФСР большей части перешедших от Финляндии территорий. В состав КФСР была включена большая часть Выборгской губернии (территории на Карельском перешейке и в Северном Приладожье), а также территория Салла-Куусамо. В итоге КФСР стала на тот момент 12-й союзной республикой СССР, в связи с чем были внесены изменения в Конституцию СССР. Столицей новой респуб-

лики стал (точнее остался) город Петрозаводск. Явной целью создания Карело-Финской ССР было «восстановление исторической справедливости» и воссоединение «разделенного финского народа», что на практике должно было означать в перспективе поглощение оставшихся вне юрисдикции КФСР территорий, населенных финским населением. Прямой аналогией является создание Молдавской АССР в составе «Украины», которая стала базой для создания новой союзной республики после присоединения в 1940 г. Бессарабии. Точно так же наличие Белорусской ССР и Украинской ССР стало основанием для включения в состав СССР территорий, преимущественно населенных белорусами и украинцами. Не следует исключать и возможности того, что создание Карело-Финской ССР было средством поддержания надлежащей лояльности со стороны финских властей и должно было служить постоянным напоминанием правительству Финляндии о необходимости придерживаться соответствующего внешнеполитического курса. Грубо говоря, дальнейшее решение вопроса о «разделенном финском народе» зависело от конкретных условий и обстоятельств и могло быть как реализовано путем создания единой советской Финляндии, так и отложено на неопределенный срок. В любом случае, ещё 1 декабря 1939 г. на территории СССР было провозглашено правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР), состоявшее из коммунистов и возглавленное Отто Куусиненом, который и стал лидером КФСР.

Любопытно, что после создания Карело-Финской ССР Мурманская область стала анклавом по отношению к территории РСФСР. Ради справедливости следует отметить, что это лишь зафиксировало проблему, существовавшую и ранее, поскольку до 1938 г. Мурманский округ был эксклавом Ленинградской области, не соединенным по суше с ее территорией, так же как и Крымская область. После того как в 1946 г. часть Восточной Пруссии была преобразована в Калининградскую (первоначально Кенигсбергскую) область, появляется третий анклав. При этом необходимо уточнить, что указанные области были анклавами (точнее, эксклавами или даже полуэксклавами) только по отношению к РСФСР, что на тот момент времени не играло существенной роли в связи с тем, что внутренние границы СССР фактически являлись административными. Тем не менее до прихода к власти Н.С. Хрущева Советское правительство не шло на передачу этих территорий союзным республикам. Конец союзной «Карело-Финляндии» был сколь быстрым, столь же тихим и бесславным. Изменение статуса КФСР стало одним из козырей в борьбе за статус послевоенной Финляндии. На 1954–1955 гг. приходится «улучшение» отношений между Финляндией, возглавляемой президентом Ю.К. Паасикиви, и СССР, во главе которого уже достаточно твердо стоял Н.С. Хрущев, что предполагало опреде-

ленные уступки со стороны СССР. 1 января 1956 г. Советский Союз досрочно возвращает Финляндии полученную им по условиям Московского перемирия 1944 г. территорию Порккала, одобряет нейтральный статус Финляндии и не препятствует ее вступлению в ООН. Преобразование КФСР должно было показать финскому правительству отсутствие у СССР агрессивных намерений в отношении Финляндии и одновременно положить конец попыткам вновь поднять вопрос о пересмотре границ и возвращении части Карелии (так называемый «карельский вопрос»). В итоге 16 июля 1956 г. Карело-Финская ССР была официально вновь понижена в статусе до автономной республики в составе РСФСР. Примечательно, что при этом из ее названия исчезло слово «финская» – новообразованный субъект получил название «Карельская АССР».

II. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЛИХОРАДКА.

В самой русской области РСФСР шла нескончаемая череда административно-территориальных преобразований. Еще в январе 1929 г. Северо-Двинская и Вологодская губернии вошли в состав новообразованного Северного края. В соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 января 1929 г. было принято решение образовать с 1 октября 1929 г. на территории РСФСР Северный край путем объединения Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний, а также автономной области Коми (зырян). 14 января 1929 г. в крае был образован Вологодский округ с центром в городе Вологде, в состав которого вошли следующие районы: Вожегодский, Вологодский, Грязовецкий, Кокшенгский, Кубено-Озерский и др. 23 июля 1930 г. было упразднено окружное деление в крае, в связи с чем 30 июля 1931 г. был ликвидирован ряд районов: Верховажский, образованный в 1929 г. в составе Няндома округа Северного края (территория передана Вельскому району); Сямженский (вошел в Тотемский и Харовский районы); Кокшенгский и Сухонский (их территория вошла во вновь образованный Нюксенский район); Толшменский (вошел в Тотемский и Шуйский районы); Рослятинский (присоединен к Леденгскому району). 20 сентября того же года процесс был продолжен: ликвидированы Абакановский (территория передана Череповецкому и Кадуйскому районам); Уломский (территория передана Череповецкому району и Весьегонскому району Калининской области); Николо-Торжский (присоединен к Кирилловскому району) районы. На этом, однако, административные преобразования не закончились.

5 декабря 1936 г. VIII чрезвычайным съездом Советов СССР была принята «сталинская» Конституция СССР. В соответствии со статьей 22 новой Конституции Северный край был упразднен, а на его террито-

рии образованы Северная область и Коми АССР. В результате восточная часть современной Вологодской области вошла в состав Северной области. Административно область делилась на 54 района, в том числе три района Ненецкого национального округа. Просуществовала, правда, Северная область совсем недолго, менее года: с 5 декабря 1936 г. по 23 сентября 1937 г. В связи с разделением 23 сентября 1937 г. Северной области на Вологодскую и Архангельскую, из Ленинградской области были переданы в Вологодскую г. Череповец и 18 районов. Следует отметить, что административная горячка затронула и Карело-Финскую ССР, хотя там она протекала менее бурно. В 1944 г. Выборгский и Кексгольмский (Приозерский) районы были переданы из состава КФСР в состав РСФСР и вошли в Ленинградскую область. В 1952 г. Карело-Финская ССР была разделена на 2 округа – Петрозаводский и Сегежский, однако в следующем году они были упразднены. В том же 1953 г. в состав Мурманской области было передано село Алакургити, а в 1955 г. – поселок Куоляярви. Также в 1955 г. был упразднен Кестеньгский район.

III. КОРЕННОЙ НАРОД САМОЙ РУССКОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ.

Более двух десятков лет имел место непрерывный процесс перекраивания внутренних границ бывшей территории Российской империи, за которым очевидно проглядывает поиск оптимальных форм организации новых административно-территориальных единиц в составе СССР. Одним из последствий этого процесса стало включение районов и целых областей с преимущественно русским или смешанным (но с преобладанием русского) населением в состав новообразованных союзных республик, таких как «Украина» или «Казахстан», до этого момента, в отличие даже от Средней Азии, никогда не обладавших собственной государственностью. В том, что Вологодчина не повторила их судьбу, можно усмотреть историческое везение. А ведь всё могло быть по-другому.

Если взглянуть на карту Карело-Финской ССР в ее границах 1940–1956 гг., то можно заметить, что к Прионежскому региону, который большей частью находится в составе Карелии, примыкают северо-западные районы Вологодской области. В связи с этим возможность того, что во время очередной административно-территориальной реформы современный Вытегорский район Вологодской области (вместе с Подпорожским районом Ленинградской области) могли быть включены в состав Карело-Финляндии, достаточно высока. Результатом стало бы формирование единого «народо-хозяйственного комплекса» вокруг акватории Онежского озера, что вполне соответствовало логике государственного строительства в СССР.

Однако нельзя исключать возможность и более масштабного включения земель Вологодской области в состав КФСР. Связано это с тем,

что на территории Вологодчины проживает «коренной» финноязычный народ – вепсы (самоназвание – *vepsä*). До 1917 г. вепсы официально именовались «чудью». В русских деревнях и в бытовой речи по отношению к ним употреблялись названия «чухари» и «кайваны», которые имели иронический, хотя и не уничижительный оттенок. Любопытно, что до того момента, как Советская власть взялась за них, древнейшее самоназвание «*вепся*» почти не фиксируется, поэтому можно говорить о том, что этноним «вепсы» получил распространение уже в советское время. Учеными выделяются три этнографические группы вепсов: северные (прионежские) вепсы, проживающие на юго-западном побережье Онежского озера (юг Карелии); средние (оятские) вепсы – в верхнем и среднем течении р. Оять (северо-восток Ленинградской области и северо-запад Вологодской области); южные вепсы – на южных склонах Вепсовской возвышенности (восток Ленинградской области и северо-запад Вологодской области).

Несмотря на то что численность вепсской народности не велика (в 1939 г. в Карелии проживало 9 388 чел., в Ленинградской области – 15 343 чел., в Вологодской области – 4 976 чел.), этот фактор мог стать решающим. Дело в том, что в 1920-30-е гг. в рамках политики «коренизации» в местах их компактного проживания были созданы вепские национальные районы (Винницкий в Ленинградской области и Шёлтозерский в Карелии), а также вепские сельские советы и колхозы. В начале 1930-х гг. началось внедрение преподавания вепского языка и ряда учебных предметов на этом языке в начальной школе, появились учебники вепского языка на основе латинской графики. В 1937 г. этническая территория проживания вепсов была поделена между Ленинградской и Вологодской областями, поэтому присоединение к Карелии части районов Вологодской и Ленинградской областей могло быть обосновано не только экономически, но и соображениями национальной политики, проводившейся Советским государством.

То, что русское население Вологодчины не повторило судьбу Донбасса и Слобожанщины, которые должны были способствовать «пролетаризации» сельской по преимуществу «Украины», по большому счету, связано с тем, что индустриализация обошла этот северо-западный регион. Однако отсутствие промышленно развитых районов и городского рабочего населения с лихвой компенсировалось тем, что по западным районам Вологодской области проходит берущий свое начало в Онежском озере Волго-Балтийский канал, важнейшее гидротехническое сооружение, созданное на северо-западе России. Думается, что если бы дальнейшее построение КФССР в послевоенные годы было сочтено советским руководством необходимым, судьба Вологодчины как области в составе РСФСР была бы сочтена. Территориальное и хозяйственное

тяготение этого региона к «Карело-Финляндии» вкупе с наличием национального финноязычного меньшинства могли сыграть злую шутку. Правда, судя по карте и тяготению советских властей к рационализации национально-территориального межеевания, территория Вологодской области была бы разделена примерно посередине: западная часть могла войти в состав Карело-Финляндии, а восточная, скорее всего, вновь включена в состав Архангельской области. Тогда новая административная граница должна была проходить по западным границам Вожегодского, Харовского, Сокольского, Междуреченского и Грязовецкого районов. Другое дело, что заключение перемирия с Финляндией и общие геополитические итоги Второй мировой войны отодвинули проект «советской Финляндии» на второй план, сделав его неактуальным.

IV. «КАРЕЛО-ФИНЛЯНДИЯ» НА ВОЛОГДЕ.

Каковы были бы последствия включения территорий Вологодской и частично Ленинградской областей в состав КФСР? До 1991 г. почти незаметными, хотя определённые перемены, безусловно, имели бы место. Подобно ползучей «украинизации», имевшей место еще во времена существования УССР, с малого – дублирования названия населенных пунктов и улиц – началась бы «карелизация» и «офиннивание» русских территорий. Новая реальность, даже будучи плодом административно-территориальных реформ, став юридически закреплённой, поздно или рано воплощается в социальной действительности. Началось бы всё, как уже было сказано, с малого – введения карельского (финского) в качестве дополнительного языка в школе, создания различных центров и творческих союзов по развитию вепсского языка и культуры, специализированных факультетов для финноязычных студентов – с перспективой постепенного перехода в делопроизводстве и общественной жизни к двуязычию. Прямым следствием всего этого стало бы формирование к началу 90-х гг. старательно выращенной и взлелеянной государством национальной элиты (наиболее талантливую часть которой составляли бы русские по своему происхождению интеллектуалы), естественно, настроенной радикально антирусски и антисоветски, как это имело место, например, в Прибалтике.

Новый – и качественно иной – темп перемены приобрели бы начиная с декабря 1991 г. В результате беловежского сговора, вылившегося в сепаратистский мятеж трех славянских республик (в этой связи следует обратить внимание на отсутствие юридически корректного термина, связанного с расчленением СССР, поскольку «распад», «развал», «исчезновение» – термины публицистические, а не правовые), «Карело-Финляндия» получала все шансы на то, чтобы пуститься в самостоятельное плавание. Заложенный во все союзные конституции СССР

принцип свободы самоопределения народов был юридически закреплен в праве выхода республик из состава страны, что помимо прочего предполагало наличие у них международной правосубъектности. Таким образом, начавшийся вслед за мятежом руководителей РСФСР, УССР и БССР «парад суверенитетов» делал неизбежным обретение «Карело-Финляндией» независимости. Вместо Российской Федерации ее жители стали бы гражданами нового государства – Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta со столицей в городе Petroskoi (Петрозаводск).

Дальнейшее ее существование предполагает наличие нескольких возможных вариантов развития. С одной стороны, очевидно просматривается «молдавский сценарий», когда новый субъект международного права берет курс на воссоединение с «исторической родиной», естественно, не испытывая при этом ни малейшего желания учитывать волю русского населения (думается, что обозначать его как русскоязычное было бы некорректно, поскольку по состоянию на 1991 г. практически все население теперь уже бывшего СССР было в той или иной степени русскоязычным). При этом, однако, в силу разных причин вряд ли имел бы место «приднестровский вариант». Опыт прибалтийских республик показывает, что достаточно многочисленное русское население так и не смогло там организовать политически, чтобы иметь возможность отстаивать свои законные права и интересы. Большую роль здесь сыграли и надежды со стороны наиболее активной и интеллектуально продвинутой части местного русского сообщества тихой сапой проникнуть в пространство Европейского Союза, что порождало с их стороны откровенно соглашательскую и коллаборационистскую позицию. С другой стороны, Финляндия, скорее всего, не спешила бы с поглощением новых территорий, как бы заманчиво это ни было с первого взгляда. Необходимость «переварить» новое экономическое пространство и его многочисленное население в этом случае предполагало перестройку всей инфраструктуры, в том числе социальной, что легло бы неподъемным грузом на ее экономику. Куда более выгодной была бы скрытая колонизация и эксплуатация «Карело-Финляндии» с постоянным подогреванием надежд на предстоящую интеграцию. Это позволило бы, не тратя огромные средства на модернизацию хозяйства и социальной системы «братской республики», прибрать к своим рукам ее сырьевые ресурсы, по дешевке скупив все самое ценное и ограничившись подкармливанием государственных чиновников и правильно ориентированной интеллигенции, по преимуществу состоящей из русских коллаборационистов и приспособленцев. Таким образом, превращение бывших русских территорий в часть «финского мира» осуществлялось бы по-прибалтийски: через медленное, но неуклонное сокращение русских школ, гимназий и детских садов, закрытие оппозиционно настроенных русских СМИ, из-

менение этнокультурного ландшафта – искоренение памятников русско-советского прошлого, и напротив, всяческое подчеркивание финско-вепсского следа в истории Вологодчины.

При этом нет никаких оснований думать, что тенденция, связанная с сокращением доли русского населения в бывших союзных республиках, обошла бы стороной и «русскую Финляндию». Наверное, всё было бы не так трагично, как в Казахстане, где в 1989 г. на 6 млн. 536 тыс. казахов приходилось 6 млн 228 тыс. русских, а в 2011 г. уже на 10 млн 527 тыс. казахов – всего 3 млн 753 тыс. русских, но уменьшение общего числа русскоговорящих не заставило бы себя ждать.

V. ИТОГИ.

Осмысливая исторический опыт национального строительства в СССР, необходимо видеть как положительные, так и отрицательные его моменты. Не вызывает сомнений, что в основе советского национально-го строительства лежал негласный принцип замалчивания и задвигания интересов большой России, стыдливо спрятанной под вывеской РСФСР. Следствием этого стало строительство на русской цивилизационной основе образцового советского и подчеркнуто нерусского государственного образования, получившего название «Украина». Накачка его материальными и людскими ресурсами, ускоренная индустриализация (и все это в условиях наличия самых плодородных земель Восточной Европы), создание самой современной на тот момент социальной инфраструктуры давали все основания надеяться на успех. Одновременно с масштабной индустриализацией нового советского колосса шла где скрытая, где явная дерусификация под флагом украинизации таких русскоязычных регионов, как Новороссия, Донбасс, Слобожанщина, а также городского населения Малороссии. Однако, если могла быть создана южная (по отношению к материнской основе) «Украина», то почему не могла существовать северная «Украина» в форме Карело-Финской ССР, хотя бы в качестве параллельного проекта? Это всего лишь вопрос геополитики, целесообразности и случая.



Реализация социальной справедливости в виртуальном пространстве

Д.С. Лукина, Т.В. Некрасова, Т.Ф. Шубина
г. Архангельск

Социальное неравенство в сети Интернет по отношению к людям с ограниченными возможностями

Аннотация. Рассматривается проблема неравенства в сети Интернет и отсутствие возможности полноценного пользования сайтами у лиц с ограниченными возможностями. Даны рекомендации реализации социальной справедливости в Интернете по отношению к лицам с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: социальная справедливость, виртуальная реальность, общество, сеть Интернет.

На сегодняшний день существует известный большинству общества факт, что неотъемлемой частью социального взаимодействия, образования, работы становятся информационные технологии. В связи с этим все больше внимания уделяется тому, что доступ к информации должен быть неизменным правом каждого человека и основой социальной справедливости.

Анализируя научные публикации, можно сделать вывод, что в социологической литературе по большей части используется философское определение справедливости, которое характеризует ее как некий общий принцип, санкцию организации совместной жизни людей, рассматриваемую «главным образом под углом зрения сталкивающихся жела-

ний, интересов, обязанностей. Это способ обоснования и распределения между индивидами выгод и тягот их совместного существования в рамках единого социального пространства» [3].

Социологическая дефиниция справедливости отличается большей определенностью и характеризуется как реальные социальные требования, принципы, согласно которым индивидуумы должны получать то, что они заслуживают. Главными составляющими социальной справедливости являются социальный статус и доступ к жизненным благам. Социальный статус очерчивает границы доступного и возможного для индивидов и социальных групп. Как же решается принцип социальной справедливости в отношении людей, имеющих статус лиц с ограниченными возможностями в современном обществе?

Если реальное общество ограничивает возможности самореализации человека, есть ли вероятность того, что выход в виртуальную реальность через сеть Интернет позволяет реализовывать различные аспекты проявления своих жизненных планов и доступа к жизненным благам, которые выступают в качестве принципов социальной справедливости?

На сегодняшний день открыто довольно много видов виртуальной реальности, но в данной статье мы рассмотрим только виртуальную реальность в сети Интернет.

Доступным Интернетом будем называть тот Интернет, которым могут пользоваться все вне зависимости от того, где они живут, на каком языке говорят, какой техникой пользуются, а также какие у них физические возможности [5].

Сегодня информационные и коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Для миллионов людей во всем мире стало совершенно естественным пользоваться банкоматами, слушать радио, иметь при себе мобильный телефон, «бродить» по Интернету или проверять свой электронный почтовый ящик – и это только несколько примеров [9]. Как отмечает М. Кастельс, сложилась «система, в которой сама реальность... полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [7]. Люди с ограниченными возможностями также стремятся идти «в ногу со временем» наравне со всеми, не чувствуя себя оторванными от общества. Для большинства из них окном в активную жизнь становится Интернет. Но из-за отсутствия «доступной среды» люди с ограниченными возможностями оказываются один на один со своими проблемами, замыкаются в себе, у них падает самооценка, растет неуверенность, происходит социальная изоляция. Даже в самых развитых странах многие группы людей не имеют возможности полноценного доступа в сеть Интернет по ряду причин, одна

из которых заключается в том, что использование большинства сайтов для них физически сложно или невозможно.

Однако если рассмотреть количественное соотношение, люди с ограниченными возможностями представляют собой значительную часть населения любой страны. Так, в США их число превышает 56 миллионов (19 % населения), а в России по разным оценкам колеблется от 10 до 15 миллионов (10 % населения). При этом ни одна группа людей не является настолько ущемленной в Интернете, как люди с ограниченными возможностями. В США только 54 % таких людей используют Интернет [5].

Решению проблемы доступности сети Интернет для инвалидов были посвящены рекомендации, разработанные в 1999 г. Консорциумом Всемирной паутины (W3C) – Web Content Accessibility Guidelines (WCAG). В конце 2008 г. была принята новая (вторая) версия рекомендаций, а с 2009 г. в России вступил в силу ГОСТ Р 52872–2007 «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению» [1]. Несмотря на появление всеобъемлющих рекомендаций, большинство сайтов в Интернете до сих пор не адаптировано для просмотра пользователями с ограниченными физическими возможностями.

Для людей с ограниченными возможностями Интернет одновременно является так называемым инструментом, помогающим устранить многие барьеры. Они есть в физическом мире, но чаще всего ими не могут воспользоваться. Проблемой слабослышащих является отсутствие расшифровок аудиофайлов, незрячие не могут понять, что написано на сайте, если у изображений нет подписей, которые озвучивают специальные приложения (скрин-ридеры – экранные дикторы).

На сегодняшний день лишь некоторые российские сайты, в частности государственные, приведены в соответствие с ГОСТ Р 52872 – 2007.

Однако, несмотря на то, что решением данной проблемы мало кто занимается, все же можно найти несколько примеров, показывающих, что небезразличны абсолютно все пользователи.

1. В Москве уже несколько лет реализуется проект «Виртуальная школа», финансируемый столичным правительством и направленный на решение проблемы получения школьного образования для российских детей-инвалидов, ограниченных в передвижении, что позволит во многих случаях применить новые информационные технологии обучения на дому.

2. В Свердловской области один из ведущих сотовых операторов разработал специальный тариф на SMS-сообщения для инвалидов по слуху. Предъявив в офисе оператора удостоверение инвалида по слуху и справку МСЭ, глухие или слабослышащие люди могут отправлять сообщения по цене 1 цент, что в 3–6 раз дешевле, чем в других тарифных

планах. Входящие SMS в этом тарифе бесплатны, абонентской платы не предусмотрено. По мнению начальника отдела реабилитации Всероссийского общества глухих В. Антипова, SMS-пейджинг – практически идеальное средство связи для глухих и слабослышащих людей [2].

Также с помощью сети Интернет реализуются сайты по оказанию помощи людям с ограниченными возможностями. Материалы некоторых веб-сайтов стараются способствовать социальной адаптации, получению профессионального образования, трудоустройству, самореализации людей с ограниченными возможностями здоровья. На некоторых сайтах можно получить бесплатную юридическую помощь, узнать про дистанционное обучение, познакомиться, найти нужную и полезную информацию. Среди таких сайтов можно выделить следующие:

1. Информационный портал для инвалидов [6].
2. Сообщество людей с ограниченными возможностями [12].
3. Сайт «Страна глухих» [11].
4. Дверь в мир: сайт для людей с ограниченными возможностями здоровья [4].
5. Надежда: сайт знакомств для людей с ограниченными возможностями здоровья [8].

Также создаются группы в социальных сетях – «ВКонтакте», Facebook.

Популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» [13] включает 17 сообществ инвалидов по зрению. Наибольшей популярностью пользуются две группы: «Молодежное движение инвалидов по зрению» (в сети зарегистрировано 503 участника (15.03.2016)) и «Группа поддержки инвалидов по зрению г. Стерлита» (в сети зарегистрировано 324 участника (15.03.2016)). Количество участников этих групп растет. Сравнивая информацию с 2014 г., можно говорить об увеличении как количества групп, так и числа подписчиков. Так, в 2014 г. в сети «ВКонтакте» существовало 10 групп, а наиболее популярная группа «Молодежное движение инвалидов по зрению» имела 265 участников [10]. Можно сделать вывод, что сеть Интернет, несмотря на то, что таких сайтов мало, а группы малочисленны, позволяет находить единомышленников, друзей, получать знания, работать.

Вероятно, что отсутствие возможности пользоваться всеми ресурсами Интернета в полной мере обусловлено техническими проблемами. Рассмотрим, какими возможностями должен обладать сайт, которым могут пользоваться все люди без исключения. Например, для людей с нарушениями зрения все тексты, кнопки и ссылки на сайте должны читаться скрин-ридерами (JAWS или Window-Eyes). Также на сайте должен быть предоставлен доступ работы с программами, которые увеличивают размер шрифта и позволяют пользователю настраивать яркость

и контраст. Пользователи с эпилепсией должны избегать мерцающих элементов, а для пользователей с нарушением подвижности сайт должен предусматривать возможность управления голосом или с помощью других устройств ввода.

Фактически это все технически возможно решить и даже не так трудно, как может показаться на первый взгляд. Но для большинства сайтов применение доступных технологий не является частью дизайн-процесса, российский интернет-бизнес имеет низкую заинтересованность в аудитории с ограниченными возможностями.

Обеспечение доступа в Интернет для людей с ограниченными возможностями является существенно важной социально значимой задачей. Общество должно стремиться к доступности информации для каждого человека.

Несмотря на то, что рекомендации есть, но не все к ним прислушиваются. Изменить ситуацию могло бы вкладывание обязательной, а не рекомендательной силы ГОСТ Р 52872–2007 в отношении сайтов органов государственной власти, что послужило бы катализатором для коммерческого сектора. Принятие государственного стандарта, определяющего основные параметры сайтов, могло бы поспособствовать возможности общения, изучения новой информации для людей с ограниченными возможностями.

Целью развития Интернет является создание глобальной сети, позволяющей организовать доступную среду для получения информации в любом месте для всех заинтересованных в ней. Именно так возможно достижение социальной справедливости.

Литература

1. Актуальность вопроса создания доступной среды жизнедеятельности // Информационный портал для людей с ограниченными возможностями здоровья при поддержке Министерства социальной политики Свердловской области. URL: <http://invasait.ru/dostupnaya/aktualnost-voprosa> (дата обращения: 5.03.2016).
2. Гасумова С.Е. Социальные проблемы информатизации // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2007. № 3. С. 175–184.
3. Гусейнов А.А. Справедливость // Online библиотека padaread.com. URL: <http://padaread.com/?book=41856&pg=537> (дата обращения: 29.02.2016).
4. Дверь в мир: Сайт для людей с ограниченными возможностями здоровья // Сайт «Дверь в мир». URL: <http://doorinworld.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
5. Измestьева Е. Ограниченные возможности, права человека и социальная справедливость: борьба за доступный Интернет // Dislife. URL: <http://dislife.ru/articles/view/41858> (дата обращения: 29.02.2016).

6. Информационный портал для инвалидов // Информационный портал INVA.TV. URL: <http://inva.tv/> (дата обращения: 14.03.2016).

7. *Кастельс М.* Социологический словарь // Энциклопедии & Словари. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Kastels--Manujel-3784.html> (дата обращения: 15.03.2016).

8. Надежда: сайт знакомств для людей с ограниченными возможностями здоровья // Сайт знакомств «Надежда». URL: <http://disability-people.com/index.php?l=ru> (дата обращения: 14.03.2016).

9. От печатных машин до World Wide Web // Наука в информационном обществе. Издание ЮНЕСКО для Всемирного Саммита по информационному обществу. Информационное издание / Издание на русском языке подготовлено Е.И. Кузьминым и В.Р. Фирсовым. СПб., 2004. С. 9–10.

10. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В.* Виртуальные социальные среды как инструмент социальной интеграции и адаптации людей с нарушением зрения // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): Материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 28–30 октября 2015 г.) / Под ред. Б.Б. Айсмонтаса, В.Ю. Меновщикова. М., 2015. С. 293.

11. Сайт «Страна глухих» // Страна глухих. URL: <http://www.deafworld.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).

12. Сообщество людей с ограниченными возможностями // ИнваФорум. URL: <http://inva.tv/> (дата обращения: 14.03.2016).

13. Социальная сеть «ВКонтакте» // «В Контакте». URL: <http://vk.com> (дата обращения: 14.03.2016).



РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОМ ФЕНОМЕНЕ

Р.Р. Муллабаева
г. Елабуга

Попытки реализации принципов социальной справедливости на начальном этапе интеграции Таврической области в 1783–1796 гг.

Аннотация. Рассматриваются особенности развития промышленности и сельского хозяйства в Таврической области с 1783-го по 1796 г. с учетом этнического состава населения Крымского полуострова и их экономической предрасположенности, раскрываются попытки реализации принципов социальной справедливости на начальном этапе интеграции Таврической области.

Ключевые слова: Крым, Таврическая область, социальная справедливость, население.

Социальная справедливость как общечеловеческая ценность представляет собой соответствие между выполняемой человеком социальной ролью и его статусом, соотношением между его правами и обязанностями; способностями и вознаграждением за них. Многонациональность Российской империи и полиэтничность Черноморского региона в конце XVIII в. поставили перед правительством Екатерины II вопросы обустройства юга России в соответствии с ориентацией на принципы этой ценности.

К моменту разрешения «крымского вопроса» население Крымского ханства оценивалось примерно в 140 тыс. человек [5, с. 67]. С 1750 г.

территории Новороссийской и Азовской губерний с обещаниями правительства о привилегиях для «свободных, кто решился поселиться на юго-западной границе России» стали заселяться южными славянами, угнетенными турками. Рескрипт от 13 июля 1751 г. позволил сербам переселиться на территорию Славяно-сербского уезда Екатеринославской губернии [2, с. 37–45]. В конце XVIII в. Российская империя, достигнув своих «естественных границ» и утвердив в ее пределах власть, организовала обустройство новых территорий, в том числе Таврической области в составе Новороссийской губернии.

В 1793 г. в Крыму проживало 112,2 тыс. татар, 2,5 тыс. греков, 3,3 тыс. цыган, 1,6 тыс. евреев и 0,6 тыс. армян. На их долю приходилось абсолютное большинство татар (почти 96 % татар), 3 % евреев и около 1 % греков и армян. К концу XVIII в. этнический состав крымчан в процентном соотношении составил 87,6 % татар, 5,6 % русских, 0,7 % украинцев, 0,1 % евреев и караимов, болгар. Вследствие эмиграционной политики Екатерины II количество греков и армян уменьшилось до 1,9 % и 0,6 % соответственно, появились немцы (0,1 %) [1, с. 155–158].

«Наказ» 1767 г. Екатерины II решал проблемы «незаселенности и запущенности южных земель»: приглашались иностранные колонисты [4, с. 46–52]. От европейского опыта ведения хозяйства ожидали помощи в организации сельскохозяйственной деятельности, фабричного производства, совершенствования промыслов, распространения скота, улучшения этикета и разговорной речи, а также намечалась тенденция заимствования достижений европейской культуры.

Свыше 2 тыс. евреев-караимов осуществляли сбор таможенных пошлин на территории полуострова, обменивали деньги, занимались спекуляцией, гостиничным делом и арендой земель. В Крыму немецкие поселенцы, в основном менонисты, образовали колонии в районе Карасубазара. Зоной деятельности армян исключительно считалась торговля и ремесленное производство.

Манифестом от 22 февраля 1784 г. было объявлено, что в Российской империи все народы состоят в дружбе и могут «свободно, безопасно и беспрепятственно» торговать в Херсонесе, Севастополе, Феодосии и Каффе, а также все прибывающие торговцы могут повсеместно селиться на полуострове [3, с. 37–45]. За такими поселенцами, принявшими российское подданство, сохранялось право на вероисповедание и гарантировались льготные условия для создания фабрик, рукоделий и т.д.

Еще в 1764 г. был утвержден «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению» [4, с. 46–47]. На его основании в 1784 г. и 1787 г. частным лицам (всего около 160 чел.) из Корсики, Ливорно и Пизы раздавалась земля «для скотоводства и насаждений» в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической области. Вскоре

появились крупные земельные помещики в лице князя Потемкина-Таврического (150 тыс. десятин), царского вельможи В. Попова (51,6 тыс.), представителя украинской знати А. Безбородько (12 тыс.), графа Мордвинова, Нарышкиных, Ревелиоти и др. По инициативе Потемкина поселялись греки, участники войны с Турцией на стороне России.

Крыму нужны были рабочие руки, и Потемкин поощрял помещиков центральной России к переселению, например, из Тамбовской, Курской, Орловской областей, наделял их землей и льготами. Под контролем Потемкина строились судовой верфи и корабли для Черноморского флота. Со 2 мая 1783 г. морские силы на юге России стали называться Черноморским флотом (26 кораблей). Активизировалось градостроительство (солдатами и матросами) – Николаев, Екатеринослав (Днепропетровск).

Колонизуя Новороссийский край, Потемкин заботился об оживлении в Таврической области торгово-промышленной деятельности, поощрял разведение овец, земледелие, виноделие и шелководство. Активизировалось градостроительство – усилиями солдат и матросов Черноморского флота были воздвигнуты крепость Николаев с верфями и город Херсон с казармами. В конце XVIII в. промышленность на полуострове ориентировалась на добычу и первичную обработку полезных ископаемых, а также обработку сельскохозяйственной продукции. Налаживалось производство свечей. В районе Инкермана было положено начало мыловарению: в промышленных масштабах стали добывать киль (синюю глину).

Стабильно высокие показатели солевой промышленности вывели ее в передовые позиции среди других развивающихся отраслей. Высококачественная соль, добываемая в озерах Перекопского уезда, была востребована на внешнем рынке. В 1780-х гг. продажи почти 2 млн пудов соли составили 50–60 % доходов крымской казны.

Зарождение мануфактурных предприятий по обработке кожи в Бахчисарае и Карасубазаре свидетельствуют о развитии обрабатывающей промышленности полуострова. Здесь частные предприниматели организовали сафьяновые (по выделке козьей кожи высокого качества) и мехиновые заводы (по обработке сырой овечьей кожи с шерстью низкого качества).

Ведущую роль среди остальных отраслей сельского хозяйства Крыма играло животноводство.

Растениеводство, в свою очередь, было представлено зерновыми культурами. Виноградарством и садоводством в основном занимались на юге (Мангупский и Судакский районы) и юго-западе полуострова – на плодородных долинных землях.

В 1780-х гг. центральным звеном крымской экономики продолжала оставаться внешняя торговля, а Евпатория, Феодосия, Перекоп, а позже

и Севастополь стали ее пунктами [1, с. 159]. Порты служили пунктами сбыта зерна, кожи, овечьей шерсти, воска, меда и коровьего масла. По статистике, на полуостров ввозились готовые к употреблению товары, а экспортировалось в основном сырье, что указывает на низкий уровень развития экономики Крыма в первые годы после присоединения к России. Списки экспортируемых товаров были дополнены медовой продукцией, соленой рыбой и икрой; в Константинополь и Малую Азию отправляли коровье масло, овечью шерсть, войлок, овечьи шубы, кожи, сафьян.

В целом хозяйство Крыма в конце XVIII в. оставалось примитивным и основывалось, в первую очередь, на сельском хозяйстве – выращивании зерновых культур, в особенности пшеницы. Животноводство как традиционное занятие крымчан сохраняло ведущие позиции в экономике Таврической области. Однако благодаря иммиграции немцев, славянских народов и греков на полуострове интенсивным путем развивалось земледелие (появились рисовые поля, увеличились пахотные земли, производилось много хлеба, табака, у Алушты разводили лен), закладывались основы мануфактурных обрабатывающих производств, носящих локальный характер и сохраняющих ведущее положение на полуострове в последние десятилетия XVIII в.

Согласно данным Областного управления, в 1784 г. у татар отбиралось оружие [2, с. 57–58]. Согласно сведениям Камерального описания Таврической области 1784 г., главным образом, из приморских деревень выселяли татарское население. Несмотря на активную поддержку помещичьего сословия, простой народ попадал в крепостную зависимость и стремился переселиться на другие территории, что привело к активации миграционной политики Екатерины II, не сумевшей реализовать принципы социальной справедливости в конце XVIII в. на территории Таврической области в годы своего правления.

Таким образом, интеграционный период в истории Крыма (1783–1796 гг.) не характеризовался качественными изменениями в хозяйственной жизни Крыма, а нововведения, вводимые Потемкиным-Таврическим, привели к положительным результатам только в начале XIX в., поэтому 1783–1796 гг. можно назвать «периодом активной смены политического устройства полуострова и его социальной структуры», но не его экономической системы.

Литература

1. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – в конце XX вв. (численность размещение, этнический состав). М., 2003.

2. Камеральное описание Крыма 1783–1884 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1887. № 6. С. 37–45. URL: <http://elib.shpl.ru> (дата обращения: 14.02.2016).

3. Манифест от 22 февраля 1784 г. // ПСЗРИ. Собрание первое (1649–1825). Т. 22. СПб., 1830. С. 50–51. URL: // <http://elib.shpl.ru> (дата обращения: 20.02.2016).

4. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. URL: // <http://elib.shpl.ru> (дата обращения: 18.02.2016).

5. Усов С.А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края // Крым. М., 1928. № 6.

М.И. Одночко
г. Череповец

Проблема свободы и справедливости в художественном творчестве

Аннотация. Утверждается, что свобода творчества в обществе существует только на словах, на деле все выходит совсем иначе и не всегда это ограничение справедливо и обосновано.

Ключевые слова: творчество, свобода творчества, социальная справедливость, цензура.

Против требования справедливости и свободы мало кто отважится выступить – оно имеет многовековую традицию. Люди, независимо от пола, возраста или социального статуса, стремились познать справедливость и жить согласно ее принципам.

Но если в жизни не всегда получается осуществить задуманное, то в творчестве человек нашел возможность открыть себя, показать свое видение мира и создать свою собственную реальность, с теми законами, правилами и идеалами, в которые он верит. Для того чтобы лучше разобраться в данной проблеме, обратимся к понятию творчества и его трактовкам. «Гегель определяет творчество как индивидуальные усилия людей, но всё, что делают люди, есть осуществление целей мирового духа, который незримо дирижирует историей. По Н.А. Бердяеву, для философии творчества основным является сознание, человек не находится в законченной и стабилизированной системе бытия, и только потому возможен и понятен творческий акт человека. Возможность творчества в мире свидетельствует о недостаточности этого мира, о постоянном преодолении его, о существовании для этого силы, исходящей изнутри другого мира. Человек не только призван к творчеству как действию в мире

и на мир, но и сам есть творчество и без творчества не имеет лица» [2]. Таким образом, творчество – это нечто большее и высшее, чем имеет и может представить себе человек.

Как влияет состояние общества на искусство? Какое место в общественной жизни должно занимать искусство? Каково его назначение? И, конечно, каковы механизмы взаимосвязи художественного и социального? Как творчество не может существовать отдельно от общества, так и наоборот. Для художественной деятельности всегда необходимы конкретные социально-исторические условия, которые оказывают на нее большое влияние, находясь в тесной связи с окружающим миром, формами уже созданной культуры, в которые всегда включен субъект творчества. Свобода критики является одним из важнейших условий развития научного и художественного творчества. Но появление новых идей означает критическое отношение к традиции, выход за рамки привычного. Но новое не всегда и не сразу принимается хорошо, так как дает понять, что мы можем жить лучше, чем жили до этого, и показывает, что можно и нужно что-то менять. Творчество запрещается и сжигается, ради собственной выгоды люди пытаются привнести в него новый, ложный, смысл. В разные времена это выражалось по-разному. Но неизменным остается одно: искусство является для человека очень важной частью его жизни, иначе оно бы так активно не преследовалось и не вызывало бы столь бурных реакций общественности.

В наше время достаточно сложно найти запрещенные произведения и почти всё находится в свободном доступе. Но так было не всегда. Те произведения, которые сейчас изучают в школе, были запрещены во времена СССР. Писателей преследовали, судили, отправляли в ГУЛАГ, некоторых расстреливали. Были запрещены: Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия»; Анна Ахматова «Из шести книг»; Владимир Набоков «Лолита»; А.И Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. Книги 5–7»; Иван Бунин «Окаянные дни»; Борис Пастернак «Доктор Живаго»; Иосиф Бродский и многие другие. «Произведения эмигрировавшего во время гражданской войны Ивана Бунина вовсе не издавались в СССР с 1929-го по 1954 г., а ряд произведений был опубликован только после перестройки. Борис Пастернак был исключен из Союза писателей СССР, а его главное прозаическое произведение – роман «Доктор Живаго» – был запрещен к изданию в СССР, что не мешало осуждению автора теми, кто романа не читал. Роман был опубликован в СССР только в 1988 г.

Произведениям Михаила Шолохова повезло больше – ему удалось вопреки цензуре опубликовать роман «Тихий Дон», хотя и после многочисленных переработок. Последующие его произведения были уже намного слабее, а затем он вовсе прекратил заниматься литературой.

Александр Солженицын подвергался преследованиям за свою литературную деятельность с 1965 г. В дальнейшем он был исключен из Союза писателей СССР, лишен гражданства и выслан из страны. Роман «Архипелаг ГУЛАГ» и другие произведения были запрещены к печати в СССР и распространялись до перестройки только в самиздате. Иосиф Бродский был вынужден уехать из СССР после уголовных и психиатрических репрессий, а его произведения стали публиковаться в СССР только с 1990 г.» [2]. Власть диктует свои правила, запрещает то, что может показать ее в невыгодном свете, и пытается использовать творчество в своих целях. Мы считаем, что это несправедливо. Цензура должна ограждать людей от того, что реально может принести вред личности, а не от того, что не выгодно государству.

Человек в творчестве открывает себя и делится своими мыслями, чувствами. Творчество, если оно не представляет открытой угрозы, должно быть свободной территорией, и тогда оно действительно будет помогать развиваться обществу. А то, что навязывает система, сделано лишь для того, чтобы всех свести к одному шаблону, для того, чтобы людьми было проще управлять.

Но существует и другая сторона медали. То, что запрещается и критикуется, вызывает неподдельный интерес, так как хочется знать, почему и что запретили. Закрывание легальных возможностей получения определенной информации ведет только к увеличению и популяризации нелегальных источников. Как говорится: «Запретный плод сладок».

Литература

1. Лапина А.В. Взгляды на понятие «творчество» и его различные трактовки // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 1. С. 252–254.
2. «Цензура в СССР». Википедия. Свободная энциклопедия. Wikipedia Foundation, Inc. 29 марта 2016. Web. 23 марта 2016. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

О.С. Пудова
г. Вологда

Социальная несправедливость в отражении романов «Джунгли» и «Столица» Эптона Синклера

Аннотация. Рассматривается творчество писателя Эптона Синклера, обличавшего пороки американского общества XIX в. и призывавшего в своих остросоциальных романах к борьбе не только с пороками капитализма, но и с ним самим.

Ключевые слова: капитализм, империализм, монополии, макрейкеры, социализм.

Чем более развито общество, тем больше оно стремится избежать социальных противоречий. Вводится социальная поддержка, различные пособия, налоги на роскошь и так далее. Однако иногда эти перекосы случаются и разница между богатыми и бедными становится поистине колоссальной. Такая ситуация сложилась и в США к концу XIX в.

Именно в этот период особо бурное развитие получила промышленность. Особенностью США было то, что рабочая сила формировалась в основном из потока иммигрантов из стран Европы и Азии. На фабрики всегда требовалась рабочая сила, но все-таки в определенном количестве. Те, кому не удавалось получить работу, были обречены на скитания, бродяжничество и голодание. Рабочий вопрос стоял очень остро. Правящие партии – ни республиканцы, ни демократы – не решали этой проблемы, ввиду чего к концу XIX в. в США активно распространяются идеи социализма. Одним из социалистов был и писатель Эптон Синклер (1878–1968 гг.), примкнувший к движению макрейкеров. Целью своей деятельности они ставили обличение пороков общества (махинации монополистов на рынке, коррупция в муниципалитетах и судах, подделка продуктов питания и лекарств, сотрудничество полиции и воров и др.) через проведение различных расследований, изучение документов и т.д. Это движение представляется довольно интересным явлением для историографии. Во-первых, это феномен американского общества; во-вторых, оно сыграло определенную роль в истории развития общества. Однако в историографии ему уделено не очень много внимания. Работы иностранных авторов затруднительно найти в переводе. Советские и российские историки рассматривают это движение в рамках общественно-политической истории США [1], [4], [8], а еще – в рамках изучения истории журналистики или литературной истории США [3], [2], [5]. Источниками для данной работы являются художественные романы Эптона Синклера «Джунгли» и «Столица». Роман «Джунгли» (1906), выйдя в свет, произвел широкий общественный резонанс, взбудоражил все общество фактами, которые приводил автор.

Через судьбы главных героев автор стремится привлечь внимание читателя к проблеме тяжелого положения рабочих. Рабочие смены длились по 12–13 часов. Был лишь один выходной – воскресенье. Отпусков не было вообще. Физический труд был тяжелым. При этом существовала так называемая система прищпоривания: мастера следили за тем, чтобы темп работы не только не снижался, но и постепенно увеличивался. Тяжелый труд и длинные смены оплачивались минимально. На производстве отсутствовала техника безопасности: случалось, разваль-

щики туш отрубали собственные пальцы от потери чувствительности в холодных цехах. Разъяренные звери, которых недостаточно оглушили, бывало, вырывались и затапывали людей или ранили рогами. Маринады, которыми пропитывали мясо, целиком состояли из химических веществ, вредящих как покупателю, так и работнику. В цехах не было отопления. Но владельцев производства это мало волновало. Весь их бизнес был организован ради наживы, а люди были лишь средством ее достижения. Смерть на производстве была обыденной. По словам Эптона Синклера, такие явления не были удивительными или исключительными в тех гетто, где жили рабочие. Рабочие были практически бесправны. Не было социальных гарантий и обеспечения. В случае болезни не только не оплачивался больничный, но можно было даже потерять рабочее место. Вот так выглядела жизнь простых рабочих: шесть утомительных рабочих дней в неделю, долгая дорога домой пешком, ничтожные зарплаты. Попадая на бойни, рабочие почти обрекали себя на пожизненную службу. Но и эта работа была удачей. Потеря ее означала начало бродяжничества.

Синклер считал монополии злом и, возможно, хотел их очернить. Возможно, судьбы главных героев чересчур трагичны, как раз для усиления ненависти читателей к монополиям. Однако, на наш взгляд, можно доверять описанной ситуации, ввиду того что Синклер писал роман целенаправленно. Он сам жил в рабочих кварталах. Как пишет литературовед и критик В. Брукс: «Синклер жил в их домах, ходил по улицам, заваленным грудями гниющего мусора, и заносил в блокнот заметки для будущего романа» [2, с. 95].

На фоне такой бедной и ничтожной жизни рабочих особенно потрясает жизнь «сливок» американского общества. В романе «Столица» (1907) Синклер изображает жизнь элиты Нью-Йорка. Глазами героя Аллана автор поражается роскоши жизни и при этом загниванию нравов и упадку морали. Автор осуждает роскошь жизни предпринимателей, дельцов и их наследников и то, с какой легкостью они растрачивают деньги. Дамы тратили на наряды несколько десятков тысяч долларов в год. Дома богачей, держателей акций компаний, крупных предпринимателей были похожи на замки, с фонтанами, садами, огромными бассейнами, галереями, коллекциями картин и ценностей со всего мира. При этом в глаза здесь говорили вещи, которые не принято говорить прямо. За спиной богачи высмеивали друг друга, а за ужином обсуждались довольно интимные подробности жизни кого-либо из присутствующих. Нужно ли говорить, что общественных норм и устоев для них не существовало, а при их нарушении все улаживалось небольшой пачкой денег.

Писатель показывает жесткую поляризацию общества: бедные и бесправные рабочие и обеспеченная и безнаказанная жизнь монополистов, бизнесменов, дельцов. Обличая пороки капиталистического общества, критикуя капиталистический уклад, он хотел поднять народ на реформы. Ему это удалось: роман «Джунгли» произвел широкий общественный резонанс. Результатом романов Синклера и работ других макрейкеров было создание Сенатом инспекционной комиссии для проверки качества мяса, а также издан закон, ограничивающий деятельность монополий.

Литература

1. *Беляевская И.А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.
2. *Брукс В.* Писатель и американская жизнь: В 2 т. Т. 2. М., 1971.
3. *Константинов А.Д.* Журналистское расследование: история метода и современная практика / Под общ. ред. А.Д. Константинова. СПб.; М., 2003.
4. *Куропятник Г.П.* История США: В 4 т. Т. 2. 1877–1917. М., 1985.
5. *Лучинский Ю.В.* Очерки истории зарубежной журналистики. Краснодар, 1996.
6. *Синклер Э.* Джунгли. URL: <http://romanbook.ru/book/9481947/?page=1>
7. *Синклер Э.* Столица. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/304920/slug/stolica>
8. *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001.

Д.М. Поматилов
г. Череповец

Феномен справедливости в виртуальной среде

Аннотация. Поднимается вопрос о наличии справедливости и ее проявлений в виртуальной среде. Аргументируется необходимость законодательного регулирования виртуальной коммуникации с целью обеспечения соблюдения принципов справедливости.

Ключевые слова: справедливость, общество, виртуальная среда, сеть Интернет, приватность, свобода слова.

Социальная справедливость – один из распространенных общественных идеалов. Внутреннее содержание этого термина, возникшего в Древнем мире, не раз менялось на протяжении истории. Еще в античные времена сформировались основные концепции справедливости: уравни-

тельная и распределительная. В дальнейшем на развитие философских обоснований этого термина оказали влияние такие мыслители, как Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Юм, И. Кант.

По мнению З.Н. Степановой, В.А.Федотова, «справедливость – это категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о сущем и должном, связанное с исторически меняющимися представлениями людей о социальных идеалах, а также о нормах и правах человека» [2, с. 110]. В данном определении делается акцент на исторической трансформации представлений людей о справедливости. С усложнением общества, его переходом в информационную эпоху также меняются и сферы ее «приложения», реализации.

Как правило, реализация принципов социальной справедливости рассматривается применительно к реальной действительности. Но в последние десятилетия нашу жизнь заполнили компьютеры и другие гаджеты, которые есть почти в каждой семье. Вместе с ними в нашу жизнь вошел Интернет и стал неотъемлемой частью повседневной жизни большинства людей. Поэтому проблемы справедливости в наши дни имеют место быть не только в реальном мире, но и виртуальном. Именно этим обусловлена актуальность и новизна данной статьи.

На вопрос о наличии социальной справедливости в виртуальной среде нельзя дать однозначного ответа. Всемирная сеть предоставляет пользователям множество возможностей, но и несет в себе немало опасностей. Это представляется несправедливым, поскольку каждый член виртуального сообщества имеет право на конфиденциальность информации, благоприятный психологический климат и в целом на безопасную жизнедеятельность в Сети, а некоторые сайты во Всемирной сети зачастую нарушают эти права. Интернет является неисчерпаемым источником различной информации, определенная часть которой в некоторых странах является запрещенной к распространению.

Еще в середине 2000-х годов появились сетевые фильтры «родительского контроля», которые были предназначены для защиты детей от столкновения с потенциально опасными ресурсами и запуска вредоносных программ. Так, с января по май 2013 г. Лабораторией Касперского было проведено исследование, согласно которому ребенок при использовании Сети сталкивается с таким контентом, как эротика (16,8 % случаев), жестокость и насилие (3,0 % случаев), нецензурная лексика (2,2 % случаев), информация об оружии и наркотиках (2,0 % случаев) [1]. При этом больше 70 % детей в РФ могут свободно посещать любые сайты, что таит в себе вышеназванные опасности, а указанный способ защиты далеко не всегда дает желаемые результаты.

Наиболее эффективный метод цензуры, а следовательно, защиты в Интернете, состоит в государственном регулировании деятельности

провайдеров. Во многих странах существуют серьезные ограничения на функционирование Сети, то есть на государственном уровне реализуется запрет на доступ к отдельным сайтам (СМИ, аналитическим, порнографическим) или ко всей Сети.

В июле 2012 г. был принят Закон № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет», целью которых является защита будущих поколений от вредных факторов виртуальной среды. Иными словами, на территории РФ происходит активное развитие нормативно-правовой базы на уровне государства в интересах регулирования вопросов справедливости в виртуальной среде.

Одним из способов достижения указанной цели в Сети является блокировка интернет-страниц, содержащих информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации. Некоторые страницы и сайты, содержащие нецензурные слова и выражения, автоматически исключаются из результатов поиска по Сети. Таким образом, обеспечивается некоторая защищенность молодого поколения при использовании Сети.

Интернет также является средством открытого хранения и распространения информации, и незашифрованная информация может быть перехвачена и прочитана посторонними лицами. Обеспечение приватности и безопасности пользовательских данных в социальных сетях и других интернет-хранилищах, по мнению автора, должно стать первостепенным, поскольку обеспечение права на конфиденциальность личной информации декларировано на уровне федерального законодательства.

Известно немало случаев, когда в результате взлома и несанкционированного распространения частные фотографии или видеозаписи, контактные данные, факты из личной жизни и прочая конфиденциальная информация становились предметом широкого обсуждения. В некоторых случаях, при негативном отклике общественности, пользователь может испытать на себе нежелательные последствия, такие как психологические травмы, психические расстройства и т.д., что может спровоцировать суицид.

Глобальная сеть имеет прецеденты, когда путем публикации в Интернете различной информации, наоборот, достигалась защита прав и свобод людей или животных. Подобных примеров немало. Следовательно, она способствует воцарению справедливости.

Сеть в то же время является пространством, в котором можно свободно высказаться на любую тему. Человеку предоставляется возмож-

ность свободно выражать свое мнение и быть услышанным не группой из нескольких лиц, а огромным количеством многонациональных представителей интернет-пространства. Таким образом, можно призвать власти к действию или собрать средства для материальной помощи нуждающимся.

Также необходимо отметить и роль Всемирной паутины в жизни людей с ограниченными физическими и сенсорными возможностями. Современное общество пришло к пониманию роли новейших информационных технологий в жизни людей с ОВЗ. Интернет сегодня все чаще рассматривается как способ облегчения жизни многим инвалидам, которые, в силу объективных обстоятельств, лишены различных возможностей: передвижения, общения, получения информации и трудоустройства. Но, используя сеть Интернет, они могут преодолеть барьер, отделяющий их от остальных граждан страны, а также сделать свою жизнь полноценной и активной во многих отношениях.

Таким образом, исходя из вышперечисленного, можно отметить следующее: во-первых, расширение сферы использования понятия «справедливость» не только как области межличностных отношений, отношений «человек-государство», но и как сферы виртуальных формальных и неформальных отношений. Во-вторых, в современном мире содержание термина «справедливость» дополняется новыми реалиями.

Литература

1. Инфографика. Дети в Интернете. URL: <http://www.ligainternet.ru/encyclopedia-of-security/article.php?id=2630> (дата обращения: 22.03.2016).

2. Степанова З.Н., Федотов В.А. Социально-философский феномен категории справедливости // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 110–116.

П.А. Табунов
г. Череповец

Интернет-пространство как сфера проявления социальной несправедливости

Аннотация. Рассмотрено понятие социальной справедливости и различные ее проявления в сети Интернет. Представлены возможные способы борьбы с несправедливостью, с которой сталкивается человек в интернет-пространстве.

Ключевые слова: справедливость, общество, компьютер, хамство, вирусы, несправедливость, интернет-пространство.

Современный мир, который мы знаем сегодня, создавался на протяжении тысячелетий и возник не только благодаря техническому развитию. В не меньшей степени на его становление повлияло формирование человечества о справедливости. В научной мысли последних столетий существовало множество определений различных ступеней развития человеческого общества. На сегодняшний день наиболее популярна классификация американского футуролога Э. Тоффлера. Он выделял три стадии развития общества: аграрное, индустриальное, постиндустриальное. «Постиндустриальное, или информационное, общество – общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – знаний» [3]. Сеть Интернет является наиболее удобным, доступным и эффективным средством коммуникации в таком обществе.

Само понятие Интернета связано с понятием компьютерной сети.

Компьютерная сеть – объединение нескольких компьютеров в систему с целью обмена и передачи информации. Интернет – Всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации.

Роль Интернета, несомненно, велика для коммуникаций и общества в целом. Можно рассматривать Интернет с двух позиций: положительной и отрицательной.

Из положительных черт можно выделить следующие:

- 1) возможность получить любую необходимую информацию;
- 2) коммуникации с людьми на любых дистанциях;
- 3) при грамотном использовании реально следующие вещи: получение образования, саморазвитие, самосовершенствование и самореализация, заработок, хобби.

Из отрицательных:

- 1) Интернет часто отнимает больше времени, чем нужно там проводить, интернет-зависимость;
- 2) возможные унижения, провокации на неадекватную реакцию;
- 3) невозможность подтвердить достоверность данных во многих случаях;
- 4) при неправильном использовании потеря конфиденциальности личных данных;
- 5) российский сегмент Интернета зачастую способствует пиратству;
- 6) мошенничество.

Пункты 2–6 можно объединить, назвав одним словом – несправедливость, а именно, социальная несправедливость. Рассмотрим само понятие социальной несправедливости.

«Справедливость социальная – обобщенная нравственная оценка общественных отношений; один из основных общечеловеческих социальных идеалов, конкретное содержание которого менялось на протяжении истории и отличается в различных социальных системах» [1]. Соответственно, несправедливость – это нарушение справедливости.

В Интернете довольно часто люди сталкиваются с множеством проявлений несправедливости. Сейчас мы рассмотрим некоторые из них.

1. Хамство и провокации на неадекватные реакции.

В реальном мире люди стараются уживаться друг с другом и не вступать в контакт с индивидами, которые их не устраивают. По статистике, люди избегают примерно 80 % конфликтов. В виртуальном мире ситуация выглядит иначе. Пользователь находится в безопасной для него обстановке и позволяет себе делать все, что ему вздумается. Но его мнимая безопасность может разрушиться, так как сейчас есть множество способов наказать вашего обидчика. Один из них – вычисление хама по индивидуальному IP-адресу его компьютера. По этому адресу можно определить местоположение и привлечь человека к ответственности. Если хамство переходит границы, установленные законом, то пользователь имеет право обратиться в суд (ст. 152 УК РФ, ст. 130 УК РФ) как с иском о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда, так и с заявлением о принятии к производству дела частного обвинения за клевету или оскорбление [3].

2. Вирусы.

Вирус – вид вредоносного программного обеспечения, способного создавать копии самого себя и внедряться в код других программ, системные области памяти, а также распространять свои копии по различным каналам связи. Вирусы распространяются различными способами. Один из таких – по электронной почте. Вирусы можно рассматривать как одно из проявлений социальной несправедливости, т.к. пользователь, получивший вирус, страдает незаслуженно, а отправителя практически невозможно привлечь к ответственности.

3. Подписки.

Подписка – сбор информации о человеке с целью поставки ему определенных благ (газеты, журналы, товары, услуги и т.д.) с некоторой периодичностью. В сети Интернет подписки – возможность получать определенный контент за плату. Обычно плата взимается за сутки, причем даже если вы не использовали услугу в течение дня. Есть несколько типов подписки:

- **подписки от мобильных операторов связи.**

Такие подписки также можно считать одним из проявлений несправедливости, так как зачастую они активируются без ведома пользователя телефона.

- **подписки, которые оформляются во время работы в Сети.**

Часто, работая в Интернете или просматривая видео, особенно с мобильных устройств, можно случайно активировать подписку на свой номер телефона. Подписка оформляется часто вообще без ведома пользователя, но иногда приходит СМС-уведомление с текстом следующего содержания: название подписки, стоимость оплаты, способ отключения.

Несомненно, список проявлений социальной несправедливости в Сети можно продолжить. Интернет-пространство сейчас является новой ареной борьбы справедливости и несправедливости. Но, к сожалению, приходится констатировать, что в силу неразвитости законодательства, процветания коррупции, роста бюрократического аппарата, личных качеств людей, таких как эгоизм, корысть, зависть, эта социальная несправедливость имеет место быть.

Литература

1. Справедливость социальная. URL: http://human_ecology.academic.ru/1777Справедливость_социальная (дата обращения: 20.03.2016).
2. Хамство в Интернете: что это такое и как с ним бороться. URL: <http://maxpark.com/community/289/content/1604930> (дата обращения: 23.03.2016).
3. Характеристика информационного общества. URL: http://do.bti.secna.ru/lib/book_it/ha_inf_obsh.html (дата обращения: 10.04.2016).

Е.А. Грушина, А.В. Петровская
г. Череповец

Проблема справедливости статуса женщин в инженерной специальности

Аннотация. Анализируется проблема социального статуса женщины в инженерной специальности.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, социальная дискриминация, профессиональная сегрегация.

В настоящее время сложно определить вид деятельности, который бы являлся гендерно-нейтральным. Никто не ожидает увидеть женщи-

ну-слесаря или мужчину-воспитателя в детском саду. Законодательных препятствий, которые бы ограничивали деятельность человека в зависимости от его пола, не существует, однако такими ограничителями служат, прежде всего, существующие гендерные стереотипы, присущие его основным субъектам: работникам и работодателям/нанимателям [3].

Социальная дискриминация женщин меняла формы в соответствии со временем. Изначально эта проблема носила, главным образом, юридический характер, что выражалось в отсутствии формального равноправия мужчины и женщины. Однако даже после введения конституционного положения о равенстве полов проблема социальной дискриминации и социального статуса женщины не исчезла. Фактически в настоящее время сложилось противоречие между законодательством и практикой.

Под гендерной профессиональной сегрегацией понимается устойчивая тенденция трудоустройства мужчин и женщин по строго определенным профессиям, отраслям и должностным позициям.

Так, например, «женские» профессии подразумевают как бы продолжение традиционной деятельности женщины: уход за детьми, поддержание порядка, готовка. Кроме того, среди мужчин существует мнение, что женщина, в принципе, может заниматься работой, которой предписываются некие мужские свойства, но в этом случае она и уподобляется мужчине, теряет признаки «женственности». Однако женщина лишь имитирует мужское ролевое поведение. При этом, как правило, возникает гендерный внутриличностный конфликт. Он вызван противоречием между нормативными социальными представлениями об особенностях личности, специфике поведения мужчин и женщин и невозможностью или нежеланием личности соответствовать этим представлениям и требованиям.

Предубеждения по поводу гендерного разделения труда свойственны как работодателям, так и самим работникам, заставляя их выбирать соответствующее место в профессионально-квалификационной структуре экономики. Это также объясняет выбор девушек при получении среднего профессионального и высшего образования. Заведомо зная, что при попытке реализации своих профессиональных возможностей в традиционно мужской сфере они могут столкнуться с рядом трудностей, они не идут на такие специальности.

Кроме того, культура, переполненная гендерными стереотипами, изначально формирует в сознании женщины неправильное представление о ее возможностях. Часто еще в семье или в среде сверстников девочкам четко дают понять, что они могут делать и чем должны заниматься. Из этого вырастает неуверенность в собственных способностях, а также желание соответствовать действующим гендерным нормам. Чем мень-

ше профессия связана с традиционной женской ролью, тем сильнее в ней социальная дискриминация женщин. Так, специальности технического и инженерного профиля в гораздо большей степени подвержены влиянию гендерных стереотипов. Работодатели в этих сферах часто имеют вполне определенные требования к полу потенциального работника. Даже профессиональные качества могут не приниматься во внимание.

Так, например, после распада СССР и профессиональной реструктуризации, многие инженерные отрасли пришли в упадок. И, несмотря на существующий спрос на квалифицированных специалистов, многие женщины столкнулись с ограничениями трудоустройства в соответствии со своей специальностью. Более того, даже получив работу в данных сферах, женщины испытывают различные проявления социальной дискриминации. Им приходится доказывать свою состоятельность как специалиста, доказывать, что они могут справляться с возложенными на них обязанностями не хуже мужчин. «Не хуже мужчин» уже подразумевает как бы некую второсортность специалистов-женщин.

Однако проблема статуса женщины в инженерной деятельности не является односторонней. Не только внешние факторы обуславливают эту проблему. От женщины требуется готовность совершенно четко осознавать, что инженерная деятельность не является типично «женской». Тем не менее главным источником социальной дискриминации женщин служит именно сложившееся массовое общественное сознание о роли женщины в обществе. Культура и гендерные стереотипы меняются достаточно медленно, и даже сейчас зачастую в кинематографе, в литературе, в средствах массовой информации воспроизводятся те модели поведения женщин, которые в настоящий момент утрачивают или уже утратили актуальность. Конечно, существуют образы бизнес-женщин и женщин-политиков, но эти персонажи остаются маргинальными, уступая место доминирующим тематическим определениям женщин в программах новостей через безработицу, бедность, последствия военных конфликтов и катастроф, а в рекламе – через образы домохозяек и девушек для развлечений [1]. Пройдет еще достаточно много времени, прежде чем профессиональная деятельность женщин полностью освободится от влияния косных представлений.

Литература

1. *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Не мужское это дело... Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 74–83.

2. *Бабаева Л.В.* Женщины: актуальные направления социальной политики (концептуальный подход к разработке Федеральной программы) // Социс. 1997. № 28.

3. *Козина И.М.* Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 126–136.

С.А. Нечаева
г. Череповец

Социальная справедливость в представлениях религиозного человека

Аннотация. Рассматриваются понятия «справедливость» и «социальная справедливость» в христианской традиции.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость.

Справедливость – это понятие, в котором наиболее концентрированно выражаются надежды и чаяния многих поколений людей, идеалы и высшая ценность для человечества [1]. Стремление людей к справедливости, поиск ее смысла, критериев составляют одну из наиболее значимых проблем в жизни и развитии общества. Сама по себе идея справедливости, как свидетельствует исторический опыт, овладевая умами и сердцами огромных масс людей, становится мощным фактором преобразования общественных отношений, проявляя себя именно как представление о социальной справедливости [2, с. 4]. О проблеме справедливости речь ведется с античных времен, причем содержание этого понятия менялось в различные исторические периоды и рассматривалось с совершенно разных подходов: экономического, юридического, философского, этического, теологического, социального.

Несмотря на множественность подходов к рассматриваемому понятию, можно выделить два «классических» направления к пониманию его сущности. Во-первых, следует выделять «процессуальную» справедливость. В этом смысле социальная справедливость рассматривается с точки зрения нормативно-правовых аспектов и относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму отправления закона. Во втором значении социальная справедливость – это апелляция к некоторому идеальному критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе [3]. С этой точки зрения, обращение к теоретическому наследию теологического подхода к понятию «социальная справедливость» вызывает особый интерес.

«Расцвет» теологического подхода в христианской традиции к пониманию социальной справедливости произошел в эпоху Средневековья. Религиозное миропонимание отразило качественное своеобразие духовного мира человека с точки зрения укорененности веры во все структуры его сознания, для человека его религиозность стала смыслополагающим принципом, обуславливающим его поведение и деятельность. Религиозным человеком можно назвать того, кто верит в реальное существование сверхъестественных сил, Бога, высшего, вечного, совершенного мира абсолютной справедливости, в возможность контакта с этим миром и надеется перейти в этот мир после завершения земной жизни. С этой целью религиозный человек осознанно и с глубоким чувством и переживанием совершает культовые действия и предписания, которые занимают в его жизни особое место. Главная цель и смысл действий верующего – служение Богу, приобщение к нему, а отсюда все формы жизнедеятельности человека ориентированы на превращение нравственно-этического религиозного «идеала» [4]. Одной из составляющих этого «идеала» является справедливость.

Идеал справедливого общественного устройства в раннехристианских учениях представлялся как Царствие Божье, начинающееся на земле, несовместимое с частной собственностью, неравенством и угнетением, антагонистическими отношениями между властью и народом. Авторы раннехристианского вероучения исходили из того, что созданный Богом мир не является справедливым потому, что таковым его делают люди, которые, обладая свободой воли, отклонились от планов, начертанных Творцом. Источник несправедливости усматривался, с одной стороны, в поляризации бедности и богатства, социальном неравенстве, в результате которого меньшая часть населения ведет паразитический образ жизни, а с другой – в неверии [2, с.13]. В мировоззрении религиозного человека представления о социальной справедливости отражали сложившийся сословный порядок, объясняемый как справедливый и «богоданный» уклад жизни, в котором каждый социальный субъект занимает место, заранее предусмотренное целым, – ему надлежит точно знать ему подобающее и быть совершенным в реализации должного [1]. Социальная справедливость в этом случае рассматривалась как некая абсолютная фиксация «божественного порядка», который нельзя нарушать, а также как признание неравноценности людей, их бытия в различном отношении к Богу – есть праведники и есть грешники, одни ближе к Богу, другие – дальше от него.

Сформированное понятие социальной справедливости на тот период развития общества понималось как следующая совокупность идей, способностей и отношений:

- добродетель, общее, высшее, абсолютное благо, приобретенное свойство души;
- уважение природы чего-нибудь или кого-нибудь;
- интегральное мерило человеческих поступков;
- общее начало воздаяния;
- общественный договор о том, чтобы не вредить.

В течение последующих веков своего существования христианство претерпело сложную эволюцию и превратилось в официально поддерживаемую государством религию [2, с. 14]. Изменилось и понимание сущности социальной справедливости.

Несмотря на то, что в представлениях религиозного человека справедливость все еще рассматривается как главная среди добродетелей, которая уравнивает все человеческие достоинства и формирует особую систему ценностей, но способы ее восприятия в условиях современного общества уже совершенно иные [3]. Все чаще возникает вопрос о реализации социальной справедливости в мире. Социальная справедливость теперь предстает как категория, выявляющая и фиксирующая:

- адекватность целей реальным общественным потребностям и возможностям для гуманизации общественных отношений; степень соответствия целей и выбранных для их достижения средств;
- соответствие результатов деятельности гуманистическим социальным ценностям и т.п.

Таким образом, в данной связи просматривается идея того, что нет и не может быть абсолютной и вечной социальной справедливости. Данная категория предполагает учет реального состояния конкретного общества с его неоднородной социальной структурой, со всеми его внутренними противоречиями [2, с. 49–50]. Вместе с тем социальная справедливость остается основополагающим принципом в жизни религиозного человека и играет роль одного из главных регуляторов в его миропонимании [3].

Социальная справедливость и на сегодняшний день осталась в системе ценностей религиозного человека как мерная характеристика, оценочная категория в его мировоззрении и жизнедеятельности.

Литература

1. *Виноградова Н.П.* Идея справедливости в экономических отношениях людей: история и современность // Проблемы современной экономики. СПб., 2009. № 3 (31). URL: <http://www.m-economy.ru>.
2. *Козлов М.И.* Социальная справедливость в контексте русской традиции: Монография. Архангельск, 2010.

3. *Леонов В.С.* Что такое социальная справедливость? М., 2014. URL: <http://www.proza.ru>.

4. *Пуцаев Ю.В.* Религиозный человек – кто он? // «Толковый словарь» с Юрием Пуцаевым. URL: <http://www.pravoslavie.ru>.

Е.Р. Баятина
г. Череповец

Престижное потребление как способ компенсации социальной несправедливости

Аннотация. Статья посвящена проблеме демонстративного потребления, проявляющейся на фоне социальной несправедливости. Рассматриваются причины и мотивы демонстративного потребления. Выявлено несколько типов демонстративного потребления провинциальной молодежи.

Ключевые слова: демонстративное потребление, денежное соперничество.

Еще П. Сорокин говорил о социальной несправедливости, при которой, в радикальном отличии от социальной справедливости, происходит неравное вознаграждение за равный труд, или равное вознаграждение за труд неравный [3]. На сегодня выделяется несколько видов социальной несправедливости: правовая, культурная, демографическая, экономическая.

Чувство социальной несправедливости провоцирует человека на поиск путей избавления от нее. Одни находят выход в девиантном, отклоняющемся поведении, в агрессии, алкоголе, а есть те, кто компенсирует ее с помощью такого феномена, как демонстративное потребление.

Впервые термин демонстративного потребления или престижного потребления был введен в оборот американским экономистом Торстейном Вебленом в 1899 г. [1]. **Демонстративное потребление** характеризуется значительными тратами на товары и услуги, которые совершаются с единственной целью – продемонстрировать окружающим собственное богатство. Т. Веблен выделял несколько видов демонстративного потребления, но нас оно интересует в рамках проблемы социальной несправедливости.

Денежное соперничество – поведение, характерное для бедных, когда посредством покупок роскоши они стремятся к тому, чтобы окружающие принимали их за богатых. Основной мотив: «Хотелось бы, чтобы приняли за богатого!». Отсюда – оставить всю зарплату в ресторане за один вечер, продать квартиру, чтобы отгулять свадьбу и т.п. Се-

годняшняя реальность: люди берут кредиты на покупку автомобиля класса люкс, а потом не знают, чем расплатиться. Молодежь работает для того, чтобы купить себе смартфон за 40–60 тысяч, берет кредиты для этого. Студенты, обедая лапшой быстрого приготовления, сидят рядом с новыми моделями iPhone.

Хочется отметить, что социальную несправедливость с помощью демонстративного потребления фирменных вещей, на которую иногда уходит весь доход, могут пытаться компенсировать люди из разных демографических групп. В 2013 г. в Калуге было проведено исследование среди молодежи в возрасте от 18 до 35 лет с разным экономическим и социальным статусом. В исследовании приняли участие 440 респондентов [2]. По результатам данного исследования выявлены несколько типов демонстративного потребления провинциальной молодежи.

Одним из таких типов был тип «**демонстративность – бегство от бедности**» (5 % выборки демонстративных потребителей). Человеку важно показать, что он не изгой, не бедняк. Отсюда феномен распространённого потребления, демонстрируемого в социальных сетях: изображения, «кричащие» о том, что человека можно отнести к высшему классу по предмету потребления. Задают такие модные престижные тенденции различные медийные люди, люди шоу-бизнеса, знаменитости. Молодежь, смотря на их жизнь, пытается с помощью потребления тех же благ и услуг как-то стереть границы этого социального неравенства. Причины и мотивы демонстративного потребления разнообразны, но значительная часть людей, для которых оно характерно, ведут себя подобным образом именно из-за чувства социальной несправедливости.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1994.
2. Посыпанова О.С. Особенности мотивации демонстративного потребления провинциальной молодежи // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 116–130.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 180–181.

Е.А. Соловьева
г. Череповец

Социальное неравенство в условиях современной России

Аннотация. Показаны основные тенденции трансформации социальной структуры в современной РФ.

Ключевые слова: общество, неравенство, социальная структура, интеграция, дезинтеграция, система.

Социальное неравенство – это форма дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Неравенство означает, что люди живут в условиях неравного доступа к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Справедливость есть не что иное, как последовательно проведенное равенство. Социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов [3], [4], [9]. Равенство, по А.Б. Гофману, может являться источником конфликтов и несправедливости, а неравенство – согласия и справедливости [2]. Данную проблему исследуют З.Т. Голенкова, Д.Л. Константиновский, В.В. Локосов, Н.Е. Тихонова [1]. Обозначим некоторые аспекты проблемы. Современное понимание проблемы социального неравенства опирается на изучение процессов социальной интеграции и дезинтеграции. Интеграция делает акцент на согласованности и гармонии элементов общества (традиция идет от Платона, Гоббса, Конта). Социальная дезинтеграция проявляется в распаде или исчезновении единых социальных ценностей, общей социальной организации, институтов. Полная социальная дезинтеграция разрушает систему. В России идет тенденция к дезинтеграции общества. Социальные группы, корпорации, сообщества и индивиды по-разному представляют себе образы «единого» социального пространства [6]. Существует размытость социальных статусов. Общество стало структурироваться по новым для России основаниям:

- 1) преобразование институциональных основ, появление частной собственности и развитие на ее базе предпринимательства;
- 2) перемены в системе занятости;
- 3) снижение уровня жизни большей части населения;
- 4) разрушение одной ценностно-нормативной системы;
- 5) ограничение или лишение доступа к материальным и духовным ресурсам, необходимым для удовлетворения основных жизненных потребностей [8].

По З.Т. Голенковой, формирование новой социальной структуры и ее состава идет тремя путями: появление новых социальных обществ на основании плюрализма собственности; изменение на основании превращения находящегося в собственности государства традиционного

класса; появление страт на основании взаимодействия различных форм собственности: менеджеры – новый слой управления, новая элита, средний класс и т.п. [1].

В экономико-социальном плане средние слои сглаживают противоречия между содержанием труда представителей различных профессий, городским и сельским образом жизни [7]. В отношении семьи средние слои оказываются проводниками традиционных ценностей, сочетая их с ориентацией на равенство возможностей для мужчин и женщин в образовательном, профессиональном, культурном отношениях [9].

Сопутствующие политическому переустройству экономические процессы – спад производства, безработица, инфляция и т.д. – сказались на оплате труда, пенсиях, пособиях значительной части общества, привели к резкому уменьшению реальных доходов большей части населения. Анализ социального состава «новых бедных» выявил присутствие в нем значительной доли специалистов, что позволило выдвинуть гипотезу: рост слоя происходит за счет массового обнищания интеллигенции, считавшей себя ранее среднеобеспеченной. Ядро составляют научные работники, учителя, врачи, руководители низшего уровня, инженеры. Основная часть – люди трудоспособного возраста.

Литература

1. *Голенкова З.Т.* Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
2. *Гофман А.Б.* Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социс. 2004. № 7.
3. *Давидович В.Е.* Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М., 1989.
4. *Дубко Е.Л., Титов В.А.* Идеал, справедливость, счастье. М., 1989.
5. *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
6. *Ильин И.А.* О справедливости // Народное образование. 1993. № 1.
7. *Оганесян А.К.* Равенство и справедливость (Концепции Д. Роулса и Д. Белла) // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. М., 1990.
8. Россия в цифрах. 2003 г.: Статистический сборник. М., 2003.
9. Свобода и справедливость: диалог мировоззрений: Материалы симпозиума. Н. Новгород, 1993.

В.И. Попов
г. Череповец

Учение масонов как ступенька к социальной справедливости

Аннотация. Рассматриваются основные черты учения масонов, принципы и правила вольных каменщиков, их отношение к религии и властям.

Ключевые слова: масонство, учение масонов, социальная справедливость.

Социальная справедливость – часто встречающееся сегодня выражение, которое мы можем слышать абсолютно от разных людей. Каждый вкладывает в него определенный смысл. На самом деле, не существует точного определения данного понятия. Их довольно много. Вот некоторые из них, которые можно найти:

- требование справедливости применительно к условиям социального существования;
- мера равенства в жизненном положении людей, классов и социальных групп, объективно обусловленная уровнем материального и духовного развития общества;
- справедливое распределение ресурсов в обществе.

Формулировки разные, которые можно критиковать за расплывчатость и др., но все верны, так как в них выражена одна сущность. В любом случае практически любой человек, пытаясь объяснить свое понимание социальной справедливости, будет говорить об одном и том же, но разными словами и с разных классовых позиций. А если их спросить о том, что обеспечивает социальную справедливость, скорей всего, на ум будут приходить мысли о государстве, его структурах и др. Действительно, и раньше задумывались о необходимости изменения общества к лучшему. Так, можно привести теорию разделения властей Дж. Локка или труд Макиавелли «Государь», можно вспомнить об идеологиях, которые появились в XIX в.: либерализм, консерватизм, социализм. Все они говорят об изменении в государстве, его структуре в определенном направлении. А работа «Государь» о человеке, но он – правитель – часть государственного аппарата. Все работы представляют собой некоторые теории о путях изменения государства, чтобы жизнь в нем стала лучше. Подходы разные, но есть и сходства – все предлагают «реформирование» сверху. Но можно посмотреть и с другой точки зрения. В основе всех органов власти стоят люди, значит, можно пробовать «реформировать» их. Этим уже призваны заниматься другие социальные институты, например, религия, семья и пр.

В этом контексте мы можем говорить о такой общественной организации как масоны. Их деятельность можно условно подразделить на три вида: мистицизм, наука, нравственность. Последняя из них и будет нас интересовать, так как именно в ней проявлялось воспитание человека. Этика масонов проявлялась прежде всего в уставах, где были закреплены основы ценностей поведения и морали члена масонского ордена. Какую цель преследовала данная организация? В работе В.А. Боголюбова «Н.И. Новиков и его время» мы находим: «Основатели масонства главной своей целью поставили то, чтобы возвратить человекoв к первой их натуральной доброте и заставить законы природы прозябнуть паки в сердцах их в величайшем совершенстве» [1, с. 492]. Речь идет о требовании самосовершенствования масона.

Но масоном нужно было стать, при этом полагалось дать клятву. Данные тексты у разных лож имеют одну и ту же структуру и между собой очень похожи. В одной из них мы находим, что проходивший посвящение обязывался любить «всем сердцем» Бога, правительство, братьев, людей, помогать им «по всем силам», в деяниях быть мудрым, предусмотрительным, осторожным в словах, а также благородным, добросердечным и др. В этих требованиях и обязательствах есть отголоски христианства, следовательно, масоны не были ни против религии, ни против государства.

Как один из примеров устава масонства можно рассматривать работу известного масона И.В. Лопухина «Духовный рыцарь». Автор приводит «общие правила духовных рыцарей» [3]. Цели воспитания: развитие «внутреннего человека», строительство «внутреннего храма» и т.д.

Далее можно посмотреть и на устав вольных каменщиков, который был утвержден на конвенте в Вильгельмсбаде в 1787 г. и предназначен для отправки и в Россию. Первая часть посвящена обязательствам перед «Богом и религией», вторая – «бессмертию души», в которых видны пересечения с христианством, и снова никаких призывов против церкви. Масоны, согласно своим уставам, не должны идти против законной власти. К другим вольный каменщик относится как к своим братьям, которых он должен любить как самого себя, прощать врагов и др., в том числе и быть образцом. В параграфе «О нравственном совершенстве самого себя» говорится о необходимости изучения смысла символов, но этому посвящен только пятый – последний пункт «отделения», остальные четыре показывают, что каменщик должен совершенствовать свою душу, бороться со своими пороками, совершенствоваться каждый день и этот процесс должен быть постоянным, т.е. всегда нужно стремиться стать лучше [4].

Работа Гарольда Вуриса может служить примером преемственности и сохранения основных принципов каменщиков. Указывается, что «бра-

тья» должны переносить учение на свою повседневную жизнь и тем самым служить примером для других людей, утверждать равенство, достойно выполнять свою работу, не связанную с орденом. Что касается цели, то она тоже проста и включает в себя развитие человека, пропаганду человеческих отношений, которые должны быть основаны на «братской любви и гармонии», т.е. «задача (масона) – делать хороших людей еще лучше» [2, с. 43].

Касаясь основы деятельности масонов, можно представить ее тремя принципами: познание самого себя – работа над собой, изучение наук и пр.; «бегство от зла» – борьба со своими страстями и желаниями; «делание добра» – проявление «любви» к людям, своим братьям.

Основная цель масонов, по В.А. Боголюбову, вернуться к «натуральной доброте. <...> Ея же стараются достигнуть и гражданские законы всех возможных образов правления» [1]. В этом смысле учение масонов можно назвать ступенькой к идее социальной справедливости и ее осуществлению.

Литература

1. *Боголюбов В.А.* Новиков и его время. М., 1916.
2. *Вурис Г.* Факты для вольного каменщика. Ричмонд, 1977.
3. *Лопухин И.В.* Масонские труды: Масонский рыцарь, Некоторые черты о внутренней церкви. М., 1997.
4. Устав вольных каменщиков (XIII–XIX вв.)

Сведения об авторах

- Алексеева Надежда Викторовна**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Андрощук Владимир Антонович**, канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Антонова Злата Владимировна**, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, ЧГУ, г. Череповец
- Балюшина Юлия Львовна**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Баятина Екатерина Романовна**, магистр кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Бушуева Нина Александровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, ВГУ, г. Вологда
- Воробьева Ирина Николаевна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Воробьева Ольга Сергеевна**, аспирантка кафедры дошкольного воспитания, ЧГУ, г. Череповец
- Глотова Светлана Николаевна**, преподаватель БПОУ ВО «Борисоглебский техникум промышленных и информационных технологий». Цикловая комиссия гуманитарных и правовых дисциплин, г. Борисоглебск
- Грушина Елена Анатольевна**, магистрант кафедры строительства, ЧГУ, г. Череповец
- Дик Петр Францевич**, канд. филос. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Костанайский инженерно-экономический университет им. М. Дулатова (КИнЭУ), Казахстан, г. Костанай
- Егоров Андрей Николаевич**, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Исаков Алексей Александрович**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и обществознания историко-филологического факультета ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал, г. Арзамас
- Квашнин Владимир Александрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии, ВГУ, г. Вологда
- Князева Светлана Евгеньевна**, канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
- Ковалева Галина Александровна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Козлов Михаил Иванович**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Института социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

- Козлова Ольга Валериевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Куницын Андрей Геннадьевич**, аспирант кафедры истории и философии ЧГУ, г. Вологда
- Лойко Александр Иванович**, д-р. филос. наук, проф., заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, г. Минск
- Лойко Лариса Егоровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск
- Лукина Дарина Сергеевна**, магистрант 1-го курса кафедры философии и социологии, Институт социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
- Марков Евгений Алфеевич**, д-р полит. наук, проф. кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы, ЧГУ, г. Череповец
- Мехова Альбина Анатольевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Муллабаева Равиля Рамзаевна**, студентка ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Елабужский филиал), г. Елабуга
- Некрасова Татьяна Владимировна**, магистрант 1-го курса кафедры философии и социологии, Институт социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
- Нечаева Светлана Андреевна**, магистрант кафедры социологии и социальных технологий, ЧГУ, г. Череповец
- Новиков Алексей Евгеньевич**, канд. филол. наук, доцент кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Одноочко Мария Игоревна**, студентка ИТИ, ЧГУ, г. Череповец
- Пахолкова Татьяна Васильевна**, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, ЧГУ, г. Череповец
- Петровская Анна Викторовна**, магистрант кафедры строительства ИТИ, ЧГУ, г. Череповец
- Поматилов Дмитрий Михайлович**, студент ИИТ, ЧГУ, г. Череповец
- Попов Владимир Иванович**, студент ГИ, ЧГУ, г. Череповец
- Прохоров Дмитрий Анатольевич**, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым
- Пудова Ольга Сергеевна**, студентка ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет», педагогический институт, г. Вологда
- Седов Андрей Вячеславович**, канд. филол. наук, доцент кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец
- Смирнов Виктор Витальевич**, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и правовой информатики ФГБОУ ВПО «Северо-

Западный институт», филиал университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда

Смирнова Ольга Вениаминовна, канд. филос. наук, проф. кафедры истории и философии, ЧГУ, г. Череповец

Соловьева Евгения Андреевна, студентка 2-го курса ИТИ, ЧГУ, г. Череповец

Сухондяева Татьяна Юрьевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии Вологодского государственного университета, г. Вологда

Табунов Павел Александрович, студент ИИТ, ЧГУ, г. Череповец

Тотьмянин Николай Дионисович, канд. ист. наук, доцент кафедры иностранных языков, ЧГУ, г. Череповец

Тумаков Денис Васильевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и философии ГБОУ ВПО «Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России», г. Ярославль

Хайлова Нина Борисовна, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук», Центр «История России в XIX – начале XX века», г. Москва

Шубина Татьяна Федоровна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии, Институт социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

*Материалы VI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(г. Череповец, 24–26 марта 2016 г.)*

Ведущий редактор: Г.В. Иванова
Ведущий технический редактор: М.Н. Авдюхова
Макет обложки: А.В. Несонов

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 25.05.16. Тир. 100 (1-й з-д 29).
Уч.-изд. л. 10. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. п. л. 10,8.
Гарнитура Таймс. Зак.

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»
162600 г. Череповец, пр. Луначарского, 5.